

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Ни
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (34) 2019

IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
Дискурс*Ни

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Ни
Екатеринбург – 2019

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 1 (34) 2019
Август 2019**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 31.08.2019 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 11,7

Тираж 300 экз.

Заказ № 118539

Отпечатано в типографии ИП Крючкова С.Г.
620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77ж

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Руденко – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 1 (34) 2019
August 2019**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malysheva Street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on August 31, 2019
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 11,7
Issues – 300
Order # 118539

Printed by typography
of individual entrepreneur S.G. Kryuchkova
ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasilii Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 1 (34)

Тропы метода

- Давыдов Д.А.**
На пути к новой антагонистической формации?10
- Кондрашов П.Н.**
О противоречиях посткапитализма:
размышления над статьей Д.А. Давыдова.....20
- Шуталева А.В.**
Конститутивность феноменологического созерцания29
- Русакова О.Ф., Ковба Д.М.**
Исследования мягкой силы в российской политической науке:
анализ проблемно-тематических полей37
- Артемова А.А.**
Этнография вербального дискурса.....51

Парадигмы и процессы

- Митрохина Т.Н.**
Политическая повестка дня:
понятие, специфика, факторы формирования.....59
- Лопатин С.В.**
Политический фрейминг
как стратегия манипулирования политическим сознанием68
- Хубриков Б.О.**
«Мягкая сила» КНР в эпоху Си Цзиньпина.....77
- Люликова А.В., Селезнева Л.В., Тортунова И.А.**
Роль фармацевтической лексики
в суггестивной коммуникации90

Трибуна

- Мошкин С.В.**
Крымский передел в 1954 году..... 100

Энциклопедия «Дискурсология»

Русаков В.М.

Врата 111

Рецензии и рефераты

Шевченко М.А.

Авторитаризм vs популизм: критические подходы..... 120

Бисимбаев Т.Р.

Противостояние Д. Трампа и CNN 129

1 (34)

Tropes of Method

Davydov D.A.

Towards A New Antagonistic Social Formation?10

Kondrashov P.N.

On The Contradictions of Post-Capitalism:

Notes on the Article by Dmitry Davydov.....20

Shutaleva A.V.

Constituency of Phenomenological Conservation29

Rusakova O.F., Kovba D.M.

Soft Power Studies in the Russian Political Science:

Analysis of Problematic-Topic Fields.....37

Artemova A.A.

The Ethnology of Verbal Discourse51

Paradigms and Processes

Mitrokhina T.N.

The Political Agenda:

Concept, Specificity, Formation Factors59

Lopatin S.V.

Political Framing

as a Strategy of Manipulation of Consciousness68

Khubrikov B.O.

Chinese «Soft Power» in the Era of Xi Jinping77

Liulikova A.V., Selezneva L.V., Tortunova I.A.

The Role of Pharmaceutical Vocabulary

in Suggestive Communication90

Tribune

Moshkin S.V.

Crimea Redistribution in 1954 100

Encyclopedia «Discoursology»

Rusakov V.M.

Gate 111

Reviews and Abstracts

Shevchenko M.A.

Authoritarian vs Populism: Critical Approaches 120

Bisimbayev T.R.

D. Trump’s Confrontation with CNN 129

УДК 304.9

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.1019

НА ПУТИ К НОВОЙ АНТАГОНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ?*

Давыдов Дмитрий Александрович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник отдела философии,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена осмыслению перспектив становления посткапиталистического общества. Автор обосновывает тезис, согласно которому процессы складывания посткапиталистических общественных отношений идут уже давно, однако многие из них выпадают из поля зрения исследователей, так как их легко спутать с негативными проявлениями капитализма. Согласно автору, будущее посткапиталистическое общество будет еще более противоречивым, чем буржуазное. Речь должна идти о становлении новой антагонистической общественной формации.

Ключевые слова:

Коммунизм, посткапитализм, социал-демократия, общественные формации.

Сегодня вновь становится актуальной идея перехода к посткапиталистическому обществу. Это обусловлено как углублением противоречий современного глобального капитализма, так и рядом перспектив влияния бурно развивающихся высоких технологий на социальную структуру общества. При этом существующие концепции посткапитализма [7], в основном, выстраиваются по привычной марксистской логике: есть некое «старое» состояние сегодня, которое преодолевается прогрессивной социальной силой, чтобы затем выстроить новое общество на началах справедливости и всеобщего благополучия.

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 19-011-00650 А «Контурь посткапиталистического общества: перспективы и социальные противоречия».

В настоящей статье я попытаюсь представить противоположную картину. Посткапиталистическая общественная формация, к которой мы движемся, не просто будет иметь свои противоречия, она будет *антагонистической*.

Почему можно/нужно говорить о посткапитализме сегодня

Прежде всего, необходимо ответить на ряд вопросов, которые могут возникнуть еще до обсуждения ключевого вопроса. Например, зачем вообще говорить о противоречиях общества, которое еще только маячит где-то далеко за горизонтом, если еще противоречия капиталистического общества не нашли своего разрешения? Однако таким вопросом задается только тот, кто придерживается чрезмерно упрощающих реальность взглядов: сначала будто бы разрешаются противоречия старого общества, которое достигает качественно нового состояния, а потом, конечно, в этом качественно новом состоянии могут возникать новые противоречия, но там будут замешаны совершенно другие субъекты. Но проблема в том, что в истории так никогда не было. Новая общественная система всегда «врастала» в старую. Капитализм, к примеру, словно опухоль, разрастался в теле феодального общества и, в конце концов, завладел всем организмом. При этом никто не говорит о том, что для становления капитализма было необходимо, чтобы сначала крестьяне свергли феодалов, а уже затем на почве постфеодальных отношений родился капитализм. Напротив, последний появлялся изначально как система в системе вместе со своими собственными противоречиями. Возникает закономерный вопрос: почему мы должны считать, что переход к посткапиталистической формации будет представлять собой исключение в виде революции пролетариата (как о том говорил Маркс), который сначала позаботится о принципиальном «улучшении» общества? Может ли быть так, что новая антагонистическая общественная формация (в своем «зачаточном» состоянии) уже сравнительно давно «вшита» в капитализм, но мы ее не замечаем в виду ее *антагонистичности*, по привычке обвиняя во всех грехах буржуазию?

Если мы утвердительно ответим на последний вопрос, то для нас нет никаких препятствий рассуждать о посткапиталистическом обществе, ибо сам предмет рассмотрения уже наличествует (хоть и не в развернутом виде) в современном обществе. И это далеко не наше открытие: о расширении пространства посткапиталистических отношений сегодня пишут многие исследователи [12; 16]. Как отмечает А. В. Бузгалин, «если на время абстрагироваться от товарно-денежных форм оценки и учета движения благ (а эти формы были даже в плановой экономике СССР, они присутствуют в деятельности любой некоммерческой организации), то окажется, что в странах с социально ориентированной моделью капитализма (Скандинавия, Австрия и др.) вне отношений товарного производства лежит создание и потребление едва ли не половины всех благ. Это касается большей части дошкольного, школьного и высшего образования; медицины; фундаментальной науки и значительной части прикладной науки; деятельности общественных организаций и волонтеров; значительной части информационной деятельности (бесплатные библиотеки, Интернет и, в частности, Википедия) и др.» [4, с. 47–48]. Многие исследователи считают, что становление так называемого «когнитивного капитализма», в котором богатство все боль-

ше обуславливается приращением знаний, уже есть своего рода начало конца капитализма [5]. Процесс «производства» знания – это уже нечто выпадающее из привычной логики процесса «самовозрастания стоимости», описанного К. Марксом в «Капитале». Приращение знания обуславливается неуловимым *творчеством*, связанным не столько с трудовыми усилиями, сколько с талантом, поиском своего предназначения в мире, *самореализацией*. Наконец, и само знание не обладает привычными для капиталистической экономики свойствами экономического ресурса: оно не убывает, если им делиться (скорее еще больше возрастает), его можно бесплатно и быстро распространить и предоставить каждому равный к нему доступ.

Однако именно эти изменения в структуре современной экономики порождают ложные представления о будущем после капитализма, ибо сегодня многие исследователи склонны видеть в посткапиталистических отношениях в основном только несомненно положительные стороны, а во всем негативном обвинять капитализм. Оттого будущее рассматривается как своего рода идиллия: весь рутинный труд берут на себя машины и роботы (эта тема довольно актуальная [14]), а человек довольствуется свободной творческой деятельностью. При этом творчество рассматривается как нечто во всех смыслах положительное и приятное. Приведем слова А. Бузгалина: «творческий труд – это деятельность, качественно отличная от репродуктивной (воспроизводящей прежнее качество) деятельности по следующим параметрам: а) творческий труд выступает ценностью, а не обременением; б) он обладает свойством самомотивации; в) не происходит физическое потребление средств производства или этот процесс носит вспомогательный характер; г) результатом творческого труда выступают феномены культуры» [3, с. 17]. При этом даже не допускается, что творческий труд может приводить к новым формам отчуждения [6], что именно в творчестве имплицитно содержится «зло», которое спешит вырваться наружу и побудить большие массы людей к новому витку «классовой» борьбы (хотя здесь еще нужно будет подумать, насколько применим термин «класс» для будущих общественных антагонизмов).

О противоречиях и антагонизмах

Следующий момент, который следовало бы прояснить, – разница между противоречием и антагонизмом. В Советской энциклопедии говорится, что «антагонизм» – это одна из форм противоречий, характеризующаяся острой непримиримой борьбой враждующих сил, тенденций [1]. В.И. Ленин отмечает, что «антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» [10, с. 357]. К противоречиям социалистического общества в советской науке относили следующее: противоречия между производительными силами и производственными отношениями; между пролетариатом и непролетарскими слоями населения; между советскими производственными отношениями и мелкобуржуазным сознанием значительной части населения и т. п. Иными словами, социализм прекращает непримиримое противостояние классов, остаются локальные противоречия, которые должны разрешаться по мере движения к коммунизму. Как отмечается в «Истории марксистской диалектики», «неантагонистические противоречия социализма

коренным образом отличны от антагонизмов капитализма. Если последние основаны на непримиримой враждебности классовых интересов, то первые покоятся на коренной общности интересов дружественных классов и социальных групп» [8]. При этом в представлении советских марксистов коммунистическое общество практически лишается противоречий. Совсем, конечно, без противоречий нельзя, ибо так остановится развитие, но принимают они скорее не-социальную форму: «удвоение основных производственных фондов в стране, качественное изменение и усложнение самого производства (если иметь в виду прежде всего объективную сторону процесса, хотя имелись также недочеты и ошибки в планировании) породили противоречие между новым уровнем общественного производства и устаревшими формами хозяйствования» [8]. Подобное мы находим у Мао Дзэдуна, согласно которому в обществе, «где перестанут существовать классы, никогда не прекратится борьба между новым и старым, между правильным и ошибочным» [11, с. 133]. Короче говоря, с переходом к бесклассовому обществу разрешение противоречий превращается в совокупность управленческих задач.

Здесь также стоит прояснить разницу между антагонистической *конкуренцией* и неантагонистическим *социалистическим соревнованием*. И.В. Сталин отмечает: «Иногда социалистическое соревнование смешивают с конкуренцией. Это большая ошибка. Социалистическое соревнование и конкуренция представляют два совершенно различных принципа. Принцип конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других. Принцип социалистического соревнования: товарищеская помощь отстающим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема. Конкуренция говорит: добивай отстающих, чтобы утвердить свое господство» [13].

Все это мы отметили, чтобы показать: будущее будет совсем не таким, каким его представляют сторонники неантагонистического посткапитализма.

От утопии к реальности

Каковы основные черты антагонистической общественной формации? Думается, можно выделить две:

а) наличие *господствующего* социального слоя, чье господство, и вообще «высшее» положение, обусловлено «низшим» положением противостоящего ему социального слоя (в марксистской терминологии – класса);

б) вражда между представителями «вышестоящих» и «нижестоящих» социальных слоев, периодически выливающаяся в акты физического насилия.

Выше мы уже отметили, что посткапиталистическое общество сегодня представляется как своего рода идиллия всеобщего творчества. Но проблема в том, что когда сегодня говорят о росте творческих возможностей человека, почему-то не видят того, что этот процесс в корне противоречив. Дело в том, что *рост творческих сил одних приводит к обесценению творческих сил других*. Именно деятельность творческих людей приводит к созданию продвинутых машин, роботов, искусственного интеллекта, которые не просто лишают многих людей рабочих мест, но, по сути, их трудовой и творческой субъектности. И здесь мы вновь рискуем попасть в ловушку, обвиняя во всех грехах капитализм. Дескать, если проблема «лишних людей» и существует, то это вина капитализма,

который не в состоянии развить в каждом его творческую личность, найти каждому применение [3, с. 17]. Отчасти это действительно так, но суть проблемы от этого не меняется: если общество будет способствовать личностному и творческому развитию каждого, то мы просто столкнемся с ситуацией, когда все больше и больше людей будут создавать передовые технологии, которые будут только еще более быстрыми темпами обесценивать труд «среднестатистического» человека. А проблема обесценения труда человека сегодня рассматривается весьма серьезно. Сегодня говорят о том, что не только рутинный труд будет рано или поздно автоматизирован, но и некоторые аспекты творческой деятельности. В конце концов, уже сегодня искусственный интеллект в состоянии писать симфонии или рисовать картины. Вполне возможно появление алгоритмов-изобретателей, а еще позже – «сильного» искусственного интеллекта, чьи когнитивные способности будут на много порядков опережать человеческие [9]. Вот что пишет на этот счет израильский историк Ю.Н. Харари: «где гарантия того, что художественное творчество также не покорится алгоритмам? Откуда в нас уверенность, что компьютеры никогда не станут сочинять музыку лучше? С точки зрения естественных наук искусство является продуктом не вдохновленного духа или трансцендентной души, а органических алгоритмов, распознающих математические модели» [15, с. 376].

Конечно, в подобных суждениях есть свои преувеличения. Но даже если роботы и искусственный интеллект не обесценят человеческий труд полностью, трудно отрицать, что ускорение темпов технологического прогресса приведет к росту социальной прослойки «лишних людей», которые не смогут постоянно адаптироваться к меняющейся реальности. Более того, *чем больше людей будут высвобождаться из сферы рутинного труда, тем сильнее будет становиться конкуренция в различных сферах творческой деятельности.*

И мы здесь должны подчеркнуть слово «конкуренция», ибо не стоит идеализировать творчество как таковое. Конечно, можно получать наслаждение от самого процесса созидания, духовного развития и т. п. Но творчество также непредсказуемо, почти не поддается тренировкам, его нельзя искусственно пробудить (как нельзя запланировать на ту или иную неделю/месяц/год написание литературного шедевра). Соответственно, человек может всю жизнь заниматься творческой деятельностью, но оказаться непонятым, а то и вовсе осуждаемым. Но если в будущем людям останется только творческая деятельность, то разве не окажется творческая неудача *фатальной*? Разве не будет человек, многократно испытавший неудачи в своих творческих начинаниях, чувствовать себя ничтожным? Стоит помнить, что мы живем в секулярную эпоху, когда «Бог умер», и мало кого убедишь в том, что наш мир – это всего-навсего промежуточный этап, который нужно *пережить*. И когда машины и роботы сделают бесполезным рутинный труд, смогут ли найти смысл жизни миллиарды выброшенных на обочину жизни людей?

Здесь возникает встречный вопрос: не обусловлено ли наше представление о творческой конкуренции в будущем буржуазной ментальностью, согласно которой все возможности мира должны открываться только самым богатым и успешным? Разве не представим мир, в котором нет культа успеха и всеобщей погони за утверждением себя в этом мире в качестве *неповторимых личностей*? Но проблема в том, что культивирование ценностей творческого развития, само-

реализации, больших достижений, само почитание добродетелей, свойственных талантливым и гениальным людям, «меняющим мир к лучшему», будет попросту *необходимо*.

Во-первых, человечество еще долгое время будет нуждаться в выдающихся творческих личностях. По мере удлинения продолжительности жизни люди будут всячески бороться со скукой, а это будет порождать большой спрос на результаты творческого труда. Но важнее то, что люди будут стремиться к *бессмертию*, а его реальное достижение, по всей видимости, потребует усилий огромного числа талантливых и гениальных людей. (Более того, и само творчество можно рассматривать как путь к бессмертию – только в памяти потомков о выдающихся деяниях).

Во-вторых, обществу будут нужны *ценностные ориентиры, которые можно было бы противопоставить процессам морального разложения и деградации*. А это будет наблюдаться повсеместно, ибо легкая альтернатива борьбе за творческую самореализацию – это «прожигание жизни», уход от реальности в виртуальность. При этом именно *в результате творческой деятельности* будут появляться новые виды наркотиков и прочих средств личностной деградации. Иными словами, всякое мещанское мирозерцание, выражающееся в стремлении к «обычному человеческому счастью» будет лишь означать капитуляцию перед поглощающей личностью обыденностью, перед соблазнами ничегонеделания, погоней за новыми дозами одурманивающего кайфа.

Наконец, борьба за творческую самореализацию неизбежно приведет к выделению *господствующей* социальной прослойки. Однако основания господства изменятся. Если речь идет именно о *посткапиталистическом* обществе, то в самом лучшем случае господствовать будут *лучшие* (пусть это будут выдающиеся художники, поэты, музыканты, ученые, общественные деятели и т. п.). Это можно было бы назвать меритократией, но только условно. Дело в том, что под меритократией сегодня понимают в основном принцип, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные, выдающиеся люди. Но проблема в том, что в будущем вовсе не нужно будет никому занимать управленческие должности, чтобы господствовать. Даже если человечество изобретет методы обеспечения прямой демократии (а оно их, скорее всего, изобретет), и каждый политический вопрос будет разрешаться с помощью ежедневных референдумов (то есть отпадет необходимость в народных представителях), это не освободит человечество от господства и *потребности* в нем. Однако это господство не будет выражаться в формально-институциональном виде, оно станет *дискурсивным*, то есть будет определяться *способностью влиять на общественный дискурс*.

Дело в том, что массы сами по себе не способны создавать политическую повестку дня. Для упорядоченного и единого политического курса необходим *порядок дискурса*. Иными словами, вместо миллиардов перекрикивающих друг друга голосов, люди должны иметь доступ к ограниченному количеству структурированных дискурсов, между которыми могла бы вестись конкурентная борьба, и которым можно было отдавать предпочтение в зависимости от конкретной ситуации.

Также господство немногих будет обусловлено существованием множества проблем и рисков, порождаемых бурным технологическим прогрессом. Перед

человечеством встанут проблемы, связанные с перспективами изменения природы человека, с масштабными научными экспериментами, выходящими из-под общественного контроля творческими силами и т. п. В этом смысле «распыление» общественного дискурса может обернуться хаосом. Поэтому возникнет потребность в сочетании прямой демократии с расширением контролирующих и управленческих функций государства (именно государства, ибо само оно никуда не исчезнет в антагонистическом обществе).

Думается, для того чтобы дискурс сам себя структурировал даже не нужно будет придумывать каких-либо специальных механизмов отбора. Возвышение личности (пусть даже самой лучшей, доброй, настроенной на всеобщее благо) – это всегда процесс *становления-ярким-на-фоне, выделения-на-фоне-остальных*. Дискурсивное господство – это власть ментальным пространством, а известность – важнейшее «средство производства» личности, которого лишены остальные. Уже Н. А. Бердяев (христианский философ (!) и один из главных критиков марксизма) писал: «личное начало связано с иерархическим началом, оно раскрывается в космосе и гибнет в хаосе. Личное начало – по существу аристократическое начало, оно предполагает различие и границу. Личность не терпит хаотического смешения, плебейского стирания всех границ и различий. Личное начало есть начало качественное, оно есть неповторимое качество, не допускающее количественных смещений» [2, с. 54].

Однако сама по себе личность непредставима без того, кто за ней идет, без того, кто ее слушает и *понимает*. Поэтому здесь наблюдается своего рода «эксплуатация»: выдающаяся личность возвышается над остальными, но без них непредставима. Творческая личность непредставима без *публики*. Но публика – это далеко не всегда бессубъектный *фон* или совокупность пассивных людей, по головам которых ходят великие. Напротив, публика – это совокупность *воспринимающих* субъектов. Без их *восприятия, оценки, благодарности и т. п.* невозможна никакая творческая субъектность. Поэтому при демократическом варианте посткапитализма (а возможен и недемократический, но это вопрос, требующий отдельного рассмотрения) у рядовых граждан останется моральное право требовать от выдающихся личностей соответствующих действий, направленных на качественное улучшение жизни *всех*. Но проблема в том, что выдающиеся личности (персоналиат) всегда будут восприниматься не-личностями (имперсоналиатом – не обладающими личностью в социальном смысле этого слова как *совокупностью заслуг*) как *враги*. Рядовой гражданин, стремящийся к своей собственной самореализации, всегда будет стремиться сбросить с вершины всех тех, кто на ней находится. Вся господствующая элита будет периодически *обвиняться в неспособности обеспечить личностное развитие каждого*, в бездействии, в ошибочности их убеждений. Вполне возможны и обострения данных конфликтов, доходящих до непосредственной вражды с применением физического насилия. К тому же нужно учитывать, что стремление к самореализации может выражаться в стремлении *выразить себя любой ценой*, пусть даже это – насильственные действия, организации экстремистских группировок, а то и вовсе – каких-либо сект, ведущих подрывную деятельность ради построения совершенно другого, *правильного-с-их-точки-зрения* мира.

Итак, какой можно сделать вывод? Читателю может показаться, что в настоящей статье дело зашло в область фантастики и футурологии. Однако

специфика ситуации заключается в том, что вышеописанный сценарий основан исключительно на том, что уже сегодня можно наблюдать. Более того, за основу специально принят благоприятный сценарий развития общества, в рамках которого переход к посткапитализму – это постепенное освобождение от гнета буржуазной системы, и вообще становление максимально демократического общества. Но даже такое движение без каких-либо эксцессов и исторических спиралей порождает большое количество вопросов о будущем, о том, насколько оно будет соответствовать идеалам современных сторонников идеи посткапитализма. Есть все основания считать, что мы движемся к очередной антагонистической общественной формации. И это, думается, важно отметить именно сегодня, так как мы рискуем оказаться обманутыми ожиданиями. Более того, мы рискуем упустить важный факт: становление посткапиталистической формации уже давно идет. Оно идет как процесс постепенного возвышения технократической и духовной элиты, и как «обратный» процесс постепенного «обесценения» труда большого количества людей, *прекаризации* и тому подобного. И именно сегодня можно задуматься над тем, можно ли сделать этот процесс *менее драматичным*.

Любая общественная формация – это спектр возможностей. Эпоха буржуазного способа производства была неоднородной. Мы видели эпоху борьбы рабочего класса за свои права. Мы также видели построение социального государства и даже такой грандиозный порыв творческой энергии, как Союз Советских Социалистических Республик. Вполне возможно, что и будущая антагонистическая формация даст нам определенное пространство для маневра. Будем надеяться, что и эту вершину человеческий гений сумеет покорить.

1. Антагонизм – Советская Энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/67/%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%93%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения: 25.12.2018).

2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010.

3. Бугалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производственных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.

4. Бугалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.

5. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

6. Давыдов Д.А. После капитализма: свобода от отчуждения или рентное забвение? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. № 1. С. 20–32.

7. Давыдов Д.А. Есть ли смысл в концепте посткапитализма? // Дискурс-Пи. 2018. № 2 (31). С. 114–123.

8. Курсанов Г.А. (ред.) История марксистской диалектики. Ленинский этап. М.: Мысль, 1973. URL: <https://leninism.su/books/4066-lenin-kak-filosof.html?showall=&start=12> (дата обращения: 25.12.2018).

9. Курцвейл Р. Эволюция разума. Как расширение нашего разума позволит решить многие мировые проблемы. М.: Эксмо, 2016.

10. Ленинский сборник. XI. Под ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М., Л.: Государственное издательство, 1929.
11. Мао Ц. Маленькая красная книжица. М.: Алгоритм, 2007.
12. Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему. М: Ад Маргинем Пресс, 2016.
13. Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. URL: <https://petroleks.ru/stalin/12-19.php> (дата обращения: 25.12.2018).
14. Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпинанон-фикшн, 2016.
15. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018.
16. Srnicek N., Williams A. Inventing the Future (revised and updated edition): Postcapitalism and a World without Work. New York: Verso, 2016.

References

1. Antagonizm – Sovetskaya E'nciklopediya. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/67/%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%93%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%97%D0%9C (data obrashheniya: 25.12.2018).
2. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. M.: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2010.
3. Buzgalin A.V. Pozdnij kapitalizm i ego predely: dialektika proizvodstvennyx sil i proizvodstvennyx otnoshenij (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) // Voprosy politicheskoy e'konomii. 2018. № 2. S. 10–38.
4. Buzgalin A.V. reativnaya e'konomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse? // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 7. S. 43–53.
5. Gorc A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital. M.: GU-VShE', 2010.
6. Davydov D.A. Posle kapitalizma: svoboda ot otchuzhdeniya ili rentnoe zabvenie? // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2016. № 1. S. 20–32.
7. Davydov D.A. Est' li smysl v koncepte postkapitalizma? // Diskurs-Pi. 2018. № 2 (31). S. 114–123.
8. Kursanov G.A. (red.) Istoriya marksistskoj dialektiki. Leninskij e'tap. M.: Mysl', 1973. URL: <https://leninism.su/books/4066-lenin-kak-filosof.html?showall=&start=12> (data obrashheniya: 25.12.2018).
9. Kurcvejl R. E'voljuciya razuma. Kak rasshirenie nashego razuma pozvolit reshit' mnogie mirovye problemy. M.: E'ksmo, 2016.
10. Leninskij sbornik. XI. Pod red. N.I. Buxarina, V.M. Molotova, M.A. Savel'eva. M., L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929.
11. Mao C. Malen'kaya krasnaya knizhica. M.: Algoritm, 2007.
12. Mejson P. Postkapitalizm: Putevoditel' po nashemu budushhemu. M: Ad Marginem Press, 2016.
13. Stalin I.V. Sochineniya. T. 12. URL: <https://petroleks.ru/stalin/12-19.php> (data obrashheniya: 25.12.2018).
14. Ford M. Roboty nastupayut. Razvitie texnologij i budushhee bez raboty. M.: Al'pinanon-fikshn, 2016.

15. Харари Yu.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego. M.: Sindbad, 2018.
16. Srnicek N., Williams A. Inventing the Future (revised and updated edition): Postcapitalism and a World without Work. New York: Verso, 2016.
-

UDC 304.9

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.1019

TOWARDS A NEW ANTAGONISTIC SOCIAL FORMATION?

Davydov Dmitry Alexandrovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Annotation

The article is devoted to understanding the prospects for the post-capitalist society formation. The author substantiates the thesis that the process of folding post-capitalist social relations has been going on for a long time, however, many of these processes fall out of the view of researchers, since they are easily confused with the negative manifestations of capitalism. According to the author, the future post-capitalist society will be even more controversial than the bourgeois one. It should be about the formation of a new antagonistic social formation.

Keywords:

Communism, post-capitalism, social democracy, social formations.

УДК 304.9

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.2028

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ ПОСТКАПИТАЛИЗМА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТАТЬЕЙ Д.А. ДАВЫДОВА

Кондрашов Петр Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела философии,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0003-0975-4418,
E-mail: pnk060776@gmail.com

Аннотация

В статье предпринят анализ концепции Д. А. Давыдова о становлении новой посткапиталистической общественной формации, в которой ведущей формой человеческой деятельности выступит свободный творческий труд. Автор, поддерживая идею Д. Давыдова о том, что посткапитализм будет представлять собой не «коммунизм» в смысле К. Маркса, а очередную антагонистическую форму общества, дополнительно эксплицирует некоторые антропологические и экзистенциальные противоречия, которые имеют место уже сегодня в виде некапиталистических тенденций, но в будущем станут фундаментальными отношениями.

Ключевые слова:

посткапитализм, коммунизм, творческая деятельность, общественная формация, социальные противоречия, «умные» машины, всесторонне развитая личность, креативный класс.

Введение

В целом, соглашаясь с концепцией, представленной в статье Дмитрия Давыдова «На пути к новой антагонистической формации?» [2], нам бы хотелось, во-первых, утвердительно ответить на заголовок-вопрос: *да, мы действительно движемся к новой общественной формации*; во-вторых, несколько углубить и расширить тот спектр будущих, но нарождающихся уже сегодня, социальных противоречий, обозначенных автором анализируемой статьи. Такие противоречия могут быть обнаружены практически во всех сферах жизнедеятельности

посткапиталистического общества. В предлагаемом разыскании мы сфокусируемся только на некоторых тезисах Д. Давыдова.

Чтобы читателю было понятно, о чём идёт речь, попросим его мысленно представить себе общество (назовём его *посткапитализмом*), как его обрисовывают наши «футурологи», а именно: «царство свободы», основанное на общественной собственности на средства производства, общественном характере присвоения, в котором полностью удовлетворены все материальные потребности, имеет место социальное равенство и подлинная демократия, отсутствуют экономически-антагонистические классы, «умные» машины выполняют всю физическую и непривлекательную работу, а человеческие индивиды занимаются всецело творческими видами свободной, неотчуждённой деятельности, что приносит им удовольствие и ощущение полноты бытия. Д. Давыдов справедливо замечает, что «посткапиталистическое общество сегодня представляется как своего рода идиллия всеобщего творчества» [2]. Вот с творчества и начнём.

1. Главное противоречие посткапитализма

Основным видом деятельности, которым будут заниматься люди в посткапиталистическом обществе, будет *творчество*. Причём теоретиками господства креативного класса уже в настоящем, а тем более в будущем, творческая деятельность мыслится, как правило, только в позитивном ключе, как деятельность радикально свободная, человеческая, приносящая удовольствие, не отягощённая презренной материей, как полная реализация сущностных сил человека, как хобби и образ жизни, и вообще, как нечто возвышенно-романтическое. При этом забывают известное высказывание К. Маркса, который, характеризуя коммунистический труд как труд привлекательный, писал: это «ни в коем случае не означает, что этот труд будет всего лишь забавой, всего лишь развлечением... Действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьёзное дело, интенсивнейшее напряжение» [7, с. 110].

Однако это только один момент, на который не обращают внимания «певцы творческого труда». С точки зрения Д. А. Давыдова [3], ключевая проблема заключается в том, что *творчество* – это не только деятельность, в которой человек наиболее полным образом реализует свои сущностные силы, но также *причина новых форм отчуждения*, ибо деятельность *наиболее успешных и творческих личностей*, так или иначе, будет *приводить к обесценению трудовой и творческой субъектности всех остальных*. С другой стороны, выдающиеся личности (*персоналиат*) всегда будут восприниматься не-личностями (*имперсоналиатом* – не обладающими личностью в социальном смысле этого слова как *совокупностью заслуг*) как *враги*.

Это приводит Д. А. Давыдова к необходимости заключить, что посткапиталистическую стадию развития общества тоже можно охарактеризовать как *антагонистическую* и в определённом смысле «*эксплуаторскую*», только вместо привычной классовой борьбы будет иметь место борьба между социальной прослойкой *персоналиата* (имеющих признаваемые общественностью достижения) и *имперсоналиатом* («обезличенными», своеобразным нетворче-

ским «быдлом»). «Возвышение личности, – совершенно справедливо пишет Д. А. Давыдов, – (пусть даже самой лучшей, доброй, настроенной на всеобщее благо) – это всегда процесс *становления-ярким-на-фоне, выделения-на-фоне-остальных*. Дискурсивное господство – это власть ментальным пространством, а известность – важнейшее «средство производства» личности, которого лишены остальные» [2].

Стало быть, если высшей формой общественного и личного признания в будущем обществе станет признание творческих успехов, «креативности», то это само уже по себе приведёт к тому, что нетворческая часть населения (к сожалению, надо признать, что не все люди являются личностями творческими) превратится в людей «второго сорта», а то и в *das Man, усреднённую посредственность, обезличенность*.

Таким образом, с одной стороны, с необходимостью возникнет сегрегация по «креативному признаку», которая безо всякого сомнения детерминирует «классовую» борьбу между персоналиатом и неперсоналиатом; а с другой стороны – внутриклассовую борьбу «за признание» между представителями творческого класса. К тому же для представителей креативного класса характерно ярко выраженное обострённое чувство индивидуальности и личной свободы [8, с. 22–23]. Стало быть, имеется скрытая возможность внутренней сегрегации среди «самых творческих» на «просто самых творческих» и «наиболее креативных среди самых творческих», по аналогии с оруэлловским «все животные равны, но некоторые животные равны более чем другие». Более того, все эти формы вражды свидетельствуют о том, что даже если в посткапиталистическом креативном обществе не будет экономического отчуждения, фундированного в частной собственности на средства производства, и которое Маркс называл *Entäußerung*, то социальные формы отчуждения (*Entfremdung*) при этом не исчезнут, – они будут иметь другую «этиологию».

Следует заметить, что всеобщую борьбу за утверждение себя в качестве неповторимой творческой личности Д. А. Давыдов рассматривает не только в «субъективном» плане, но и в социально-стратификационном как своеобразный «*порядок личности*»: личностная иерархия станет необходима, так как общество вступит в период серьезных технологических и сопутствующих им этических вызовов, адекватный ответ на которые сможет дать только единое и сплоченное общество, порождающее новых талантов и гениев. В этом смысле популярные на Западе представления о посткапиталистическом обществе как радикально эгалитарном обществе сетевым образом взаимодействующих свободных «креативных» людей видятся Д. А. Давыдову утопическими.

Однако думается, что Д. А. Давыдов понятия *творчество* и *творческая личность* понимает несколько узко, а именно как *творчество высшего порядка*, т. е. как чуть ли не *созидание художественных шедевров* в области литературы, науки, искусства. В таком случае, действительно, большая часть человечества даже в будущем просто-напросто выпадет из когорты творческих личностей. Если же брать подход Маркса к этой проблематике, то у него *творчество* понимается в предельно широком смысле, и включает в себя и образование, и самообразование, и воспитание детей, и даже обычные, повседневные формы деятельности. Самое главное для марксова понимания творчества в будущем

мире – это *творение, созидание общественных отношений*. И вот здесь уже неуместно рассматривать творчество как нечто, доступное только «великим». Однако это тема отдельного разыскания.

2. Зависимость от умных машин

Другой важнейший аспект грядущего посткапиталистического общества, который выделяет Д. А. Давыдов, – это то, что «деятельность творческих людей приводит к созданию продвинутых машин, роботов, искусственного интеллекта, которые не просто лишают многих людей рабочих мест, но, по сути, их трудовой и творческой субъектности» [2]. И мы полностью солидарны с автором в его критике А. В. Бузгалина, считающего проблему «лишних людей» порождением капитализма, его, как выражался Маркс, «родовым пятном», ибо, дескать, именно капитализм не в состоянии развить в каждом человеке его творческий потенциал. На самом деле *обесценение (Verwertung)* труда «среднестатистического» индивида – это имманентная объективная тенденция *любого* развивающегося высокотехнологичного общества, а не только капитализма.

Однако, в продолжение некоторых мыслей Д. А. Давыдова, нам бы хотелось обратить внимание на другую сторону проблемы «умных» машин, роботизации и вообще повседневного применения высоких технологий. Так, если «всю материальную работу» будут выполнять «умные машины», работа которых основана на анализе «*больших массивов данных*», собираемых датчиками обо всём и вся, то, с одной стороны, о какой «*свободе*» можно в таком случае говорить, и, с другой, где здесь человек как *свободный субъект*, если он в своём базисном бытии напрямую зависит от работы машин, которые *принимают решения вместо него*? Например, казалось бы, весьма полезная вещь – *автомобильный навигатор*. Но если даже на таком *повседневном* уровне вместо нас будут *решения принимать* такого рода «умные машины», «умные кухни», «умные города», а потом и «электронные правительства», то в этой перспективе, за которую ратуют не только разного рода «техницисты», но и многие марксисты, рассматривая её как *коммунизм*, как «*царство свободы*», *подчинение технике будет куда радикальнее*, нежели во времена Маркса или фордовского конвейера.

Дело в том, что индивиды в такого рода роботизированных системах будут следовать не своим собственным целеполаганиям, не своему собственному выбору, а *логике машин*. Более того, такая ситуация приведёт, во-первых, к потере субъектной способности к принятию решений; во-вторых, повысит возможности манипулирования массами; в-третьих, к тому, что человек просто разучится действовать самостоятельно и свободно *практическим образом*; к тому же в условиях господства нематериальной деятельности многие навыки, необходимые в повседневности, будут утеряны и забыты. Достаточно указать на мечту многих о том, что «в будущем» нам не надо будет заниматься такими унизительными, рутинными видами деятельности, как самостоятельное приготовление пищи, ибо её можно будет заказать с доставкой на дом «лёгким движением руки» или по голосовой почте [9]. – Интересно, что произойдёт с людьми в «умном городе», если вся его инфраструктура и программное обеспечение в одночасье дадут сбой?

3. Успешные творцы и праздное быдло

Другой стороной тотального применения «умных» машин, автоматизации материального производства и порождаемого ими социально-творческого конфликта, а также полного материального обеспечения (через безусловный доход), согласно Д. Давыдову, станет то, что «огромному количеству людей остается выбирать между праздностью и стремлением к творческой самореализации. Учитывая сказанное о специфике творчества и отчуждении, можно предположить, что праздность, бездумная жизнь в кайфе и наслаждении, а потому умственная и духовная деградация, окажутся неизбежной участью многих из тех, кто не смог выиграть в борьбе за творческую самореализацию. И тенденции развития технологий говорят о том, что соблазнов будет великое множество: от не вызывающих привыкание «наркотиков» и компьютерных игр до секс-роботов и «заменителей» реальности» [1, с. 61].

Стало быть, с одной стороны, мы здесь имеем ещё одну социальную иерархию – класс успешных творческих созидателей и праздный класс, класс оскотинившихся неудачников или просто лентяев; с другой – возникнет новая почва и для появления самых разнообразных форм «опиума народа», в том числе и религии, что можно уже сегодня наблюдать: в постоянно рационализирующемся и секуляризирующемся мире одновременно растут и всякие виды религиозного мракобесия, оккультизма, целительства, магии, знахарства и ведовства.

4. Перспективы развития универсальной личности

С точки зрения К. Маркса, коммунистическое будущее будет связано с формированием свободной, всесторонне развитой целостной личности¹. Что в этом плане мы имеем сегодня? Непрерывное увеличение доли нематериальных моментов в структуре целостного праксиса, действительно определяющих общее протекание жизненного процесса и внутреннюю конфигурацию общественного организма и замещение материального труда работой «умных машин», приводит многих исследователей к идее, что в посткапиталистическом обществе («при коммунизме», в «царстве свободы») будет господствовать свободная нематериальная (духовная, – в пределе поэтическая) креативная самореализация человека.

Однако в свете марксовской концепции человека здесь мы сталкиваемся со следующими противоречиями. Во-первых, если человек – это тотальность, целостность тела и души, фундированная в имманентном единстве материальной и целеполагающей активности в структуре праксиса, то радикальное развитие *только нематериальной духовной деятельности* (в ущерб деятельности материальной, «вещной», «низменной») будет тогда представлять собой *одностороннее, одномерное развитие человека*. О какой «всесторонне» и «универсально» развитой личности можно будет в таком случае говорить, если из целостности человека будет элиминирован «вещный» труд, и останется только одна «свободная творческая духовная самореализация»? Думается, что это – оборотная

¹ В «Капитале» Маркс говорит о «более высокой общественной форме, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» [4, с. 605].

сторона «грязно-материальной» одномерности. В свете этого можно предположить, что коммунистический идеал *всесторонней универсальной гармоничной личности* будет являться результатом снятия человеческих форм, характерных для экономической («материальной») и посткапиталистической («нематериальной») формаций.

5. Экзистенциальная пустота и смысл жизни

Наконец, ещё одно противоречие, с которым обязательно столкнётся личность в новых общественных отношениях. Если все потребности материального и социального порядка удовлетворены, если есть возможность заниматься творчеством и саморазвитием, то вполне вероятно, что возникнет некая *экзистенциальная пустота* в том плане, что, например, при всей отчуждённости своего труда, наёмный работник, по крайней мере, *знает, для чего он работает* (ради заработной платы, чтобы просто-напросто выжить). У него есть хотя бы такой прагматический и примитивный, но всё же *смысл жизни*. А какой смысл жизни будет у будущих всесторонне развитых творческих личностей? Если обратиться к эмпирической действительности, то мы видим, что проблемы экзистенциальных противоречий и душевных страданий как раз-то в большей степени характерны для личностей творческих [1, с. 59–60]. Именно в их среде больше всего происходит самоубийств, имеет место больше всего психических патологий, извращений самого разного толка. Безусловно, что многие из этих явлений обусловлены «творческими поисками» и «тонкой душевной организацией». Но это как раз и указывает на то, что в будущем обществе творческих личностей такие явления будут распространены шире, а их экзистенциальная глубина будет переживаться интенсивнее, «глубже».

6. Новая антагонистическая формация

Итак, если речь идёт не о некоей новейшей форме капитализма (когнитивной, постфордистской, коммуникативной, цифровой, постиндустриальной, информационной, рентной и т. д.), а именно об обществе, в котором уже не существует собственно капиталистических отношений и механизмов воспроизводства, т. е. в прямом и буквальном смысле – о *пост-капитализме*, то тогда следует признать, что это общество не будет коммунистическим в том смысле, в каком его обрисовал К. Маркс, – как общество свободных всесторонне развитых человеческих личностей, ассоциированных в тотальности и сознательно (как активные субъекты) управляющих историей.

Маркс не мог предполагать, что техника и технологии разовьются до такой степени (хотя он и верно указал общее информационное направление развития, когда наука станет главной производительной силой). Он всё же ещё мыслил в категориях машинной техники, и представление о коммунистическом будущем связывал именно с автоматизацией машинной индустрии (а отсюда – и с пролетариатом, понимаемом в узком смысле). Поэтому в свете вскрытых выше вероятных противоречий посткапиталистического будущего, о которых Маркс и не мог подозревать, представляется необходимым внести существенную поправку в марксову теорию общественных формаций, а именно: предположить, что формирующаяся

на наших глазах формация будет *чем-то непредвиденным в рамках классического марксизма*, – это будет *очередное радикально противоречивое общество*.

Однако *основой имманентных противоречий в посткапиталистическом обществе будут служить уже не отношения собственности на средства производства, т. е. не экономические и не социальные факторы* (как это имеет место во вторичной, классово-формационной), а *личностные* (связанные с творческой самореализацией), *экзистенциальные* (связанные со смыслом жизни) *аспекты целостного человеческого существования*. Поэтому можно согласиться с Д. А. Давыдовым, который пишет, что будущее посткапиталистическое общество будет не менее, а быть может даже и в большей степени *противоречивым*, нежели общество капиталистическое. Но в рамках марксовской диалектики целостного человека это означает, что *становление* не прекратится, а только будет продолжаться через снятие новых форм противоречий, но уже в «другом», вероятнее всего в *экзистенциальном, личностном измерении*.

Безусловно, это будет именно *новая общественная формация*, а не очередной способ производства в рамках «вторичной, экономической» формации в концепции К. Маркса [6]. Это также не будет «переходный период между капитализмом и социализмом», о котором Маркс писал в «Критике Готской программы» [5, с. 27], ибо говорить о «диктатуре пролетариата» сегодня не имеет смысла, – здесь стоит задуматься о вероятной *диктатуре когнитариата/персоналиата*. Это также не общество, «которое только что *выходит*... из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло!» [5, с. 18]. Речь идёт уже о сложившемся *целостном посткапиталистическом социальном организме, органической социальной тотальности*.

Заключение

Подводя итог предпринятому разысканию, следует сказать, что проанализированные в статье тенденции грядущего посткапиталистического общества ведут к формированию *новой, радикально противоречивой формации* с наличием социальных антагонизмов и несвободы, которые, лишённые капиталистического базиса, *переместятся из социально-экономической сферы в антропологическую и экзистенциальную области человеческого бытия*. И в этом смысле порождаемые этими противоречиями новые формы отчуждения и угнетения будут более жуткими, чем все до сих пор существовавшие.

Описанное в статье Д. А. Давыдова и здесь гипотетическое (но не утопическое!) общество с отсутствием капиталистических отношений, господством нематериальной творческой деятельности, «умных машин» и тотальной демократии, – это что угодно, но только не «коммунизм» в марксовском понимании. И если Д. А. Давыдов всё же склонен к более позитивной оценке данного общества, то мы считаем: *в этом обществе нет самого главного, что конституирует коммунизм*, а именно: *всестороннего (и физического, и интеллектуального) развития целостной гармоничной личности; субъектной свободы принятия собственных решений (в смысле независимости от машин, технологий, гаджетов, а не в политическом плане); снятия социальных антагонизмов и социального*

отчуждения; человеческих отношений; отсутствия экзистенциальной опустошённости и бессмысленности существования.

Таким образом, перед нами действительно разворачивается *формирование новой общественной формации*, которую просто невозможно было спрогнозировать в рамках классического марксизма, хотя некоторые моменты этой формации Маркс научно предвидел, но рассматривал их как уже ростки коммунизма. Сегодня такую экстраполяцию делать нельзя. Однако многие марксисты, воодушевлённые наличием различных форм посткапиталистических отношений в современном капитализме, такую мыслительную операцию проделывают, но распространяя некапиталистические тенденции не на некий «переходный» период или на *новую общественную формацию*, а на «царство свободы» вообще, т. е. на «коммунизм», представляя эти моменты уже «готовыми» социальными формами, структурами и механизмами неотчуждённого будущего. Думается, что представление этих не-капиталистических тенденций в качестве положительного содержания «коммунизма» является преждевременным и необоснованным. И анализируемая статья Д. Давыдова наглядно это показывает.

1. Давыдов Д. А. Личность, свобода творчества и отчуждение // Человек. 2019. № 1. С. 45–65.

2. Давыдов Д. А. На пути к новой антагонистической формации? // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. [10–19].

3. Давыдов Д. А. Теоретические обоснования перехода к посткапиталистическому обществу: попытка синтеза марксизма и персонализма // I Международный форум университета Фудань по изучению современного марксизма в России. Сборник статей. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2018. С. 56–70.

4. Маркс К. Капитал I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. Политиздат, 1960. Т. 23. С. 5–784.

5. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.

6. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 400–421.

7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Политиздат, 1969. С. 5–496.

8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Издательский дом «Классика–XXI», 2007. – 421 с.

9. Williams J. B. The Electronics Revolution. Inventing the Future. – Chichester, UK: Springer International Publishing AG, 2017. – 293 pp.

References

1. Davydov D. A. Lichnost', svoboda tvorchestva i otchuzhdenie // Chelovek. 2019. № 1. S. 45–65.

2. Davydov D. A. Na puti k novej antagonistichej formacii? // Diskurs-Pi. 2019. № 1 (34). S. 10–19.

3. Davydov D. A. Teoreticheskie obosnovaniya perexoda k postkapitalisticheskomu obshhestvu: popytka sinteza marksizma i personalizma // I Mezhdunarodnyj forum universiteta Fudan' po izucheniyu sovremennogo

marksizma v Rossii. Sbornik statej. Shanxaj: Izd-vo Fudan'skogo un-ta, 2018. S. 56–70.

4. Marks K. Kapital I // Marks K., E'ngel's F. Soch. M. Politizdat, 1960. T. 23. S. 5–784.

5. Marks K. Kritika Gotskoj programmy // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya. M.: Politizdat, 1961. T. 19. S. 9–32.

6. Marks K. Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zasluch // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2-e izd. M.: Politizdat, 1961. T. 19. S. 400–421.

7. Marks K. E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 godov // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2-e izd. T. 46. Ch. 2. M.: Politizdat, 1969. S. 5–496.

8. Florida R. Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushhee. – M.: Izdatel'skij dom «Klassika–XXI», 2007. – 421 s.

9. Williams J.B. The Electronics Revolution. Inventing the Future. – Chichester, UK: Springer International Publishing AG, 2017. – 293 pp.

UDC 304.9

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.2028

ON THE CONTRADICTIONS OF POST-CAPITALISM: NOTES ON THE ARTICLE BY DMITRY DAVYDOV

Kondrashov Peter Nicolaevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
PhD, senior researcher
of the Department of philosophy,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0003-0975-4418,
E-mail: pnk060776@gmail.com

Annotation

The article analyzes the concept of Dmitry Davydov on the becoming of a new post-capitalist social formation in which free creative work will be the leading form of human activity. The author supports the idea of D. Davydov that post-capitalism will not be “communism” in the sense of Karl Marx, but another antagonistic form of society. Some anthropological and existential contradictions have been revealed that already exist in the form of non-capitalist tendencies, but in the future will become fundamental relations.

Keywords:

post-capitalism, communism, creative activity, social formation, social contradictions, “smart” machines, comprehensively developed personality, creative class.

УДК 1/14
DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.2936

КОНСТИТУТИВНОСТЬ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО СОЗЕРЦАНИЯ

Шуталева Анна Владимировна,

Уральский федеральный университет,
кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению одной из классических проблем для философской рефлексии – проблеме сознания. Способ постановки проблемы отношения сознания и бытия актуализируется посредством обращения к конститутивному аспекту онтологии сознания, что позволяет прояснить отношение сознания не к физическому пространству, а к пространству опыта и понимания, которое связано с понятиями «присутствия» как способа человеческого существования и «видения» как способности сознания к различению и схватыванию.

Ключевые слова:

сознание, конституирование, видение, феноменологическое созерцание, феноменология.

Этимология понятия «сознание» указывает на совместность, сопряженность. Приставка «со» – указание на принципиальную открытость человеческого сознания миру (внешнему и внутреннему) в активности, в действии. Бытие как мир, о котором мы можем говорить, и в котором что-либо можем понимать, отсылает к традиции понимания опыта бытия как опыта понимания, ибо бытие – это то, что требует понимания и что только в проблеске понимания и становится. Онтологическая интерпретация понимания отождествляет понимание и первичные проекты, сплавления в одно целое различные виды опыта. Как отмечает Е. В. Бакеева, «Признание событийного характера опыта странным (вывернутым наизнанку) образом возвращает нас к установке, «работающей» в античной онтологии: «быть – значит быть Единым». Теперь это единство осмысливается

как вариативное, т. е. единство в инаковости: «быть – значит быть (всегда) иным» [2, с. 13].

Как отмечает М. Мамардашвили, поскольку бытие – не вещь, не субстанция, то для человека нет никаких гарантий: открывая бытие, человек не прислоняется к чему-то прочному, неподвижному, высокому и не усаживается на него, как на прочную основу своего существования. Бытие – это то, что требует и ожидает видения или понимания и что становится в просвете этого понимания. Бытие – только то, что стало, понято, и что держится в просвете или усилении держания этого понимания [7]. По сути, это означает, что понимание характеризуется осмыслением познавательного отношения как бытийного, познавательного акта как трансцендентного. Мир – это то, что мы видим, но и то, что еще необходимо научиться видеть, это «совокупность крохотного фрагмента видимого и почти безграничного горизонта невидимого» [12, с. 187]. Для феноменологической традиции характерно стремление к тому, чтобы «сами вещи выразили себя из глубины своего безмолвия» [8, с. 11]. Абстрактный тезис о бытии как полагании в форме сознания заменяется тезисом о самом бытии как форме, то есть о конкретной фактичности бытия. Таким образом, феноменология придает трансцендентальный статус всему, что ранее считалось трансцендентным. Переживание бытия, опыт бытия является бесконечно многогранным феноменом, который формирует смысл мира как единого горизонта: «...возможность непосредственного доступа к миру, окружающей нас действительности покоится на тех актах сознания, благодаря которым мы и воспринимаем мир» [5, с. 158]. Предполагается, что истинность бытия может быть проявлена только в чисто феноменологическом усмотрении, посредством трансцендентального эпохе.

Бытие-в-мире – это бытие в явленности, что есть не что иное, как сфера дообъектного видения, то есть мир схватывается не как вторичный, объективный мир, а исходно, в его бытийном основании, то есть как мир интерсубъективный. Бытие может открыться сознанию только через трансцендирование, обнаруживая в трансценденции исток и смысл бытия. Осуществляя «развертки» смысла актуально, мы осуществляем его «в потенции», это и есть непосредственное переживание смысла. Любой язык имеет дело с определенными смыслами, но только философский язык имеет дело с предельной *мыслимостью* как *возможностью иного мира*. Иными словами, абсолютность бытия, известная классическому мышлению, может быть переосмыслена через вовлечение в философский язык категории возможного, категории, которая позволяет обнаружить подвижность метафизики (посредством трансцендирования): «...эта подвижность возмущает абсолютность бытия, а мышление обнаруживает его через трансцендентную связь с иным» [6, с. 136].

Проблема бытия по своей сути привязана к феноменам, а не к гипотезам. Феноменологически понимаемый мир есть смысл. Смысл бытия не представляет собой среду, в которую мы были бы погружены, он не есть некое свойство, которое можно квалифицировать, наполнить или восполнить. Процесс наделения смыслом отражает суть феноменологического конституирования мира: мир существует сам по себе (объективно) и не нуждается в человеке как воспринимающем субъекте, но тот же самый мир становится миром-для-нас, когда мы наделяем его смыслом, определенным значением, который является его истиной.

Исходный факт выделенности и уникальности бытия сознания переводит вопрос определения сознания от абстрактной констатации фундаментальности его бытия к тому, что конкретно, по существу, представляет собой феномен сознания. Сознание предстает как то, что конституирует, формирует предметность, однако само не имеет никаких границ. В этом смысле, если сознание вопрошает и при этом сталкивается с очевидностью того, что ничего не знает о мире, то вопрошание не становится началом отрицания. Вопрос о том, что я может знать или не знать, не является вопросом о знании или о границах сознания, но о том, что является существующим. Это приводит к вопрошанию неизреченного конечного бытия, но разоблаченного бытия, которое не полагаемо, ибо располагается вне, превосходит любые утверждения, отрицания и все сформулированные сознанием вопросы, так как «начало есть чистый и, так сказать, еще погруженный в немому опыт, который теперь нужно еще заставить без искажений выразить в словах свой собственный смысл» [4, с. 105].

*Бытие-в-мире есть бытие-друг-с-другом (М. Хайдеггер), «со-бытие», что может рассматриваться экзистенциально-онтологически. Тем не менее, в нем не утверждается, что кроме меня существуют другие подобные мне существа. Другой обнаруживается в сознании как «мировой объект», который имеет активное отношение к миру, отличное от пассивного существования вещей: он познает этот мир и меня самого вместе с ним. С этим связано присутствие в моем сознании не-моих мнений. Другой, осуществленный в присутствии горизонтов смысла (предметов и меня самого) является предпосылкой тематизации и понимания осуществления вчувствования: «предметы» опыта как мира, так и другого не даны «прямо» или изначально, но коммуникативно [1]. Если бы в отношении я-другой было возможно «прямое» схватывание, то он превратился бы в момент моего собственного своеобразия, в определенный способ данности я самому себе, в основе вчувствования лежит аналогия, и поначалу аналогия – «моего» и принадлежащего *другому* – телесного устройства.*

Указание на то, что это тело «мое», как отмечает В. Подорога, приводит к тому, что я тем самым расторгает союз с *другим*, больше того, я противопоставляет его своему «я-чувству», которое предстает как телесная форма, форма обладания собственным телом [11]. От я распространяется «чувство», которое является чувством собственного тела, и может быть описано как конечное, поскольку владеть собой, своим я – это значит, прежде всего, отделять себя от всего себе внешнего. *Присутствие в мире* – данная модальность указывает на то, что тело, являясь «моим», есть первичный образ тела неустойчивого, меняющегося в своих экзистенциальных границах и всегда как бы балансирующего на тонкой преграде между «моим» и «другим», поскольку остается вопрос, который необходимо каждый раз решать заново: каково пространство, где я совершаю выбор тела.

Первоначально, тело *другого* предстает в сознании как тело наряду с другими телами, вещами мира, но затем, после обнаружения сходства моей телесности с этим телом другого, сосуществует с «моим» я как «живое настоящее». Тело другого совершает сходные с моими движения, и я могу предположить, что это тело выражает скрытую за этими движениями «жизнь сознания», в силу чего могу провести аналогию между мной и другим: я могу представить себя в этом теле, переместившись в пространстве, оказавшись как будто на его

месте. Понимая *другого* как «доступную недоступность» в горизонте соприсутствия меня и другого, Э. Гуссерль оставляет за смыслом другой смысл *alter ego*, другого я, а не другого как такового. Его чуждость сохраняется в качестве единичности мира по ту сторону единичности и множественности, поскольку возникает в месте со-бытия множества различных миров. Но возникает не как сумма, а как специфические пересечения и наложения смыслов, образующих единство в пространстве пересечения и сохраняющих чуждость в пространстве за пределами пересечения. Мир оказывается, прежде всего, интерсубъективным, где в опытах совозможности мир обнаруживает себя единственным и многообразным, служащим основанием для всякого обоснования и выступающим горизонтом новых возможных смыслов.

Согласно концепции Ж.П. Сартра, нет сознания тела, тело принадлежит к структурам нететического сознания себя (о себе), является сознанием себя в качестве свободного проекта к возможности, которая есть его возможность, поскольку оно является основанием собственного ничто. Следовательно, *видение* как точка зрения, на которой основан опыт *другого* как мира множества в единичном, может пониматься как характеристика форм и способов бытия, становления и изменения бытия, как специфическое положение в бытии, особый онтологический статус, предельное со-стояние. Понятие точки зрения предполагает двойное отношение: в связи с объектам мира, с вещами, видение необходимо предполагает, что есть некоторое «тело», исходя из которого выстраивается перспектива взгляда на вещи, с другой стороны, в этом отношении сознание проявляется в видении таким образом, что оно (тело) есть точка узрения [13, с. 348]. Это отправная точка, которая постоянно возобновляется и которую я не прекращаю преодолевать и которой является само я, остающееся позади себя, – что является необходимостью моей случайности [13, с. 346].

Бытие-для-себя конституирует себя и мир, придавая значение и ценность миру и своему собственному существованию в нем, поскольку, как показывает Ж.П. Сартр в «Бытии и ничто», человек осужден на свободу, принужден осуществлять серию выборов, из которых состоит его бытие и, следовательно, для человека существование предшествует сущности. Конституирование пространства как множества взаимных отношений может совершаться в действительности только с точки для-себя, поскольку через себя является отношением к миру и это отношение превращает существующий мир в целостность вещей и чувства в соответствии с занимаемой точкой у-зрения. При этом бытие-для-себя пытается избежать своего собственного фактического существования, то есть своего «вот этого» бытия, как бытия-в-себе, которое не может обосновать бытия-для-себя и отсюда бегство всегда направлено в некоторое невозможное будущее, когда бытие-для-себя станет бытием-для-себя-в-себе, то есть бытием-в-себе самообосновывающим. Таким образом, бытие-для-себя является одновременно бегством и преследованием: оно и избегает бытия-в-себе, и преследует его, оно есть убегающе-преследующее бытие.

Если исходить из признания того, что трансцендентальное сознание замкнуто и не имеет непосредственной связи с *другими*, то множество сосуществующих друг с другом трансцендентальных его возможно как со-общество лейбницевских монад, которые «вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти. По Э. Гуссерлю трансцендентальный

субъект связан, в первую очередь, со своей психофизической структурой, где «внутренней» ее стороной будет само чистое трансцендентальное я. Внешняя сторона, в свою очередь, становится ясной и очевидной только тогда, когда я являюсь в сообществе других монад: непосредственным образом «внешнюю» сторону моей монады могут воспринять только другие монады, следовательно, я способен воспринять свою внешнюю «сторону» только посредством отражения в *других*.

Однако его возможность включает в себя не только наличие присутствия, но и отсутствия. Отсутствие может трактоваться как структура бытия-здесь. Быть отсутствующим, по Ж.П. Сартру, значит быть-в-другом-месте-в-моем-мире. Это означает, что оно уже дано для меня, и, «являясь бытием-здесь по отношению к конкретной совокупности вещей-орудий, в конкретной ситуации есть уже фактичность и случайность» [13, с. 360]. Следовательно, тело другого являет его фактичность как орудия и как синтеза органов чувств, поскольку оно открывается в моей фактичности. Эта фактичность «мне» дается, в то время как *другой* существует в мире для «меня».

Понятие субъекта предполагает преодоление дуализма души и тела, что возможно в результате «двойного генезиса». И мир, и сознание происходят из одного начала, которое М. Мерло-Понти называет «плотью» – понятие, которое не является единством двух субстанций, но мыслится из себя самого. В анализе художественного опыта, М. Мерло-Понти отмечает, что на картине художник изображает внутреннюю одушевленность бытия, в видимом открывает невидимое для рассудка – автономный порядок, неразличимая смесь духовного и телесного: живопись «дает видимое бытие тому, что обычное, заурядное зрение полагает невидимым. <...> Это всепоглощающее зрение, по ту сторону «визуальных данных», открыто на ткань Бытия» [9, с. 19]. Данный тезис М. Мерло-Понти дает основание для утверждения, что именно тело является подлинным субъектом конституирования. Таким образом, мировая предметность выступает для я как смысловое единство, схваченное в качестве такового телом, интенционально связанным с миром. Таким образом, деперсонализированным, обладающим внеличным модусом анонимного, оказывается собственное тело, что определяет ситуацию, в которой собственное тело мне не принадлежит. Фактически, это дает возможность М. Мерло-Понти наделить тело функцией сознания, которое «во мне видит и воспринимает» в мире, названном М. Мерло-Понти «междумирьем» (*intermonde*), временным развертыванием которого является история самоотношения раскрытости экзистенции человека.

М. Мерло-Понти описывает сознание, которому исходно предшествует восприятие, трактуемое как синтез, не являющийся восприятием качеств. Это обусловлено тем, что «качество» является продуктом, образованным сознанием, который реализует не эпистемологический субъект, а тело, понимаемое в экзистенциальном смысле как феноменальное тело: «Я воспринимаю вещь, поскольку обладаю экзистенциальным полем, и поскольку каждый появляющийся феномен притягивает к себе все мое тело как систему перцептивных возможностей» [10, с. 408]. Однако видение останавливается на объекте, когда он конституирован сознанием, что оказывается основанием опыта, которым мы обладаем, или могли бы обладать в связи с данным объектом. Таким образом,

изначальным оказывается понимание сознанием самого себя, что определяет осмысление мира объектов, смыслов, социальных ролей.

Приущая сознанию способность видения, с точки зрения экзистенциальной феноменологии, определяется, с одной стороны, как «мысль, подчиненная определенному полю, и именно это и называют ощущением» [10, с. 278], с другой, как «действие, то есть не какой-то извечный акт (извечный акт – выражение противоречивое), но акт действенный, который всегда исполняет больше того, что обещает, всегда выходит за пределы собственных предпосылок и подготовлен внутри меня единственно моей изначальной открытостью полю трансцендентностей или, говоря иначе, экстазом» [10, с. 479]. Это позволяет определить видение как экстатическое выведение себя за свои пределы, то есть как самостно-экстатическая раскрытость.

Если принять тезис о том, что *бытие в мире* есть дообъектное видение, то мир схватывается не как вторичный, объективный мир, а исходно, в его бытийном аспекте. Видение, изначальное, предстает не как усмотрение смысла в предметной реальности, но как дообъектное осознание человеком самого себя как существующего в мире, которое покоится на исходном *понимании*, на том, что М. Хайдеггер обозначает словом *Dasein*. Следовательно, можно сказать что тело – это *скрытая форма бытия самим собой* (*Selbstsein*): «мышление о чем-либо – есть в то же время осознание себя, за неимением последнего оно вообще не могло бы иметь предмета.

В видении непосредственно схватывается сущее. Это возможно на основании того, что этим сущим является сам человек в качестве *живого тела*. Следовательно, живое тело не может рассматриваться как объект, оно дано в феноменальном горизонте человека как самостно-экстатической раскрытости, описание которого осуществляется М. Мерло-Понти посредством понятия «телесная схема»: «Все мое тело не является для меня набором соседствующих в пространстве органов. Оно принадлежит мне как неделимая собственность, и мне известна позиция каждого из моих членов, благодаря телесной схеме, в которую все они включены» [10, с. 137]. Но это понятие двусмысленно, поскольку может быть рассмотрено, с одной стороны, как итог телесного опыта, истолковывающего и придающего значение этому опыту, с другой, как то, что предшествует телесному опыту, делая его возможным.

Поле видения определяется как то, что конституируется вокруг взгляда как некоторого «центра», который мы не видим, но им являемся, поскольку «структура мира предполагает, что мы не можем видеть, не будучи видимыми» [13, с. 337]. Человек – это, прежде всего, его видящее, воспринимающее и видимое, воспринимаемое тело, но то, что в нас видит – глаза, невидимы для нас, следовательно, видящее невидимо. Невозможность взглянуть в свои глаза непосредственно, не имея зеркального посредника (которым может оказаться *другой*), приводит к тому, что уверенность в собственном существовании и сама субъективность обретают свое существование только в момент, когда сознание начинает воспринимать образ своего тела в пределах рефлексивной поверхности – то есть через визуальный статус.

1. Азаренко С.А. Бытие как бытие-в-коммуникации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение,

2017, Том 20. С. 157–164.

2. Бакеева Е.В. Онтологические предпосылки осмысления категории опыта // Эпистемы: Сб. научн. ст. Вып. 6: Опыт. Екатеринбург: Изд-во «Ажур», 2011. С. 5–13.
3. Васюков В.Л. Формальная феноменология. М. Наука, 1999. 223 с.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 316 с.
5. Керимов Т.А. Время и сознание времени: границы феноменологического анализа // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки, 2013, № 121 (4). С. 158–171.
6. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. М., РОССПЭН, 2004. 752 с.
7. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии М.: Аграф, 1997. 320 с.
8. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Мн., Логвинов, 2006. 400 с.
9. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 63 с.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., Наука, Ювента, 1999. 606 с.
11. Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–94 гг. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
12. Разеев Д.Н. В сетях феноменологии. Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 368 с.
13. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА-Книжный клуб: Республика, 2002. 640 с.

References

1. Azarenko S.A. Bytie kak bytie-v-kommunikacii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie, 2017, Tom 20. S. 157–164.
2. Bakeeva E. V. Ontologicheskie predposylki osmysleniya kategorii opyta // E'pistemy: Sb. nauchn. st. Vyp. 6: Opyt. Ekaterinburg: Izd-vo «Azhur», 2011. S. 5–13.
3. Vasyukov V.L. Formal'naya fenomenologiya. M. Nauka, 1999. 223 s.
4. Gusserl' E'. Kartezianskie razmyshleniya. SPb.: Nauka: Yuventa, 1998. 316 s.
5. Kerimov T. A. Vremya i soznanie vremeni: granicy fenomenologicheskogo analiza // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki, 2013, № 121 (4). S. 158–171.
6. Levinas E'. Izbrannoe: Trudnaya svoboda. M., ROSSPE'N, 2004. 752 s.
7. Mamardashvili M. K. Lekcii po antichnoj filosofii M.: Agraf, 1997. 320 s.
8. Merlo-Ponti M. Vidimoe i nevidimoe. Mn., Logvinov, 2006. 400 s.
9. Merlo-Ponti M. Oko i dux. M.: Iskusstvo, 1992. 63 s.
10. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. SPb., Nauka, Yuventa, 1999. 606 s.
11. Podoroga V. A. Fenomenologiya tela: Vvedenie v filosofskuyu

antropologiyu. Materialy lekcionnykh kursov 1992–94 gg. M.: Ad Marginem, 1995. 340 s.

12. Razeev D.N. V setyax fenomenologii. Gusserl' E'. Osnovnye problemy fenomenologii. SPb., Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. 368 s.

13. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii. M.: TERRA-Knizhnyj klub: Respublika, 2002. 640 s.

UDC 1/14

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.2936

CONSTITUENCY OF PHENOMENOLOGICAL CONSERVATION

Shutaleva Anna Vladimirovna,

Ural Federal University,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ashutaleva@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the consideration of one of the classical problems for philosophical reflection – the problem of consciousness. The way of posing the problem of the relation of consciousness and being is actualized by referring to the constitutive aspect of the ontology of consciousness. It makes possible to clarify the attitude of consciousness not to physical space but to the space of experience and understanding that is associated with the concepts of “presence” as a way of human existence and “seeing” consciousness to distinguish and grasp.

Keywords:

consciousness, constitution, vision, phenomenological contemplation, phenomenology.

УДК 32.001

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.3750

ИССЛЕДОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам концептуального осмысления и теоретическим рецепциям мягкой силы в российской политической науке. Выделяются типичные моменты в циркуляции концептов в мировой политической науке, которые находят свое отражение в российских разработках концепта мягкой силы. Рассматриваются следующие фазы циркуляции концепта мягкой силы в российской политической науке: создание концепта с последующей его популяризацией; принятие концепта академическим сообществом, адаптация его к задачам внешней и внутренней политики страны, в том числе, включение концепта в дискурсивное поле научных дисциплин, а также – процесс его легитимации посредством фигурирования в официальных политических документах; критическое осмысление концепта и его обновление новыми методологическими подходами и разработкой новых предметно-тематических полей. В статье выделяются основные проблемные зоны концептуального анализа мягкой силы в российской политической науке.

Ключевые слова:

мягкая сила, жесткая сила, российская политическая наука, рецепция концепта мягкой силы, пропаганда, инверсия мягкой силы.

Введение

Современная система международных отношений переживает период глубоких трансформаций, которые обусловлены нарастанием таких явлений, как технологизация, медиатизация, гибридизация и интеллектуализация политических практик. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий повышает скорость принятия решений, интенсивность международных взаимодействий и взаимовлияний. Параллельно с увеличением взаимосвязанности и взаимозависимости повышается конкуренция государств за обладание материальными и нематериальными ресурсами, обостряется борьба политических субъектов за расширение пространств своего «мягкого» и «жесткого» влияния. Успешность и эффективность как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических стратегий оказываются в непосредственной зависимости от способности политических акторов умело и гибко комбинировать в теории и на практике инструменты и технологии мягкой и жесткой силы, что является базовой характеристикой «умной власти». Сегодня не только Соединенные Штаты Америки и страны Европейского Союза прилагают большие усилия в совершенствовании «мягких» и «жестких» технологий своего влияния на конфигурацию современного мирового порядка, но также и такие относительно новые центры геополитического влияния, как Китай и Россия.

В современном Китае политическим исследованиям мягкой силы (далее – МС), а также изучению международной практики применения «умной силы», придается огромное значение. Совершенствование МС Китая рассматривается как одна из приоритетных государственных задач на пути политического развития страны [36, с. 33]. Одновременно в КНР осуществляется постоянное расширение институциональной инфраструктуры, ответственной за увеличение китайской МС. По объему научных публикаций, экспертных трудов и прикладных исследований, посвященных проблематике МС, Китай занимает одно из ведущих мест в мировой академической практике.

Что касается институционального и научно-отраслевого уровня продвижения проблематики МС в России, то он, к сожалению, пока еще заметно ниже, чем в Китае, не говоря уже о США. Вместе с тем, в последние годы российская политическая наука смогла осуществить целый ряд ценных шагов в области теоретического моделирования концепта, анализа структурных компонентов и изучения новейших технологий МС. Среди ее достижений можно также назвать систематическую работу по выявлению новых исследовательских полей и политических практик, в контекстах которых теория и дискурс МС обретают новые смысловые и прикладные значения.

Важную роль в развитии «мягкосиловых» исследований в России сегодня играют проводимые в стране на регулярной основе научные конференции, в фокусе внимания которых – разнообразные методологические грани кон-

цептуального анализа МС, национальные модели, институциональные формы, управленческие функции и технологии измерения МС [5; 15]. Особенно пристальное внимание российские ученые уделяют проблемам, связанным, во-первых, с терминологической отстройкой понятия «мягкая сила» от других, близких по смыслу категорий; во-вторых, – с обобщением и критическим осмыслением опыта зарубежных стран в плане развития национальных потенциалов МС; в-третьих, – с построением интеграционной модели МС России, распространяемой на евразийское пространство; в-четвертых, – с включением таких факторов, как цифровизация и информационная мобильность в систему измерения потенциалов мягкой силы. Уверенный выход на указанную проблематику был сделан в результате полного и окончательного освобождения российских исследований мягкой силы от «болезни» академического ученичества, а также – от противоречивого и невнятного характера официального дискурса относительно задач разработки стратегии МС для России.

Пути освоения и рецепции концепта МС в российской политической науке

На пути теоретико-методологического освоения концепта МС российская политическая наука призвана была преодолеть ряд затруднений. Одно из них носит общий методологический характер и определяется основными этапами научного признания той или иной концепции. Можно выделить несколько типичных моментов в циркуляции концептов в мировой политической науке, которые относятся к концепту МС:

1. Создание концепта конкретным автором или научным коллективом с последующей его популяризацией в академической среде.

2. Принятие концепта академическим сообществом страны, адаптация его к задачам внешней и внутренней политики:

2.1. внедрение концепта снизу-вверх: распространение концепта на уровне научных публикаций, материалов в СМИ, включение концепта в дискурсивное поле научных дисциплин;

2.2. внедрение концепта сверху-вниз: упоминание названия концепта в выступлениях лидеров страны, использование его в официальных документах, затем – активное включение в конкретные стратегические и научные проекты государственного значения.

3. Критическое осмысление концепта, обновление его новыми методологическими подходами и идеями, возникновение оригинальных способов прочтения, открытие новых предметно-тематических полей.

Исторически сложилось так, что лидером создания и популяризации большинства современных концептов и понятий политической науки выступает научное сообщество США. Концепт «мягкая сила» не является исключением. Он был придуман американским политическим деятелем Дж. Наем в 1990 г. [33], который предпринял активные попытки его популяризации путем выпуска ряда журнальных статей, книг, выступлений с разъяснением содержания. Концепт создавался с четкими целями – разубеждения мирового академического сообщества в скором упадке мирового господства США, поддержания доминирующего положения данного государства и распространения его нормативной

силы. Естественно, учитывая неолиберальный характер теории МС Дж. Ная, она в ряде стран, в том числе и в России, была воспринята с опаской, поскольку не без оснований рассматривалась в качестве самостоятельного инструмента идейно-политического влияния. Для многих исследователей было очевидно, что концепция МС в интерпретации Дж. Ная означает, прежде всего, обоснование стратегии мягкой гегемонии США на международной арене.

Принимая во внимание российскую традицию чуткого улавливания академическим сообществом «идейных сигналов», производимых представителями политического истеблишмента, необходимо отметить, что первоначальный яркий всплеск массового интереса к проблематике МС в среде российских политологов был связан с включением понятия «мягкая сила» в тексты выступлений лидеров страны (выступления министра иностранных дел С. В. Лаврова, председателя правительства Д. А. Медведева, президента РФ В. В. Путина и других официальных лиц), а также – со включением термина в стратегические документы (например, в Концепцию внешней политики Российской Федерации 2013 и 2016 гг. [10]).

В плане научной легитимации проблематики МС наиболее авторитетными источниками считаются выступления президента России В. В. Путина, который напрямую связал мягкую силу с задачами формирования позитивного образа страны на международной арене [27]. В то же время в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» [21] Путин критически высказался в отношении целей и методов применения «мягких стратегий» иностранными государствами, указав на то, что зачастую они используются для дестабилизации политической ситуации в стране, манипулирования настроениями общественности, усиления экстремистских и сепаратистских тенденций и вмешательства во внутреннюю политику. Данный «сигнал» стал определенным стимулом для формирования альтернативного взгляда на МС, для выявления ее инверсионного характера (обращение в свою противоположность) [19; 23].

Последующие всплески интереса к проблематике МС были связаны с цепочкой цветных революций на территории бывшего Советского Союза и украинским кризисом [16; 25; 30].

Отметим, что российский опыт рецепции концепта МС и внедрения его в научный оборот национального академического сообщества весьма схож с китайским: в обеих странах его продвижение шло «сверху-вниз». В Китае количество статей, посвященных данной тематике, резко выросло после проведения XVII съезда КПК в 2007 г., на котором мягкая сила была включена в основные цели китайского общества. Китайские правительственные институты, как и российские государственные структуры (МИД, Россотрудничество), являются центрами формирования стратегических программ и проектов развития национальной МС [9]. Однако существуют и различия. Если в России заданный правительством основной вектор развития МС определяется конкурентным характером международных отношений, и поэтому содержит необходимость противостояния скрытому иностранному воздействию, а также включает некоторые моменты сожаления по поводу «догоняющего» характера российской стратегической мысли в данной области, то в КНР центральным тезисом стратегии МС является ее содействие построению социализма с китайской спецификой, а также задача гармонизации баланса «мягкой» и «жесткой»

сил. Интересно, что Дж. Най, комментируя опыт рецепции концепта данными странами в статье «Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» указал, что главной ошибкой принятия его теории в обеих странах является стремление разрабатывать исключительно государственные инструменты развития «мягкого потенциала», тогда как основной акцент следует делать на развитии гражданского общества [14].

Популярность концепта МС в России подтверждается значительным количеством квалифицированных работ, посвященных данной тематике. С 2007 по 2019 гг. было защищено более 20 кандидатских и докторских диссертаций по проблематике МС. Из них порядка 65% работ – по политическим наукам, причем большая их часть – по специальности «Политические проблемы международных отношений»; около 20% приходится на исторические науки («История международных отношений и внешней политики» и «Всеобщая история»), прочие относятся к философской науке, лингвистике, связям с общественностью и другим дисциплинам.

Разнообразие специальностей обусловлено как междисциплинарностью проблемно-тематического поля концепта МС, так и его «зонтичным» характером: концепт МС является «рамочным» для дискурсов символической политики, имиджевого и брендового маркетинга, публичной, культурной и гуманитарной дипломатии, а также входит в теоретический арсенал современной политической философии [24]. Диссертации по политическим наукам, в основном, посвящены анализу МС во внешней политике отдельных стран. Как правило, это ведущие западные государства – США, Великобритания, Германия, Франция, а также Китай [2; 28; 29; 31]. Отдельно выделим диссертации, посвященные МС России: Будаев А. В. «Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений)» [3], Агеева В. Д. «Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации» [1].

Среди теоретически значимых коллективных исследований и монографий, изданных российскими учеными, можно назвать следующие:

1) Работа «Soft power: теория, ресурсы, дискурс», написанная коллективом авторов Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург). В ней мягкая сила исследуется как аналитический концепт, как ресурс развития, особый дискурс и инструмент коммуникации [35]. Большое внимание уделено национальным моделям МС, в том числе российской.

2) Монография «Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ» [34], в которой дается теоретическое осмысление исследуемого понятия, раскрываются особенности дискурсивного инструментария мягкой силы – «повестки дня», языка, использования возможностей СМИ.

3) Сборник научных статей «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях)» [6]. В нем такие понятия, как имидж, бренд, репутация и образ рассматриваются в связи с механизмами влияния, присущими «мягкой силе» – привлекательностью определенного актора или фактора внешнего воздействия.

4) Сборник трудов «Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции» (Екатеринбург, 17 октября 2018) [13]. Сборник посвящен

современным исследованиям феномена мобильности как способа измерения МС и фактора политических трансформаций в условиях возрастания глобальных и региональных вызовов, ускорения коммуникативных процессов.

Основные проблемные зоны концептуального анализа мягкой силы в российской политической науке

В российской политической науке ряд проблем концептуального осмысления МС рассматривается под углом зрения методологических вопросов, в числе которых можно выделить следующие:

1) Является ли термин, предложенный Дж. Наем, действительно оригинальным?

Ответ на данный вопрос довольно однозначен: мягкая сила – новый концепт, который описывает отнюдь не новое по своей природе явление. Истоки его связывают с идеями древнекитайского философа Лао-Цзы, полагавшего, что в мире нет предмета слабее и нежнее воды, который, тем не менее, может разрушить самый твердый предмет. В качестве наиболее наглядного примера воздействия мягкой силы приводится женская привлекательность в противовес мужской жесткой силе [4]. Еще одной теорией, сходной с идеей Дж. Наея, считается учение марксиста и философа А. Грамши о культурно-идеологической гегемонии. Сходными чертами позиции двух этих авторов являются: 1) выделение двух видов воздействия на объекты: «жесткое» и «мягкое» (насилие и согласие); 2) придание большого значения культуре, традициям и ценностям для установления гегемонии – максимального увеличения собственного влияния; 3) подчеркивание огромной роли гражданского общества для увеличения государственного влияния [9, с. 22]. Основные расхождения происходят из-за различий идеологического характера: марксистские взгляды А. Грамши и неолиберальные – у Дж. Наея. Кроме того, разработанное Дж. Наем понятие «мягкой силы» связывается со смысловыми значениями концептов соблазна и обольщения, содержащихся в работах известных философов Ж. Бодрийера и Ж. Липовецки [24, с. 180–182].

В целом, отношение к генезису исследуемого концепта хорошо сформулировал А.Н. Чумаков: «Понятие «мягкая сила» хотя и появилось совсем недавно, отражает оно явление столь же древнее, как и человеческие отношения». В то же время, по мнению автора, заслуга Дж. Наея и других исследователей данной области состоит в том, что «они первые стали рассматривать мягкую силу как важнейший инструмент влияния, предоставляющий для этого массу новых возможностей, а также как ключевой элемент лидерства...» [32].

2) Является ли теория мягкой силы полезной и инструментальной в научном плане?

С одной стороны, звучность термина (и даже его оксюморонность) [8], а также предложенная Дж. Наем его направленность на возрастание привлекательности (аттрактивности), создала методологические трудности для исследователей: как корректно переводить термин, что он означает и каков будет результат его структурного анализа? По поводу звучания термина в русском языке к настоящему времени сложился консенсус: чаще всего понятие «мягкая сила» используется как синонимичное понятию «мягкая власть». Власть здесь

понимается в широком смысле – как властное могущество вообще, способность одного актора воздействовать на сознание или действия другого. Исследователь Е. П. Панова настаивает на употреблении термина «мягкая власть» в качестве базового понятия, когда речь идет о возможности изменять поведение других, заставляя делать то, что в ином случае реципиенты не сделали бы под влиянием воздействия внешних акторов [17].

В российском дискурсе превалирующим является определение МС как силы привлекательности, притяжения. Например, Ю. В. Синчук определяет МС как форму внешнеполитической стратегии, предполагающей способность добиваться желаемых результатов на основе симпатии, добровольного участия, привлекательности [26, с. 267]. В то же время встречается и технологическое, инструментальное определение МС: например, мягкая сила рассматривается как «комплексный инструментарий для решения внешнеполитических задач...» [10]. Это, на наш взгляд, связано с двойственной природой самого явления: с одной стороны, МС страны – это ее потенциальная привлекательность, некий набор ресурсов (богатая культура, развитый человеческий капитал, притягательная экономическая модель и т. д.), а с другой – это технология влияния, которая может включать ряд инструментов достижения внешнеполитических целей.

Что касается проблемы акторов, инструментов и структурных компонентов МС, то можно отметить следующее:

- акторами МС могут быть страны, организации (государственные и негосударственные структуры, которые по своему масштабу могут варьироваться – от крупных транснациональных компаний до локальных, но имеющих влияние на определенную аудиторию), а также – отдельные личности («звезды», блогеры, политики и т. п.);
- среди инструментов МС можно выделить государственные программы научного, творческого и образовательного обмена, средства массовой информации, кампании социальных медиа.

3) *Каковы политические функции мягкой силы?*

Основной функцией мягкой силы признается увеличение власти государства, его веса на мировой арене. Утверждается, что она позволяет странам решать стратегические и тактические задачи в области международных отношений, латентно воздействовать на аудиторию, реализуя как национальные интересы, так и интересы глобальных элит [7]. В целом же, ее функционал, описанный в отечественной литературе, может меняться диаметрально – от гуманистической направленности (помощь в преодолении проблем современности, формирование дружественных отношений между странами; в этом случае о ней пишут в связке с гуманитарной дипломатией, парадипломатией и т. д.) до дестабилизации политической обстановки в стране. Эта оценка зависит от подхода, которого придерживается автор, а также от того, кто является объектом и субъектом применения МС.

Так, зачатую, когда речь идет о МС России, перечисляются возможности использования «мягких» инструментов с целью гармонизации отношений с другими странами, усиления культурного и политического влияния. Например, в статье Ф. Руми и А. С. Матвеева находим, что мягкую силу можно применять для преодоления недоверия в российско-иранских отношениях. Для этого пред-

лагается реализовывать совместные проекты в гуманитарной и экономической сферах [22, с. 173]. В том же случае, когда Россия является субъектом воздействия иностранного «мягкого влияния», речь может идти о дисфункционализации государственного управления [18, с. 96].

А. О. Наумов, в монографии «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века» рассматривает МС как средство дестабилизации государства, скрытого влияния на происходящие в стране процессы, насаждение определенных стереотипов в общественное сознание для достижения корыстных целей [15, с. 21]. Автор утверждает, что методика ненасильственного сопротивления, предложенная Дж. Шарпом, является, с одной стороны, типичным воплощением МС, а с другой – позволяет сочетать «жесткие» и «мягкие» механизмы, то есть, реализовывать технологии «умной силы». На основе данного теоретического фундамента Соединенные Штаты осуществили целый ряд переворотов в зарубежных странах во второй половине XX в. В начале XXI века эта теория, модернизированная с учетом изменившихся условий, была апробирована в ходе цветных революций в Сербии, Грузии, Украине, Тунисе и Египте [15, с. 47].

4) Проблема категориальной дифференциации понятий МС и пропаганды.

Данная проблема получила свою теоретическую разработку в работе М. М. Лебедевой [12]. М. М. Лебедева считает, что главное отличие МС от пропаганды состоит в том, что МС не использует манипулятивные технологии для достижения эффекта привлекательности. МС опирается на принцип добровольности, не допускает навязывания или стимулирования выбора, предполагает создание доверительных отношений между политическими акторами [11, с. 215].

5) Выявление инверсионного характера МС.

С позиции коммуникативно-технологического подхода, получившего широкое распространение в исследованиях МС, раскрываются коммуникативные обстоятельства, при которых определенные практики влияния начинают утрачивать свои «мягкие» характеристики. В результате МС превращается в свою противоположность, то есть в жесткую силу. К примеру, моральная и финансовая поддержка протестных общественных организаций, выступающих с критикой существующего политического строя, в случае если данные организации берут курс на радикальное противостояние существующему режиму, превращается в итоге в инструмент поддержки «жестких» форм политического влияния. Вместе с тем, может происходить и обратная инверсия, в том случае, когда «жесткая сила» в форме вооруженного вмешательства одновременно выступает фактором оказания гуманитарной помощи подверженному насильственным действиям населению, к примеру, со стороны террористических формирований. В таком случае «жесткая сила» в форме активных действий вооруженных освободительных сил одновременно берет на себя функцию МС, направленной на производство гуманитарной помощи [23].

Представление об амбивалентности ресурсов МС наводит на мысль о том, что не существует строгого разграничения между «мягкими» и «жесткими» инструментами воздействия. Данное утверждение получает свою практическую реализацию в ныне популярной концепции «умной власти», которая принимает во внимание фактор инверсионности «мягких» и «жестких» сил влияния.

Заключение

За последние годы отечественными исследователями был осуществлен ряд шагов, направленных на теоретическое моделирование концепта МС, анализ его структурных компонентов и функций. Важную роль в выявлении новых исследовательских полей и практик мягкой силы сыграли проведенные в стране конференции, ряд изданных монографий и защищенных кандидатских и докторских диссертаций. Отечественные авторы сходятся во мнении, что концепт МС описывает отнюдь не новое по своей природе явление. В то же время указывается, что заслуга Дж. Ная и других исследователей данной области состоит в том, что они стали рассматривать мягкую силу как важнейший инструмент влияния, показали перспективы практического применения концепта МС в эпоху интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий. Важно отметить, что функционал МС, согласно отечественным исследованиям, может служить как гуманитарно-созидательным, так и дестабилизирующе-разрушительным целям. Связывание практик мягкой силы с технологиями цветных революций характерно именно для российских исследователей, и практически не встречается у западных авторов. Еще одним результатом осмысления сущностных характеристик мягкой силы в отечественных работах является выявление ее инверсионного характера: в определенных обстоятельствах «мягкие» практики начинают приобретать «жесткий» характер. В целом, феномен МС как современный инструмент влияния государств на международной арене является весьма популярным предметом исследования в российской политической и гуманитарной науке, при этом изменяющаяся глобальная международная среда задает новые векторы его теоретического и прикладного анализа.

1. Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2016.

2. Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2015. 234 с.

3. Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): дис. ... канд. полит. наук. М., 2014, 200 с.

4. Бурматов В.В. Уникальна ли «мягкая сила» для демократического общества // Власть. 2012. № 11. С. 9–13.

5. Вторая международная конференция «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 1. С. 61–153; № 2. С. 103–162; № 3–4. С. 90–190; С. 229–275.

6. Дневник Алтайской школы политических исследований № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях): сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 235 с.

7. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая по-

литика. 2015. № 1. С. 89–122.

8. Карданова А.А. Оксюморонность как проявление контаминации в языке // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 53–58.

9. Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2017. 173 с.

10. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 07.05.2017).

11. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 07.05.2017).

12. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223.

13. Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: материалы Всероссийской научно-практической молодежной конференции (Екатеринбург, 17 октября 2018). Научное электронное издание / Ред. О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2018. 110 с.

14. Най Дж. Чего Китай и Россия не понимают в «мягкой силе» [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html> (дата обращения: 03.03.2019).

15. Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 274 с.

16. Неймарк М.А. «Дилеммы «мягкой» и «жесткой» силы: к урокам украинского кризиса // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 1. С. 5–37.

17. Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2012. 160 с.

18. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111.

19. Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoj-sily/> (дата обращения: 13.04.2016).

20. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 5–6. С. 38–47.

21. Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 16.12.2017).

22. Руми Ф., Матвеев А.С. Возможности использования Россией «мягкой силы» для преодоления недоверия в российско-иранских отношениях //

Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, политология. 2016. № 1. С. 173–177.

23. Русаков В.М. Мягкая сила военной мощи // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4. С. 96–107.

24. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft Power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 172–192.

25. Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории softpower, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4. С. 42–47.

26. Синчук Ю.В. «Мягкая сила» в мировой политике // Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Московский государственный лингвистический университет. 2017. С. 267–275.

27. Совещание послов и постоянных представителей России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения: 10.01.2019).

28. Тарабарко К.С. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практика реализации: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2017. 216 с.

29. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. ... д. полит. наук. М., 2013. 422 с.

30. Фурсов К.К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 2–3. С. 129–133.

31. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.

32. Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. – М.: Проспект, 2018. 512 с.

33. Nye J. Soft power // Foreign Policy. N.Y, 1990. № 80. Pp. 153–171.

34. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / сост. и ред. Е.Г. Борисова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 184 с.

35. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

36. Wilson J.L. Soft Power as a Component of Russian and Chinese Discourse and Strategy Constructivist and Realist Interpretations [Electronic resource]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2309529 (date of access: 15.01.2016).

References

1. Ageeva V.D. Rol' instrumentov «myagkojsily» vo vneshnej politike Rossijskoj Federacii v kontekste globalizacii: dis. ... kand. polit. nauk. Sankt-Peterburg, 2016.

2. Boyarkina A.V. «Myagkaya sila» kak politicheskij instrument realizacii vneshnej politiki KNR na rubezhe XX–XXI vv.: dis ... kand. polit. nauk.

Vladivostok, 2015. 234 s.

3. Budaev A. V. Rol' «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii (na primere rossijsko-brazil'skih otnoshenij): dis. ... kand. polit. nauk. M., 2014, 200 s.

4. Burmatov V.V. Unikal'na li «myagkaya sila» dlya demokraticeskogo obshchestva // Vlast'. 2012. № 11. S. 9–13.

5. Vtoraya mezhdunarodnaya konferenciya «Soft power: teoriya, resursy, diskurs» (Rossiya, Ekaterinburg, 20 oktyabrya 2017) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 1. S. 61–153; № 2. S. 103–162; № 3–4. S. 90–190; S. 229–275.

6. Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij № 33. Sovremennaya Rossiya I mir: al'ternativy razvitiya (Imidzh strany kak faktor «myagkoj sily» v mezhdunarodnyh otnosheniyah): sbornik nauchnyh statej / pod red. YU.G. Chernyshova. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017. 235 s.

7. Zaryanov E.P. Myagkaya sila kak harakternyj priznak politicheskogo vliyaniya velikoj derzhavy v usloviyah mnogopolyarnogo mira // Mirovaya politika. 2015. № 1. S. 89–122.

8. Kardanova A.A. Oksyumoronnost' kak proyavlenie kontaminacii v yazyke // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2009. № 2. S. 53–58.

9. Kovba D.M. «Myagkaya sila» kak politicheskaya strategiya gosudarstv Vostochnoaziatskogo regiona: dis. ... kand. polit. nauk. Ekaterinburg, 2017. 173 s.

10. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utv. Prezidentom RF V.V. Putinym 12 fevralya 2013 g. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/122186 (data obrashcheniya: 07.05.2017)

11. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 30 noyabrya 2016 g.) [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/2542248 (data obrashcheniya: 07.05.2017)

12. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila»: ponyatie i podhody // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. № 3. S. 212–223.

13. Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (Ekaterinburg, 17 oktyabrya 2018). Nauchnoe elektronnoe izdanie / Red. O.F. Rusakova, D.M. Kovba – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2018. 110 s.

14. Naj Dzh. CHego Kitaj i Rossiya ne ponimayut v «myagkoj sile» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html> (data obrashcheniya: 03.03.2019).

15. Naumov A.O. «Myagkaya sila», «cvetnye revolyucii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka. – M.: ARGAMAK-MEDIA, 2016. 274 s.

16. Nejmark M.A. «Dilemmy «myagkoj» i «zhestkoj» sily: k urokam ukrainskogo krizisa // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2016. № 1. S. 5–37.

17. Panova E.P. «Myagkaya vlast'» kak sposob vozdejstviya v mirovoj politike: diss. ... kand. polit. nauk. M., 2012. 160 s.

18. Ponkin I.V. Tekhnologii «myagkoj sily» kak sredstvo disfunkcionalizacii i razrusheniya gosudarstva // Pravoobrazovanie. 2014. № 12. S. 95–111.

19. Ponomareva E.G. ZHeleznaya hvatka «myagkoj sily [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/zheleznaya-hvatka-myagkoj-sili/> (data obrashcheniya: 13.04.2016).
20. Ponomareva E.G. Sekrety «cvetnyh revolyucij». Sovremennye tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov // Svobodnaya mysl'. 2012. № 5–6. S. 38–47.
21. Putin V.V. Rossiya i menyayushchiysya mir [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (data obrashcheniya: 16.12.2017).
22. Rumi F., Matveev A.S. Vozmozhnosti i spol'zovaniya Rossiej «myagkoj sily» dlya preodoleniya nedoveriya v rossijsko-iranskih otnosheniyah // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, politologiya. 2016. № 1. С. 173–177.
23. Rusakov V.M. Myagkaya sila voennoj moshchi // Nauchnyj zhurnal «Diskurs Pi». 2017. № 3–4. S. 96–107.
24. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 172–192.
25. Rusakova O.F., Bocharov A.V., Gribovod E.G. Konceptual'nye osnovaniya strategii cvetnoj revolyucii: teorii soft power, upravlyаемого haosa i mediatizacii politiki // Socium i vlast. 2014. № 4. S. 42–47.
26. Sinchuk Yu. V. «Myagkaya sila» v mirovoj politike // Strategiya «myagkoj sily» v kontekste informacionnyh vojn. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. 2017. С. 267–275.
27. Soveshchanie poslov I postoyannykh predstavitelej Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902> (data obrashcheniya: 10.01.2019).
28. Tarabarko K.S. Myagkaya sila kul'tury Kitaya: konceptual'noe sodержanie I praktika realizacii: dis. ... kand. filos. nauk. CHita, 2017. 216 s.
29. Filimonov G. Yu. Rol' «myagkoj sily» vo vneshnej politike SSHA: dis. ... d. polit. nauk. M., 2013. 422 s.
30. Fursov K.K. «Myagkaya», «zhestkaya» i «umnaya» sila v politicheskom diskurse mezhdunarodnogo krizisa vokrug Ukrainy // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2014. № 2–3. S. 129–133.
31. Haritonova E.M. «Myagkaya sila» vo vneshnej politik egosudarstva: opyt Velikobritanii: dis. ... kand. polit. nauk. M., 2017.
32. CHumakov A.N. Global'nyj mir: stolknovenie interesov. – M.: Prospekt, 2018. 512 s.
33. Nye J. Soft power // Foreign Policy. N.Y, 1990. № 80. Pp. 153–171.
34. Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz: koll. monografiya / sost. i red. E.G. Borisova. – M.: FLINTA: Nauka, 2015. 184 s.
35. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. 376 s.
36. Wilson J.L. Soft Power as a Component of Russian and Chinese Discourse and Strategy Constructivist and Realist Interpretations [Electronic resource]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2309529 (date of access: 15.01.2016).

UDC 32.001

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.3750

SOFT POWER STUDIES IN THE RUSSIAN POLITICAL SCIENCE: ANALYSIS OF PROBLEMATIC-TOPIC FIELDS

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Kovba Darya Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the problems of conceptual understanding and theoretical reception of soft power in Russian political science. There are typical moments in the circulation of concepts in the world political science, which are reflected in the Russian developments of the concept of soft power. The following phases of the circulation of the concept of soft power in Russian political science are considered: the creation of a concept with its subsequent popularization; acceptance of the concept by the academic community, its adaptation to the tasks of the country's foreign and domestic policy, including the inclusion of the concept in the discursive field of scientific disciplines, as well as the process of its legitimation through figuring in official political documents; critical understanding of the concept and its update with new methodological approaches and the development of new subject-specific fields. The article highlights the main problem areas of the conceptual analysis of soft power in Russian political science.

Keywords:

soft power, hard power, Russian political science, reception of soft power concept, propaganda, inversion of soft power.

УДК 462.81

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.5158

ЭТНОГРАФИЯ ВЕРБАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Артемова Анастасия Александровна,

Уральский федеральный университет,
студентка 2-го курса,
кафедра лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: anastasiya_artiomova16.11@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются наиболее общие идеи и категории особой науки – этнологии вербального дискурса (этнологии речи), являющейся частью лингвистической антропологии. Это направление анализа дискурса, основанное в середине XX столетия американскими лингвистами Д. Хаймсом и Дж. Гамперцем, почти неизвестно в России. Автор сосредотачивает свой анализ на индивидуальных аспектах вербального дискурса, но также показывает и его социальные моменты (коммуникативная компетенция), ибо отправным пунктом анализа в этих исследованиях служит речевой коллектив или другой социальный контекст.

Ключевые слова:

этнография вербального дискурса, речь, единицы, компоненты и уровни вербального дискурса, коммуникативная компетенция.

Введение. Речь, рассматриваемая в качестве *вербального дискурса*, является неотъемлемой частью жизни человека, ибо она играет важнейшую роль в процессе развития когнитивных способностей человека, в формировании его поведения и психики, а также в процессе социализации. Речь представляет собой не только способ передачи информации, являясь средством общения, но и позволяет при правильном ее анализе понять как сущность отдельной человеческой личности, так и сущность целого народа. Несмотря на то, что мы постоянно используем речь в повседневной жизни, она представляет собой очень сложное и удивительное явление, требующее тонкого анализа. «Речь поразительно интересна вот чем: с одной стороны, мы находим ее трудной для анализа; с другой – мы в огромной мере направляемы ею в нашем повседневном опыте» [4, с. 285].

Хотя в рамках общей классификации многочисленных теорий дискурса выделяются *теории дискурса с лингвистическим уклоном* [3, с. 26], тем не менее, в современной отечественной литературе совершенно не освещается такая научная область антропологического исследования поведения – *этнография речи (вербального дискурса)* [5, с. 45], основоположниками которой принято считать американских ученых Д. Хаймса и Дж. Гамперца, проводивших свои исследования во второй половине XX в.

В предлагаемой статье мы попытаемся рассмотреть основные идеи и категории этнографии вербального дискурса.

1. Социальные единицы вербального дискурса (social units). Для проведения дескриптивного исследования речи, требующего анализа конкретных сообществ, необходимо выделить социальные единицы, которые позволят рассмотреть речь в самых разных аспектах. Эти единицы должны быть по возможности общими и формальными, а также должны соответствовать речевым моделям, используемым в том или ином сообществе. Рассмотрим некоторые социальные единицы дескриптивного анализа [8, р. 5].

1.1. Языковой коллектив (speech community). Одной из основных единиц дескриптивного анализа является *языковой коллектив*, включающий в себя социальную группу и языковое разнообразие (*linguistic variety*) в ней содержащееся. Языковой коллектив можно определить как общество, члены которого способны понимать и воспроизводить речевые модели определенного языка, а также разделять общие правила и нормы поведения [10, р. 120–124].

Рассуждая о языковом коллективе, необходимо выделить такие понятия, как *языковое поле (language field)* и *речевое поле (speech field)*. Они могут быть определены как составляющие языкового коллектива, содержащие информацию о языковом разнообразии и правилах и моделях общения, позволяющих потенциально обеспечить эффективную коммуникацию. В речевом поле также необходимо выделить наличие специфических связей, существующих между людьми одного языкового сообщества.

1.2. Речевая ситуация (speech situation). В любом обществе существует огромное разнообразие ситуаций, использующих в качестве средства общения речь, а также ситуаций, в которых присутствуют неязыковые средства общения. Здесь можно выделить следующую социальную единицу дескриптивного анализа – *речевую ситуацию*. Примерами речевых ситуаций можно назвать праздники, различные церемонии и ритуалы, охоту, бои и т. д.

Речевые ситуации представляют собой варианты социальных условий (контексты), на основе которых формулируются правила общения и произнесения речи. Поскольку речевые ситуации диктуют эти правила, то, в отличие от речевых событий, которые будут рассмотрены далее, они им не подчиняются. Например, ритуалы приветствия или прощания, представляющие собой речевые ситуации, могут включать в себя как вербальные, так и невербальные средства выражения, которые в свою очередь должны соответствовать определенным требованиям, предъявляемым обществом.

С точки зрения общего социального описания речевые ситуации можно рассматривать как определенные (политические, эстетические, учебные и т. д.) ситуации, служащие контекстом для определенной деятельности. А с социолинг-

вистической точки зрения речевую ситуацию можно определить как деятельность с установленными границами [8, p. 7].

1.3. Речевое событие (*speech event*). Следующая социальная единица – *речевое событие* – представляет собой коммуникативную деятельность, регулируемую определенными правилами использования речи. Речевое событие может состоять как из одного, так из нескольких речевых актов. В качестве примера речевого события можно назвать собеседование, консультацию, диалог и т. д. [8, p. 8].

1.4. Речевой акт (*speech act*) – это минимальная составляющая речевого события. Он выступает в качестве связи между грамматическими правилами языка и составляющими речевого события или речевой ситуации, т. е. включает в себя как лингвистические формы, так и социальные нормы. Семантика речевого акта зависит от различных факторов, например таких, как интонация, позиция в разговоре, социальные отношения между собеседниками и т. д. В некоторых случаях речевой акт может представлять собой целое речевое событие (например, обряд, состоящий из одной молитвы, являет собой целое речевое событие).

Необходимо отметить существенную особенность, которая заключается в том, что один и тот же речевой акт может повторяться в разных речевых событиях и речевых ситуациях, а одно и то же речевое событие, в свою очередь, может быть включено в разные речевые ситуации. Так, например, обещание (речевой акт) может присутствовать как в диалоге между преподавателем и студентом, так и в предвыборном выступлении кандидата в президенты. Разговор друзей (речевое событие) может происходить как в университете, так и в контексте случайной встречи на улице [8, p. 8].

Анализ речевого акта может быть проведен на основе трехуровневой схемы, предложенной Дж. Остином [2, с. 82–90], которая включает в себя следующие частные акты, совершающиеся *одновременно*:

- 1) *локутивный* (*locutionary*) акт, представляющий фактически произнесенное говорящим высказывание;
- 2) *иллокутивный* (*illocutionary*) акт, определяющий коммуникативную цель и мотивацию, лежащую в основе высказывания;
- 3) *перлокутивный* (*perlocutionary*) акт, состоящий из реакции собеседника на локутивный акт.

Для осуществления анализа речевого акта на уровнях, приведенных выше, необходимо рассматривать каждое высказывание в соответствии с широкими социальными и культурными контекстами, в которых оно было произнесено [10, p. 285–287].

2. Компоненты вербального дискурса. Для проведения дескриптивного анализа представляется необходимым кроме социальных единиц, описанных выше, более подробно рассмотреть *компоненты речевого акта*. Традиционно выделялись такие компоненты, как *говорящий*, *слушающий* и *тема*, однако дальнейшее рассуждение покажет ограниченность и неполноценность выделения этих трех компонентов в структуре речевого акта, не позволяющих провести объективный анализ речевой ситуации [1, с. 105].

Рассмотрим модель, предложенную Д. Хаймсом. Проводя свои исследования, ученый выделил около семнадцати компонентов речи, которые будут

рассмотрены в данной работе. Необходимо отметить, что наличие каждого из этих компонентов в речевой ситуации не является обязательным. Для удобства восприятия Д. Хаймс, разбив их на восемь смысловых групп, составил акроним SPEAKING, каждая буква которого соответствует определенной группе компонентов: *scene* (сцена); *participants* (участники); *ends* (эффект); *act sequence* (ход действия); *key* (ключ); *instrumentalities* (инструментарий); *norms* (нормы); *genres* (жанры) [8, p. 10].

2.1. Сцена (*scene*), которая также включает в себя *обстановку* (*setting*). Последняя определяет время и место осуществления речевой деятельности, иными словами *физические обстоятельства*, окружающие речевой акт. Сцена, определенная Хаймсом как «психологическая обстановка», представляет собой *культурный контекст* события [1, с. 110; 8, p. 11]. Например, расположение предметов в классе в определенных культурах может сообщать о степени формальности проходящего в нем события. Уместность или неуместность речевых актов определяется в зависимости от сцены, в которой они протекают.

Данный компонент речевого события имеет огромное значение в большинстве культур, и может являться причиной межкультурных конфликтов, а, следовательно, требует к себе внимательного отношения [9, p. 113].

2.2. Участники (*participants*) события – содержит в себе *говорящего* (адресата), *слушающего* (адресанта), а также косвенных участников ситуации (например, писатель, переводчик и т. д.). При описании участников необходимо учитывать не только их внешние наблюдаемые характеристики (такие как, например, возраст и пол), но и место, занимаемое ими в социальной группе, семье, поскольку эта информация позволяет понять их роль в коммуникации и взаимодействии друг с другом [9, p. 114].

2.3. Эффект (у Д. Хаймса *ends* – *цель*) включает в себя *исход* (*purposes-outcomes*) т. е. ожидаемый результат коммуникативного акта и его *цели* (*purposes-goals*), которые представляются различными с точки зрения отдельной личности и общества в целом [1, с. 110; 8, p. 12].

2.4. Ход действия (*act sequence*) включает в себя тесно взаимосвязанные и занимающие центральное место в синтаксической структуре речевого акта *форму сообщения* (*message form*) и *содержание сообщения* (*message content*). Ход действия содержит информацию о *порядке* коммуникативных действий внутри события. Порядок может варьироваться от строгого (например, в ритуалах приветствия или прощания) до менее строгого (например, в ходе разговора). Форма сообщения может представлять собой различные *модели*, с помощью которых осуществляется процесс коммуникации, и выбор которых зависит от *кода* (словесного или несловесного – *verbal/nonverbal*) и *канала* (звукового или незвукового – *vocal/nonvocal*) связи. В зависимости от сочетания видов кода и канала различают разговорный и письменный язык, смех, молчание, кинесику, язык жестов, паралингвистические особенности передачи информации и т. д. [9, p. 115–116].

2.5. Ключ (*key*) описывает манеру, стиль или дух, в котором происходит передача сообщения. Важность этого компонента объясняется тем, что, несмотря на относительное постоянство других компонентов, манера передачи сообщения может изменяться независимо от них. Кроме того, ключ может играть определяющую роль во взаимодействии компонентов, а также характеризовать

отношения между участниками. Например, комплимент, сделанный в саркастическом ключе или же сказанный искренне, определяет характер отношений между собеседниками.

Различные манеры передачи сообщения обусловлены специфическими особенностями культуры, требующими индивидуального рассмотрения каждого общества, а потому ключ может считаться культурным аспектом анализа [8, p. 13; 9, p. 113].

2.6. Инструментальность (*instrumentalities*) включает в себя каналы (*channels*) и формы речи (*forms of speech*). Канал определяет способ передачи речи (например, устный, письменный, телефонный и т. д.). Форма определяется, исходя из следующих критериев: исторического происхождения языка (сам язык и диалект), наличия или отсутствия взаимопонимания (языковой код) и специализации в использовании (*разновидность* и *регистр*) [8, p. 13–14].

2.7. Нормы (*norms*) содержат в себе нормы взаимодействия (*norms of interaction*) и нормы интерпретации (*norms of interpretation*). Первый компонент определяет правила поведения участников и использования единиц речи, приемлемые в определенном языковом обществе. Нормы интерпретации сообщают информацию о ценностях и социокультурных нормах, принятых в том или ином обществе. Таким образом, данный компонент анализа для правильного его понимания требует изучения социальной структуры определенного общества и взаимоотношений внутри нее [8, p. 14; 9, p. 123–124].

2.8. Жанр (*genre*). Например, в качестве жанра выступают такие явления, как официальное письмо, лекция, молитва, сказка, поэма и т. д. Большинство жанров соотносится с соответствующими им речевыми событиями, однако необходимо отметить, что при этом они сохраняют свою независимость. Например, проповедь в православной религии, как правило, читается в церкви, а в протестантской может проходить и на улице. Таким образом, одинаковые жанры могут повторяться в разных речевых событиях [8, p. 15].

3. Индивидуальные уровни вербального дискурса. Для понимания того, на чем основывается восприятие человеческой речи и формирование впечатления, произведенного говорящим, необходимо рассмотреть уровни вербального дискурса, лежащие за пределами его лексической и грамматической составляющих. Э. Сепир, например, выделяет два таких уровня: голос и голосовую динамику.

3.1. Голос. Голос является уникальной индивидуальной особенностью человека, зависящей от психофизиологической организации (голос одного человека может вызывать антипатию, неприязнь, в то время как голос другого способен возбудить интерес к личности говорящего), однако в то же время он обладает *социальным качеством*. Человек, находясь в определенном обществе, модифицирует свой голос, подражая голосам других участников, чтобы не вызывать социального неприятия. Иными словами, происходит непроизвольная подстройка гортани. Исходя из этого, можно заключить, что для исследования личности человека по его голосу необходимо различать *индивидуальную* и *социальную* составляющие последнего. Определив каждую из них в отдельности можно проследить влияние социального фактора на первичные характеристики голоса и, основываясь на этом, выявить отношение говорящего к окружающим

его обстоятельствам. Таким образом, можно заключить, что голос символизирует общую установку человека [4, с. 293].

3.2. Голосовая динамика, которая включает в себя *социальную* и *тональную интонации* и *ритм*. В каждом обществе существует некоторый набор интонаций и определенный тональный диапазон, которым должны соответствовать представители данного общества. Следовательно, несмотря на то, что интонация в той или иной степени носит индивидуальный характер, необходимо, прежде всего, учитывать социальный фон, окружающий говорящего [4, с. 296].

Характеристики ритма человеческой речи определяются в результате одновременного взаимодействия следующих факторов: ритма, свойственного каждому языку (благодаря особенностям его лексики, фонетики и т. д.); ритма социальной экспрессии, допускаемого в конкретных группах и индивидуальных ритмических вариаций [4, с. 297].

4. Социальный аспект вербального дискурса – коммуникативная компетенция. Для эффективной коммуникации необходимо не только знание языка, но и наличие социальной и культурной осведомленности, позволяющей использовать языковые формы и корректно толковать их. Эти знания позволяют понимать то, *каким* должно быть речевое поведение (в каких ситуациях следует говорить, а в каких – молчать, как разговаривать с людьми разных статусов и ролей, какие невербальные модели повеления допускаются в данном контексте, как обратиться с просьбой, как отклонить помощь и т. д.). Система знаний, определяющих то, как горячий должен производить речевые акты, каким речевым событиям они должны соответствовать, чтобы иметь возможность занимать активную социальную позицию в обществе, называется *коммуникативной компетенцией* [6; 7, р. 205; 9, р. 18].

Проводя исследования коммуникативной компетенции, необходимо учитывать широкий диапазон описаний, включающий в себя не только лингвистические, но и культурные аспекты. Сюда, например, относятся *лингвистические знания* (дискурсивные модели, вербальные и невербальные элементы общения); *навыки взаимодействия* (знание организации процесса общения, нормы взаимодействия, правильное толкование языковых форм, соответствующих конкретным ситуациям); *культурные знания* (социальная структура общества, ценности, характерные для него) [9, р. 20].

Прежде чем потенциальный речевой акт будет воспроизведен, сообщение должно пройти обработку на трех уровнях, а именно:

- *языковой компетенции* (возможен ли формально некоторый акт в рамках конкретной культуры);
- *социальной компетенции* (допустим ли некоторый акт в данной сцене, с данными участниками и т. д.);
- *психофизической компетенции* (осуществим ли некоторый акт, т. е. будет ли понятен другим участникам).

Исходя из соображений, представленных выше, коммуникативно компетентным можно считать участника, обладающего знаниями языка и культуры общества, навыками взаимодействия, а также способного учитывать все уровни компетенции, и, таким образом, порождать сообщение, способное функционировать в качестве приемлемого речевого акта [1, с. 278–280].

Заключение. Подводя итоги, следует заметить, насколько сложным и многосторонним представляется исследование вербального дискурса, которое должно охватывать все аспекты жизни человека. В предпринятом анализе были затронуты лишь некоторые моменты этнографии вербального дискурса, большей частью касающиеся его *индивидуальных характеристик*. Однако не менее интересным из актуальных направлений исследований в области вербального дискурса является рассмотрение его в связи с социализацией и культурой в целом. В этом плане можно выделить два момента: с одной стороны, имеется *зависимость языка от изменений социокультурной среды*, с другой стороны, благодаря способности языка отражать в своем содержании все культурные особенности общества, он оказывает большое влияние на формирование у человека видения *социальной действительности*.

1. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. – Москва: Международные отношения, 1980. – 320 с.
2. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – Москва: Прогресс, 1986. С. 22–131.
3. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 8–27.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Москва: Прогресс, Универс, 1993. – 656 с.
5. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7. – Москва: Прогресс, 1975. С. 42–96.
6. Findlay M.S. Language and communication: a cross-cultural encyclopedia. – Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 1998. – 229 p.
7. Gumperz J.J. Directions in sociolinguistics: the ethnography of communication. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – 598 p.
8. Hymes D. Models of the interaction of language and social life: toward a descriptive theory // Intercultural discourse and communication: the essential readings. – Malden, MA; Oxford [et al.]: Blackwell Publishing, 2005. P. 4–16.
9. Saville-Troike M. The ethnography of communication: an introduction. – 3rd ed. – Malden, MA; Oxford [et al.]: Blackwell Publishing, 2003. – x + 325 p.
10. Wardhaugh R. An introduction to sociolinguistics / R. Wardhaugh. – 5th ed. – Malden, MA; Oxford [et al.]: Blackwell Publishing, 2006. – viii + 418 p.

References

1. Bell R.T. Sociolinguistika. Celi, metody i problemy. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 320 s.
2. Ostin Dzh. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Vyp. 17. – Moskva: Progress, 1986. S. 22–131.
3. Rusakova O.F. Sovremennye teorii diskursa: opyt klassifikacij // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2006. S. 8–27.
4. Sepir E'. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologi. – Moskva: Progress, Univers, 1993. – 656 s.

5. Xajms D.X. E'tnografiya rechi // *Novoe v lingvistike*. Vyp. 7. – Moskva: Progress, 1975. S. 42–96.
6. Findlay M.S. *Language and communication: a cross-cultural encyclopedia*. – Santa Barbara, CA: ABC–CLIO, 1998. – 229 p.
7. Gumperz J.J. *Directions in sociolinguistics: the ethnography of communication*. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – 598 p.
8. Hymes D. *Models of the interaction of language and social life: toward a descriptive theory // Intercultural discourse and communication: the essential readings*. – Malden, MA; Oxford [et al.]: Blackwell Publishing, 2005. P. 4–16.
9. Saville-Troike M. *The ethnography of communication: an introduction*. – 3rd ed. – Malden, MA; Oxford [et al.]: Blackwell Publishing, 2003. – x + 325 p.
10. Wardhaugh R. *An introduction to sociolinguistics / R. Wardhaugh*. – 5th ed. – Malden, MA; Oxford [et al.]: Blackwell Publishing, 2006. – viii + 418 p.

UDC 462.81

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.5158

THE ETHNOLOGY OF VERBAL DISCOURSE

Artemova Anastasia Aleksandrovna,

Ural Federal University,
student,
Department of Linguistics and Professional Communication
in Foreign Languages,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: anastasiya_artiomova16.11@mail.ru

Annotation

The article deals with the most general ideas and categories of special science – the ethnology of verbal discourse (ethnology of speech), which is a part of linguistic anthropology. This is the direction of discourse analysis, founded in the middle of the XX century by American linguists D. Hymes and G. Gumperz, almost unknown in Russia. The author focuses his analysis on the individual aspects of verbal discourse, but also shows its social aspects (communicative competence), because the starting point of analysis in these studies is the speech community or other social context.

Keywords:

verbal discourse ethnography, speech, units, components and levels of verbal discourse, communicative competence.

УДК 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.5967

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ: ПОНЯТИЕ, СПЕЦИФИКА, ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Митрохина Татьяна Николаевна,

Саратовский социально-экономический институт (филиал)
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры истории, философии,
политологии и социологии,
Саратов, Россия,
E-mail: mtn002@rambler.ru

Аннотация

В статье осуществляется анализ понятия и феномена «политическая повестка дня». Специфические черты данного феномена проявляются в содержании, структуре, механизмах, субъектах и факторах его формирования, в характере и степени актуальности проблем, структурирующих политическую повестку дня. Анализируются процессы внесения проблемных вопросов в политическую повестку и определения их в качестве таковых с участием субъектов, которые оказывают влияние на формирование политической повестки, и субъектов, которые непосредственно принимают решение по ее содержанию и структуре. Выявляются факторы, под влиянием которых политическая повестка формируется и видоизменяется. Объясняется феномен расхождения двух вариантов отечественной повестки дня – на уровне общественных отношений и на официальном уровне.

Ключевые слова:

массмедиа, политическая повестка дня, субъекты формирования политической повестки дня.

Начальной стадией политического процесса, на которой актуальные политические проблемы определяются как таковые, является стадия формирования политической повестки дня [1, с. 529]. В подходах к определению политической повестки дня, как правило, доминируют наиболее значимые и актуальные политические вопросы или социально-политические проблемы, имеющие высо-

кую степень общественной значимости и требующие политического решения. Существенных разночтений в интерпретации политической повестки дня немного. Наиболее разнообразно определяются формирующие ее проблемы и вопросы – «список», «круг», «набор», «иерархия», «совокупность», «система». На первый взгляд, незначительные смысловые расхождения, тем не менее, характеризуют предпочтения авторов и задают методологическую направленность исследованию в целом. Так, например, определения политической повестки как «набора» сюжетов и проблем, считающихся наиболее важными [2, с. 110], или «набора» тем и вопросов, диктуемых властью [7, с. 8], акцентируют внимание на критериях осуществления набора. Использование термина «список» в отношении проблем, которые считаются не просто важными, но «по мнению людей, требуют внимания правительства» [1, с. 186], переключает внимание на принципы формирования и упорядочивания списка, а также его протяженности. «Иерархия» предполагает некоторый порядок подчиненности и неравноценности проблемных вопросов, формирующих политическую повестку. «Круг» сюжетов или тем, имеющих приоритетное значение для конкретного субъекта в определенный промежуток времени [3, с. 46], перемещая проблему в «замкнутую часть плоскости», изначально отказывает в многомерности и открытости феномену политической повестки. Термин «система» является наиболее обязывающим, поскольку требует аргументации в пользу системных характеристик политической повестки [4]. Методологически более комфортна «совокупность», поскольку термин трактуется как «соединение, образующее сумму» проблемных вопросов, затрагивающих интересы большей части общества и требующих принятия политического решения.

Более дискуссионным и специфическим аспектом политической повестки дня является процесс определения значимых вопросов или проблем и внесения их в политическую повестку. Нередко подчеркивается необходимость предварительного публичного обсуждения проблемы, наличие общественного резонанса [2, с. 110] или формирование общественного запроса [1, с. 529]. Весьма устойчиво мнение, согласно которому наибольший эффект достигается через средства массовой информации, в связи с чем их роль в формировании политической повестки традиционно преувеличивается. Традиция берет начало в ставшей классической теории повестки дня, предложенной американскими учеными М. Маккомбсом и Д. Шоу. В результате проведенного ими исследования была установлена положительная корреляция между проблемами, транслируемыми массмедиа, и проблемами, которые действительно волнуют граждан [9]. Однако вывод о том, что массмедиа навязывают аудитории свои приоритеты, актуальный для американской политической системы, при помещении в иной политический контекст не выглядит столь бесспорным и универсальным.

Современная политическая практика более разнообразна и свидетельствует в пользу того, что обсуждение проблемы в средствах массовой информации, как стадия формирования политической повестки, является желательным, но далеко не обязательным в конкретных временных и политических условиях. К тому же, нередко массмедиа начинают транслировать информацию по той или иной проблеме, требующей политического решения, если органы государственной власти соответствующего уровня отобрали из спектра социальных, экономических и иных проблем те, которые они считают первостепенными, приоритетными,

готовы решать и выносить на публичное обсуждение. При таком подходе политическая повестка первична и определяет повестку массмедиа.

Публичное обсуждение проблемы организуется, контролируется и направляется властью в целях формирования или коррекции общественного мнения определенной направленности, переключения внимания населения на позитивные аспекты и последствия решения данной проблемы, для мобилизации общества на выполнение задач или профилактики потенциально возможного социально-политического протеста. В этих случаях публичному обсуждению предшествует тщательный предварительный анализ и отбор информации соответствующими структурами, контролирующими поток информации, имеющей отношение к вопросам общественной и государственной важности. Они же контролируют и «обратную связь» – содержание материалов в средствах массовой коммуникации, опубликованных по тем или иным сюжетам. Как следствие, массмедиа чаще всего лишь транслируют проблемы, содержание, порядок и способы решения которых были определены субъектами формирования политической повестки, имеют опосредованное отношение к отбору проблем, вынесенных на обсуждение, выступают лишь инструментом внедрения тем, вопросов, проблем и способов их решения в сознание граждан.

Включение проблемы в политическую повестку может произойти и вовсе без привлечения внимания общества к ней с помощью массмедиа, определяться интересами правящего политического класса, бизнеса или каких-либо иных субъективно мотивированных групп. В этом случае проблема становится пунктом политической повестки, минуя стадию предварительного публичного обсуждения. Так, например, внесение многочисленных изменений в отечественное избирательное законодательство, имеющее непосредственное отношение ко всему обществу, осуществляется без оформления осязательного общественного запроса, что себя вполне оправдывает в условиях невысокого уровня политической осведомленности основной массы населения о возможностях избирательных систем. При таком «нисходящем потоке» формирования политической повестки дня вполне корректно ее отождествление со «скрытыми мотивами, лежащими в основе проводимой политики» [7, с. 8]. Граждане оказываются в ситуации, когда им предложено только принять тот или иной пункт уже оформленной политической повестки.

В этой части анализ политической повестки дня сопряжен с проблемой субъектов ее формирования. Теоретически к субъектам относят государственные и негосударственные структуры федерального, регионального и местного уровней, массмедиа, группы интересов, бизнес, некоммерческие организации. Субъектами являются научные и экспертные сообщества, общественные организации, политические партии, оппозиционные или иные заинтересованные группы. В идеале политическая повестка должна быть результатом совместных усилий разнообразных субъектов или продуктом «процесса коллективного определения» [6, с. 73].

Однако специфика «политического» существенно ограничивает круг самостоятельных субъектов формирования политической повестки. Для политической сферы характерно стремление оказывать влияние на все общество или какую-либо его значительную часть с целью получения скорректированного поведения объекта воздействия. Такое право получает лишь очень узкий

и влиятельный слой политической элиты. Проблема, перешедшая в разряд политических и занявшая место в политической повестке дня, затрагивает интересы большей части общества, которое по-разному видит ее решение, что нередко приводит к конфликтам, разрешение которых, как правило, требует вмешательства государства [1, с. 529] – изменения законодательства, институциональной реформы или того и другого одновременно [8, с. 184]. Такими возможностями располагает далеко не каждый политический субъект.

В этой связи не вполне корректно рассматривать, например, муниципальный уровень власти в качестве самостоятельного субъекта формирования политической повестки, а повестку дня муниципалитетов считать политической. Муниципалитеты по своему назначению призваны заниматься решением преимущественно хозяйственных и организационных вопросов, очень конкретных задач и проблем населения, соответственно политической повестке общегосударственного уровня. В лучшем случае, они выступают в качестве субъектов влияния на процесс формирования политической повестки дня. В свою очередь, такой субъект, как экспертное сообщество, активно участвуя в процессе обсуждения той или иной проблемы, высказывает мнения и формулирует рекомендации, при этом выступая в качестве субъекта, но всего лишь влияния. Региональная элита, решая проблемы регионального уровня, вынуждена встраиваться в политическую повестку общегосударственного масштаба, не являясь самостоятельным субъектом при определении её содержания и структуры.

Следуя выстроенной таким образом логике, справедливым будет распространить вывод практически на все перечисленные выше субъекты, которые в лучшем случае способны выступить в качестве субъекта влияния на процесс формирования политической повестки, но не в качестве самостоятельных субъектов ее формирования.

Полноценным субъектом формирования политической повестки дня может быть лишь тот субъект, за кем остается «последнее слово», кто несет политическую ответственность за принятые решения и имеет ресурсы для их реализации. В таком качестве выступает относительно небольшая группа политической элиты общегосударственного уровня, поскольку именно она координирует, регулирует, располагает необходимыми ресурсами, формулирует цели, разрабатывает стратегию и программы, принимает правовые документы и окончательное решение по включению проблемы в повестку дня.

В идеале проблемы, структурирующие политическую повестку, должны отвечать потребностям граждан, находить отклик в общественном сознании. К тому же несправедливо вовсе отказывать гражданам в причастности к формированию политической повестки. В зависимости от ситуации, участие может быть как конфликтным, так и относительно спокойным. Конфликтный механизм запускается в отношении «запущенных» проблем, включение которых в политическую повестку происходит лишь в процессе крайне «жесткой конкуренции» за внимание со стороны власти и ресурсов на ее решение [6, с. 77].

Очевидно, в условиях зрелой демократии может быть эффективен и консенсусный механизм влияния общества на власть. Власть как субъект формирования политической повестки при наличии политической воли, ответственности и ресурсов имеет возможность экстрагировать значимую для принятия политических решений информацию из различных источников – от граждан, экспертных со-

обществ, из данных социологических и мониторинговых исследований, статистической отчетности, поисковых запросов, анализа «обратной связи» и контента социальных сетей. Источников информации достаточно для того, чтобы держать «руку на пульсе», знать настроения общества, запросы граждан на сохранение или реформирование чего-либо. И конфликтный, и консенсусный механизмы оформляют «восходящий поток» формирования политической повестки дня.

В целом ответы на вопросы о структуре, содержании и субъектах формирования политической повестки дня зависят от конкретных временных и политических условий. В частности, в значительной степени содержание ответов определяется моноцентричным или полицентричным характером политической системы. В условиях полицентричности возможно сосуществование различных субъектов и центров формирования политической повестки дня. Моноцентричность не исключает множественности субъектов экспертного влияния и публичного обсуждения структуры и содержания политической повестки дня, но предполагает единый центр ее формирования.

Содержание и структура политической повестки опосредованы и другими факторами, усиливающими специфику политической повестки. Так, например, власть, как правило, оформляет политическую повестку дня и в целом политико-деловой цикл соответственно циклу электоральному, приберегая ресурсы, чтобы пустить их в дело для улучшения психологического климата в обществе на предвыборный период. Именно накануне выборов максимально используются все ресурсы для улучшения эмоционального состояния общества. В этот период с легкостью решаются проблемы, не решаемые десятилетиями, повышаются заработные платы, пенсии, стипендии, выплачиваются гранты, премии, увеличивается количество наград различного достоинства, презентуются многочисленные программы, общественно значимые проекты, устремленные в будущее, проводятся публичные культурные, спортивные и масштабные увеселительные мероприятия, ориентированные на все социальные группы. Особенно много внимания уделяется успехам, достигнутым в предыдущие годы в экономике, в международных отношениях, образовании, здравоохранении, укреплении безопасности страны.

По мере приближения к выборам существенно увеличивается позитивная составляющая политической повестки, исчезают информационные сюжеты, способные в той или иной степени травмировать общество. Разумеется, все это можно делать и ранее, но технологически рациональнее так работать именно перед выборами для создания атмосферы психологического комфорта в обществе. Оппозиция стремится предложить обществу иную политическую повестку, пытаясь привлечь внимание к недостаткам и просчетам политической власти и управления. Однако задача власти с помощью различных инструментов и ресурсов приглушить информацию такого рода. Политическая повестка претерпевает существенные изменения после проведения выборов, именно в этот период принимаются непопулярные в обществе, но необходимые власти изменения в законодательстве, меняется структура политических институтов, осуществляются кадровые замены.

Помимо актуальных проблем, требующих непосредственного решения, политическая повестка имеет символическую составляющую, что также оформляет ее специфику. В нее включаются проблемы, имеющие не столько актуальное

звучание, сколько способствующие формированию имиджа определенной направленности. Так, например, активно обсуждаемые представителями власти сюжеты с «криптовалютами» и «биткоинами», чаще всего не только не актуальные для основной массы населения, но и малопонятные большинству граждан, способствуют обновлению имиджа государства и его лидеров в инновационной и символической составляющей. Как следствие, нередко высказывается мнение о расхождении или даже разрыве двух вариантов отечественной повестки дня – на уровне общественных отношений и на официальном уровне, что справедливо, но лишь отчасти.

Расхождение или разрыв повесток формируется по ряду причин, одна из которых заключена в том, что для мобилизации общества на решение долгосрочных задач политическая власть должна быть источником оптимизма и позитивной социальной энергии. Политические лидеры обязаны внушать уверенность в завтрашнем дне, публично обозначая контуры этого завтрашнего дня, даже если сами не очень уверены в положительном результате [5, с. 117].

Феномен расхождения повесток дня объясним и тем обстоятельством, что большая часть общества, профессионально не занимаясь политикой, мыслит обыденными категориями, значимыми на данный момент для гражданина «здесь и сейчас» – повысить стипендию, пенсию, заработную плату, улучшить систему здравоохранения, образования, безопасности. Стратегические вопросы развития государства находятся за пределами личного опыта рядовых граждан.

Задача власти состоит в том, чтобы слушать, слышать, обобщать, агрегировать и, что особенно важно, – «переводить» каждодневные требования граждан с языка обыденности и повседневности на язык политических решений. В свою очередь, принятые политические решения в виде законов, указов, нормативных актов, программ, стратегий, институциональных изменений требуют перевода в актуальный для граждан формат, в плоскость понимания большей части общества. Особенно это актуально для таких исторических решений, каким стало, например, возвращение Крыма в состав России. Проблема, не воспринимаемая массовым сознанием в качестве проблемы, требующей незамедлительного решения, принята обществом как стратегическое и геополитическое событие, значимое в целом для страны.

Разъяснение смысла политической повестки дня необходимо с точки зрения приобщения граждан к целевым стратегическим установкам, мобилизации общества на выполнение поставленных задач и решения актуальных проблем. Очевидно, разрыв повесток дня естественен для любого государства, если речь идет не о принятии популистских решений, а о долгосрочных программах и проектах, нацеленных не на «косметический ремонт», а на «капитальное строительство», не на сиюминутное повышение заработной платы, а на совершенствование экономической политики государства.

Формирование политической повестки осуществляется по различным взаимосвязанным каналам. С одной стороны, определенные проблемы или отдельные аспекты проблем, нуждающиеся в дальнейшей мобилизации общества на выполнение неотложных задач, могут быть вынесены на общественное обсуждение, технологически нуждаясь в этой процедуре. Для мобилизации общества необходимо сформулировать цель и результат, к достижению которых оно будет устремлено. Однако, с другой стороны, вопросы стратегического

значения могут быть внесены в политическую повестку дня и минуя стадию публичного обсуждения.

Структурируют политическую повестку проблемы внутри- и внешнеполитического значения, стратегической и текущей политики, актуальные с точки зрения общества в целом и какой-либо влиятельной группы, проблемы реального и символического звучания, национального и регионального масштаба, заявленные публично и не публично.

Субъекты политики должны быть способны не только отвечать на общественные запросы, но и самостоятельно формулировать политическую повестку стратегической или упреждающей направленности, обеспечивающей не сиюминутное, а долгосрочное развитие государства и общества. Включение в политическую повестку дня таких вопросов становится возможным в том случае, если субъекты имеют собственное понимание национальной идеи, интересов, собственные проекты развития государства и общества, способны стратегически мыслить и действовать. При этом не исключается период всестороннего изучения, обсуждения и анализа проблемы с привлечением широких слоев общества в лице экспертов, представителей общественных организаций и профессиональных сообществ. Общественные запросы, на которые власть вынуждена давать ответы, достраивают и корректируют политическую повестку дня, сформулированную политической элитой. Продуктивное взаимодействие нисходящего и восходящего потоков приводит к формированию наиболее оптимального и сбалансированного варианта политической повестки дня.

1. Джанда К., Берри Д. М., Голдман Д., Хула К. В. Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006.

2. Дьякова Е. Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 109–120.

3. Казаков А. А. Теория установления повестки дня: основные подходы и направления исследования в российской политической науке // Вестник Московского университета Сер. 12. Политические науки. 2014. № 3.

4. Колесников В. Н. Актуальная повестка дня в современной России: факторы формирования // Сайт библиотеки «Cyberleninka». Размещено 24.03.2014. [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnaya-rovestka-dnya-v-sovremennoy-rossii-factory-formirovaniya> (дата обращения: 18.08.2018).

5. Митрохина Т. Н., Горбачев М. В., Соколов А. Г. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т. Н. Митрохиной. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2014.

6. Хиллгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2.

7. Шестопал Е. Б. Политическая повестка дня российской власти и её восприятие гражданами // Политические исследования, Полис. 2011. № 2.

8. Bosso C. J. The Contextual Bases of Problem Definition // The Politics of Problem Definition / Ed. D. A. Rocheford, R. W. Cobb. Lawrence: University

Press of Kansas, 1994.

9. McCombs M.E., Show D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. Iss. 2.

References

1. Dzhanda K., Berri D.M., Goldman D., Xula K.V. *Trudnym putem demokratii: Process gosudarstvennogo upravleniya v SShA*. M.: «Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya», 2006.

2. D'yakova E.G. *Massovaya politicheskaya kommunikaciya v teorii ustanovleniya povestki dnya: ot e'ffekta k processu* // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2003. № 3. S. 109–120.

3. Kazakov A.A. *Teoriya ustanovleniya povestki dnya: osnovnye podxody i napravleniya issledovaniya v rossijskoj politicheskoy nauke* // *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 12. Politicheskie nauki*. 2014. № 3.

4. Kolesnikov V.N. *Aktual'naya povestka dnya v sovremennoj Rossii: faktory formirovaniya* // *Sajt biblioteki «Cyberleninka»*. Razmeshheno 24.03.2014. [e'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnaya-povestka-dnya-v-sovremennoj-rossii-faktory-formirovaniya> (data obrashheniya: 18.08.2018).

5. Mitroxina T.N., Gorbachev M.V., Sokolov A.G. *Krizisnyj diskurs oficial'noj vlasti i sistemnoj oppozicii v sovremennoj Rossii: sravnitel'nyj analiz / pod red. T.N. Mitroxinoj*. M.: «Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya», 2014.

6. Xilgartner S., Bosk Ch.L. *Rost i upadok social'nyx problem: koncepciya publichnyx aren* // *Social'naya real'nost'*. 2008. № 2.

7. Shestopal E.B. *Politicheskaya povestka dnya rossijskoj vlasti i eyo vospriyatie grazhdanami* // *Politicheskie issledovaniya, Polis*. 2011. № 2.

8. Bosso C.J. *The Contextual Bases of Problem Definition* // *The Politics of Problem Definition* / Ed. D.A. Rocheford, R.W. Cobb. Lawrence: University Press of Kansas, 1994.

9. McCombs M.E., Show D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. Iss. 2.

UDC 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.5967

THE POLITICAL AGENDA: CONCEPT, SPECIFICITY, FORMATION FACTORS

Mitrokhina Tatyana Nikolaevna,

Saratov Socio-Economic Institute
of Plekhanov Russian University of Economics,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of Chair of History, Philosophy,
Political Science and Sociology,
Saratov, Russia,
E-mail: mtn002@rambler.ru

Annotation

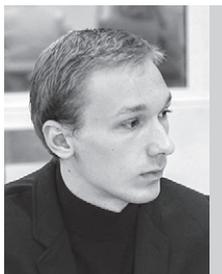
The article deals with the analysis of the concept and phenomenon “the political agenda”. The specific features of this phenomenon are shown in the maintenance, structure, mechanisms, subjects and factors of its formation, in character and degree of an urgency of the problems structuring the political agenda. Processes of entering of problem questions in the political summons and their definitions as those with participation of subjects which influence formation of the political summons, and subjects who directly make the decision under its maintenance and structure are analyzed. Factors under which influence the political agenda is formed and changes are revealed. The phenomenon of a divergence of two variants of the domestic agenda – on the level of public relations and at official level – is explained.

Keywords:

mass media, political agenda, subjects of formation of the political agenda.

УДК 32.019.51
DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.6876

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФРЕЙМИНГ КАК СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ

Лопатин Святослав Вячеславович,

Уральский федеральный университет,
Уральский гуманитарный институт,
магистр политических наук,
кафедра политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: svyatoslav.vyacheslavovich@mail.ru

Аннотация

В статье предлагается рассмотрение политического фрейминга в качестве стратегии манипулирования политическим сознанием, включающей в себя последовательность и взаимосвязанность определенных этапов: отбор, категоризация и наименование значений, акт повествования и выделение модусов фреймирования. Особое внимание автором уделяется рассмотрению инструментов, способствующих преодолению инерционности мышления.

Ключевые слова:

фрейм, политический фрейминг, манипулирование, политическое сознание, инерционность мышления, формирование повестки дня.

В политике стратегия фрейминга¹ используется в качестве одной из важных и актуальных на сегодняшний день технологий социального управления, поскольку конструируемая и контролируемая политическим субъектом область политических значений позволяет эффективно консолидировать нацию или груп-

¹ Политический фрейм представляет собой «определение политической ситуации» (И. Гофман), в основе которой лежит определенная «схема интерпретации» или «матрица возможных событий» (Г. Батыгин, В. Вахштайн). Данные механизмы воздействуют на мотивационную систему политического сознания, на основе которой формируются политические ориентации, установки и отношения к отражаемому (М. Минский и Н.В. Волосухина).

пу людей вокруг определенных ценностей, идей и представлений. Справедливо замечают А. Д. Плисецкая и К. В. Филимонов о том, что «именно фреймы формируют нашу социальную политику и институты, которые мы создаем для ее реализации» [5, с. 161].

Главная цель стратегии политического фрейминга заключается во включении некоторой области значений в политическое сознание объекта политического воздействия и усилении восприимчивости к этим и другим семантически близким значениям. Стратегия политического фрейминга раскрывается через организацию, структурирование, представление и закрепление в политическом сознании объекта политического воздействия некоторой области значений, воспринимаемой индивидуальным сознанием в первичной системе фреймов². Все это позволяет оказывать влияние на восприятие необходимой манипулятору информации.

Многие политические деятели часто прибегают к использованию данной технологии, некоторые даже неосознанно. Однако технологически правильное и последовательное применение стратегии политического фрейминга способно настроить политическое сознание индивида в нужном для субъекта воздействия направлении. Субъекты политического воздействия создают и контролируют определенные аспекты политической реальности, делая их более заметными для сознания объекта воздействия, пропагандируя таким образом определенную трактовку проблемы, интерпретацию причин ее появления, моральную оценку и возможные решения. Отсюда следует, что воспринимаемая индивидом политическая реальность есть следствие применения стратегии фрейминга, которая последовательно адаптирует в политическом сознании индивида определенные политические значения и смыслы. Каналами адаптации области значений могут служить пресса, политические движения, политические партии, политические лидеры, политическая реклама и любые другие источники информации. Политический фрейминг изначально несет в себе отпечаток субъективного восприятия реальности, служащий основанием манипуляций политтехнологов.

Для фокусирования внимания аудитории на некоторой области значений необходимо реализовать стратегию фрейминга, то есть произвести отбор необходимых значений, правильно сформулировать данные значения, сгруппировать их в близкие семантические слоты и представить в форме политического повествования. Разберем эти операции более подробно.

Важным этапом в процессе политического фрейминга является процесс отбора, категоризации и наименования. Селективный отбор кодируемой области значений зависит как от конкретного варианта фреймирования, выбранного политическим актором, так и от сложившейся социально-политической обстановки и доминирующего культурного кода³. Осмысление ситуации объектом

² Primary frameworks (или первичные системы фреймов) – это система фреймов, формирующая картину мира индивида. Система, посредством которой индивид обнаруживает нечто осмысленное в тех особенностях сцены, которые в ином случае не имели бы никакого смысла.

³ Наука о коммуникациях все чаще подтверждает важность культурных кодов в системе восприятия внешней информации. Примером могут служить современные исследования сериальной продукции, подтверждающие, что один и тот же контент в разных

воздействия всегда начинается со «вступления» – отбора ключевых значений, подлежащих наименованию и категориальному описанию. Например, различия между фреймом «революции» и фреймом «цветной революции», конструируемые политтехнологами с целью смены политической власти в государстве. Отличительной особенностью фрейма «цветной революции» от фрейма «классической революции» является то, что в первом случае делается ставка на соблюдение законности, конституции и на ненасильственные методы борьбы⁴, а толчок революции происходит через выборы, тогда как фрейм «классической революции» определяется как направленное качественное насильственное изменение конституционного строя. Отсюда следует, что операция фреймирования всегда начинается с процесса отбора тех или иных значений с их последующим наименованием. Наименование призвано присвоить этим значениям определенный смысл, подробно раскрывающийся в процессе категоризации. Операция категоризации относит воспринимаемые сознанием значения к некоторой группе близких значений, уже закрепленных в сознании реципиента. Таким образом устанавливаются различия между друзьями и врагами, своими и чужими, жертвами и насильниками, законным и преступным. Процесс отбора, наименования и категоризации выдвигают на первый план одних акторов, исключая из определения других. Больше того, эти операции проводят различия между действиями и словами, фактами и мнениями, описаниями и предписаниями. Д. Яноу и М. ван Хульст в своих работах замечают: «... Хотя зачастую только один аспект ситуации явно поименован, при фреймировании – например, при маркировании чего-либо в качестве «террористического акта» – другие аспекты ситуации помогают определить ее общий смысл. В политических процессах, когда определенный способ действия утрачивает доверие и больше не кажется надежным, ему на смену приходит новая практика и привносит новые смыслы» [7, с. 96].

Одним из главных правил этапа отбора, наименования и категоризации является семантическая точность транслируемых значений субъектом политики, поскольку в противном случае может наблюдаться «когнитивное искажение, которое влияет на наше восприятие сообщения в зависимости от его изначального представления» [4, с. 74]. Очевидно, что информация, скрываемая в воспринимаемой индивидом области значений, представленная разными словами и символами, способна значительно повлиять на восприятие и поведение людей. Так, например, политик получит совершенно разную реакцию, если он назовет закон, ограничивающий владение определенными видами оружия, «мерой контроля» или «мерой безопасности». В первом варианте закон попадает под фрейм «вмешательство государства», во втором – «забота о людях». Это отлично

сообщества воспринимаются по-разному. Проблема диффузии инновации, также поставленная в рамках коммуникативной теории, доказывает важность учета культурного кода. Такие концепции во многом объясняют частые провалы пропаганды (к которым относится визуальная пропаганда, использующая визуальный язык, искажающийся при декодировании), а также демонстрируют необходимость широкого осмысления исторических и социальных процессов при анализе дискурса.

⁴ Более подробно см. в кн.: Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.

понимали представители Республиканской партии США, которые, как замечает Д. Лакофф, «трудились десятилетиями и потратили миллиарды на исследовательские центры, чтобы создать фреймы и соответствующий язык, и добиться, чтобы их язык и фреймы, которые он вызывает, стали общепринятыми» [3, с. 314]. Одним из таких известных исследователей и политических консультантов республиканцев является Фрэнк Лунц, опубликовавший еще в 1997 году памятку объемом в 222 стр. под заголовком «Язык XXI века» (Language of the 21st Century). В памятке перечислялись многие темы, о которых республиканцам следует и не следует говорить избирателям. Д. А. Шойфель и Д. Тьюксбери справедливо замечают: «Фрэнк Лунц анализировал сообщения и послания Республиканской партии, извлекая из них те термины и фразы, которые наиболее сильно резонировали с интерпретационными схемами аудитории и тем самым способствовали изменению их взглядов» [9, р. 9].

В противоположном политическом лагере в качестве реакции на эффективное применение политического фрейминга республиканцами появились свои политические исследователи и стратеги. Одним из них стал американский профессор когнитивной лингвистики Дж. Лакофф, который в 2004 году опубликовал ряд статей и книгу под названием *Don't Think of an Elephant* («Не думай о слоне»). В своих работах Лакофф показал практическое использование стратегий фрейминга и рефрейминга в политическом дискурсе и предложил осуществить Демократической партии США рефрейминг, задающий прогрессистскую повестку дня для американского электората. Например, анализируя популярность в республиканском дискурсе выражения «облегчение налогового бремени», Лакофф пишет, что «фрейм облегчения – пример более общего сценария спасения, в котором участвуют герой (дающий облегчение), жертва (страдающий), преступление (страдание), виновник (причина страдания) и спасение (облегчение). Отсюда следовал вывод: «Налоги – страдание, сторонники налогообложения – причины страдания (злодеи), налогоплательщик – страдающий (жертва), а сторонники снижения налогов – герои, которые заслуживают благодарности налогоплательщиков... Каждый раз, когда употребляется выражение облегчение налогового бремени, его слышат или читают миллионы людей, укрепляется мнение, что налогообложение – страдание, болезнь, а консерваторы – герои» [3, с. 313]. Лакофф замечает, что налоги могут быть фреймированы и с противоположной позиции, а именно с прогрессистской точки зрения. Налоги могут представлять собой цену цивилизации, которую вы платите, чтобы жить в США. Налоги есть взнос демократии, взнос за возможность доступа к инфраструктуре, созданной предыдущими налогоплательщиками [3, с. 314].

Следует заметить, что операция отбора, наименования и категоризации значений должна сопровождаться использованием семантически определенных и понятных для аудитории фраз и оборотов, специальной лексики, метафор, примеров, визуальных образов, аргументации (обоснования причинно-следственной связи) и культурного подтекста [2, с. 87]. И здесь раскрывается следующая проблема данного этапа – гармоничное соотношение кодируемой области значений и первичной системы фреймов объекта воздействия.

Первичная система фреймов, закрепленная в ассоциативной памяти, активируется посредством селекции вниманием определенных политических

значений политической реальности и задает вектор инерционности мышления⁵. Психологическая инерционность мышления может способствовать непринятию новых идей, смыслов и значений людьми. Объекты воздействия невольно будут отвергать транслируемые значения, поскольку они не вписываются в их первичную систему и не соответствуют их предубеждениям. В качестве причины инерции некоторые исследователи называют недостаток ментальной энергии (в психологии – низкая оперативность мышления), необходимой для постоянного изменения вектора направления внимания, значений и смещения рамки восприятия. Следовательно, используя стратегию фрейминга для привлечения внимания людей к информации и закреплению в их политическом сознании определенных значений, необходимо учитывать инерционность системы фреймов, которая может способствовать непринятию человеком или группой людей некоторых значений, так как они вполне вероятно могут не соответствовать их представлениям и убеждениям.

Решению проблемы способствует некий «ключ» («key»), который представляет собой настройку тональности межличностного общения, посредством которой явления, события, ситуации или объекты осмысливаются в категориях первичной системы фреймов. Управляя созданием, настройкой и импринтингом необходимой формы и содержания «ключа» (значений), социально-политическое управление поведением политического субъекта становится в большей степени предсказуемым. «Ключ» настраивает тональность коммуникации, а свойство фреймов к расширению способствует включению в область первичной системы фреймов новых значений.

Б. Парр акцентирует внимание на двух инструментах преодоления инерционности первичной системы фреймов: адаптация и формирование повестки дня [4, с. 79–80]. Под адаптацией автор понимает процесс выявления базовой системы фреймов целевой аудитории и адаптации к ней нужной субъекту воздействия информации. Чтобы данный процесс имел положительный результат, необходимо учитывать множество факторов, однако автор выделяет три наиболее важных: а) определение восприимчивости аудитории; б) определение интересов и потребностей аудитории; в) определение культурных норм и традиций аудитории. Выявление и анализ этих факторов позволяет субъекту политического воздействия получить информацию о том, что думает объект воздействия, и как он будет реагировать на транслируемые значения. Тем не менее, адаптация является только частью стратегий политического фрейминга.

Другим аспектом стратегии политического фрейминга является формирование повестки дня [9]. Согласно теории формирования повестки дня, под фреймингом понимается «процесс отбора отдельных аспектов отображаемой журналистами реальности и усиления представленности этих аспектов в целях фиксации определенных причинно-следственных связей, формулирования морально-нравственных интерпретаций и выработки рекомендаций относительно того, как нужно поступать в той или иной ситуации» [6, с. 48]. А. А. Казаков упрощает эту формулировку: «результатами фрейминга становятся диагноз,

⁵ Психологическая инерция мышления представляет собой предрасположенность к какому-либо конкретному методу и образу мышления при решении задачи, игнорирование всех возможностей, кроме единственной, встретившейся в самом начале.

оценка и предписание» [2, с. 107]. Следовательно, основная функция фрейминга заключается в том, чтобы определенная тема становилась более заметной в информационном поле, способствуя тем самым замене значений слотов, заставляя фокусировать внимание на необходимых смыслах всякий раз, когда они появляются в информационном пространстве. Более того, данная функция служит предписанием к определенному политическому действию.

Функция фрейминга в процессе установления повестки дня реализуется посредством трех важных аспектов. Во-первых, формирование повестки дня способно изменить приоритеты публики посредством механизмов повторения одних и тех же смыслов [4, с. 89]. Тем не менее, если механизм повторения и повышает убедительность транслируемых значений, его назначение ограничивается лишь привлечением внимания аудитории, в противном случае дополнительное повторение уменьшает силу убеждения. Следовательно, механизм повторения применяется только в тех случаях, когда ваши сообщения едва замечают. Во-вторых, повторение сопровождается не только акцентированием внимания аудитории на определенных аспектах явления, но также – умалчиванием иных аспектов. Р. Энтман справедливо отмечает, что «фрейминг – это не только то, каким образом что-то преподносится в прессе, но также и умалчение об отдельных сторонах некоего события, явления или личности» [2, с. 108]. В-третьих, интерпретируемая сюжетная линия содержит в себе не только артикуляцию проблемной ситуации, но и, как правило, определенные моральные суждения и описание предпочтительных способов разрешения проблемы. Следовательно, политический фрейминг повестки дня – это процесс конструирования политической реальности средствами массовой информации, что еще раз подтверждает то, что фрейминг изначально несет в себе не только элемент субъективного восприятия реальности, но и некоторый манипулятивный потенциал.

Следующий этап стратегии политического фреймирования предполагает акт повествования, убеждающий других в «истинности» определенной интерпретации. Повествование является неотъемлемым этапом процесса фреймирования, призванным обеспечить происходящее объяснением. Повествование склеивает результаты ранее совершенных операций отбора, категоризации и наименования в некоторый нарратив посредством определенного сюжета [7, с. 98]. Нарратив предлагает описание ситуации, в которой оказались акторы, устанавливает начало сценария, создает кульминацию и указывает на возможную развязку. Раскрывает самих политических акторов, открыто или латентно приписывает им некоторые качества и указывает на их возможные действия. Это понимали еще М. Райн и Д. Шен, которые рассматривали фреймирование не просто как операцию отбора одних элементов и игнорирование других, а как «увязывание друг с другом характерных особенностей ситуации... в хорошо распознаваемый и внутренне согласованный паттерн» [8, р. 239].

Операция повествования политического фреймирования включает решение трех взаимосвязанных проблем. Представим их кратко содержание. Первая проблема связана с производством воспринимаемой сознанием политической истории, требующей разработки ее сюжетной линии и обоснования транслируемых значений. Это объясняется тем, что в массе своей люди стремятся преимущественно к осмысленным интерпретациям воспринимаемых ситуаций.

Вторая проблема заключается в том, что политические акторы не занимают фреймированием в одиночку, поскольку «смыслообразование – социально и политично. Чтобы сделать некоторую интерпретацию основанием коллективного действия (например, политического), нужно, чтобы сама интерпретация была понятна остальным – в этом заключается социальная часть. Акторы вынуждены выполнять работу смыслообразования вместе с другими акторами: друзьями, коллегами, конкурентами, избирателями и даже собственными врагами. Чтобы запустить коллективное действие, интерпретация требует поддержки – это политическая часть... они [акторы воздействия] должны представлять себе, как их аудитория воспримет их истории; если, конечно, они хотят эту аудиторию убедить» [7, с. 99].

Третья проблема связана с появлением в политическом информационном пространстве весьма неоднозначных нарративов, допускающих множественные интерпретации, иногда взаимоисключающие друг друга. В разное время разные субъекты политического воздействия производят разные политические нарративы, имеющие потенциально разные значения для разных аудиторий. В итоге политический нарратив можно рассматривать как непрерывный процесс фреймирования и рефрейминга. Кроме того, необходимо принять во внимание, что повествование – это процесс, в котором участвуют разные дискурсы (способы рассказывания). Побеждает лишь тот дискурс, который легитимирует свою версию событий в публичных пространствах и на публичных аренах, в первую очередь – в СМИ [1, с. 69].

Еще одной важной проблемой исследования стратегии политического фрейминга является связь между различными взаимосвязанными модусами фреймирования. Лакофф выделяет такие модусы фрейма, как «герой» (дающий облегчение), «жертва» (страдающий), «преступление» (страдание), «виновник» (причина страдания) и «спасение» (облегчение). Д. Яноу и М. ван Хульст, группируя модусы, акцентируют внимание на трех уровнях: 1) конкретные общественные проблемы и их значения; 2) идентичности авторов нарративов и их отношения; 3) сам процесс их взаимодействия. Группируя модусы фреймирования, авторы стремятся показать, что фрейминг на этих уровнях осуществляется одновременно. Следовательно, взаимоотношения и идентичности вовлеченных акторов могут становиться частью процесса фреймирования.

В заключение следует сказать, что политический фрейминг влияет как на кратковременное, так и на продолжительное внимание (долгосрочные интересы) объекта политического воздействия. Используя стратегию политического фрейминга, субъект политического воздействия способен не только оказаться в фокусе внимания аудитории, но и адаптировать к первичной системе фреймов те или иные значения или даже изменить первичные значения, чтобы повысить восприимчивость к себе и своим идеям. Однако первичная система фреймов характеризуется инертностью, следовательно, изменение значений требует проведения определенных последовательных операций, направленных на уменьшение инертности и усиление восприимчивости объекта воздействия. Как справедливо замечает Бен Парр: «не торопитесь, сначала нужно понять фрейм аудитории, а уж потом выбирать стратегию привлечения внимания» [4, с. 98].

1. Гольбрайх В.Б. Экологический конфликт в местной прессе / В.Б. Голь-

брайх // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. – № 3. – С. 63–80.

2. Казаков А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию / А.А. Казаков // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 85–90.

3. Лакофф Д. Фрейминг демократов / Д. Лакофф; пер. С.И. Красса; пер. Е.А. Калиновская // Политическая лингвистика, 2014. № 4 (50). – С. 313–318.

4. Парр Б. Ловушка для внимания: Как вызвать и удержать интерес к идее, проекту или продукту / Б. Парр; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблшер, 2015. – 275 с.

5. Плисецкая А.Д. Фрейминг и рефрейминг в речевых стратегиях американских политических лидеров / А.Д. Плисецкая, К.В. Филимонов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2015. – № 4. – С. 160–176.

6. Филиппова В.А. Формирование политической повестки дня в современных медиасферах (на примере России и Бразилии 2010–2014 гг.): дис. ... канд. пол. наук: 10.01.10 / В.А. Филиппова; С. – Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – 204 с.

7. Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования / Социологическое обозрение, 2011. – Т. 10. – № 1–2. – С. 87–113.

8. Rein M., Schön D.A. Problem setting in policy research // Using social research in public policy making / Ed. by C.H. Weiss. – Lexington: Lexington Books, 1977. – P. 235–251.

9. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models. Journal of Communication [Internet]. 2007. – P. 9–20.

References

1. Gol'brajx V.B. E'kologicheskij konflikt v mestnoj presse / V.B. Gol'brajx // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2013. – № 3. – С. 63–80.

2. Kazakov A.A. Frejming media-tekstov kak instrument vozdejstviya na auditoriyu / A.A. Kazakov // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 85–90.

3. Lakoff D. Frejming demokratov / D. Lakoff; per. S.I. Krassa; per. E.A. Kalinovskaya // Politicheskaya lingvistika, 2014. № 4 (50). – С. 313–318.

4. Parr B. Lovushka dlya vnimaniya: Kak vyzvat' i uderzhat' interes k idее, proektu ili produktu / B. Parr; Per. s angl. – М.: Al'pina Pablsher, 2015. – 275 s.

5. Pliseckaya A.D. Frejming i refrejming v rechevyx strategiyaх amerikanskix politicheskix liderov / A.D. Pliseckaya, K.V. Filimonov // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 2015. – № 4. – С. 160–176.

6. Filippova V.A. Formirovanie politicheskoy povestki dnya v sovremennyx mediasferax (na primere Rossii i Braziliii 2010–2014 gg.): dis. ... kand. pol. nauk: 10.01.10 / V.A. Filippova; S. – Peterb. gos. un-t. – Sankt- Peterburg, 2016. – 204 s.

7. Yanou D., Van Xul'st M. Frejmy politicheskogo: ot frejm-analiza k analizu frejmirovaniya / Sociologicheskoe obozrenie, 2011. – Т. 10. – № 1–2. – С. 87–113.

8. Rein M., Schön D.A. Problem setting in policy research // Using social research in public policy making / Ed. by C.H. Weiss. – Lexington: Lexington Books, 1977. – P. 235–251.

9. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models. *Journal of Communication* [Internet]. 2007. – P. 9–20.

UDC 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.6876

POLITICAL FRAMING AS A STRATEGY OF MANIPULATION OF CONSCIOUSNESS

Lopatin Svyatoslav Vyacheslavovich,

Ural Federal University,
Ural Institute of Humanities,
Master of Political Science,
Department of Political Science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: svyatoslav.vyacheslavovich@mail.ru

Annotation

The article presents the research of political framing as a strategy for manipulating of political consciousness, which includes the sequence and interconnectedness of certain stages. There are selection, categorization and naming of values, the act of narration and the selection of the modes of framing. The author pays special attention to the consideration of tools that help overcome the inertia of thinking.

Keywords:

frame, political framing, manipulation, political consciousness, inertia of thinking, agenda-setting.

УДК 321+327

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.7789

«МЯГКАЯ СИЛА» КНР В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА

Хубриков Бадма Олегович,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
магистрант,
кафедра истории, регионоведения стран Азии,
Улан-Удэ, Россия,
E-mail: khubrikovbadma@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена изучению «мягкой силы» Китая в эпоху Си Цзиньпина. Представленное исследование опирается на материалы официальных выступлений политических лидеров, публикаций. В статье особое внимание уделяется трансформации понимания «мягкой силы» Китая как концепта внутренней политики. В статье впервые рассматривается неклассическая интерпретация «мягкой силы» на примере отдельно взятой страны.

Ключевые слова:

мягкая сила, Китай, эпоха Си Цзиньпина.

Введение

В настоящей статье предпринята попытка анализа феномена «мягкой силы» в эпоху Си Цзиньпина, теоретического осмысления истории, динамики и отдельных особенностей развития «мягких» аспектов внешней и внутренней политики Китая. Председатель КНР предложил новое видение «мягкой силы», которое в обозримом будущем окажет влияние на политику Поднебесной («вовнутрь» и «вовне»). В ходе внутривнутриполитической борьбы и поиска компромисса между различными фракциями КПК [3] меняется теория и практика управления государством: концентрация власти в руках председателя КНР, расширение полномочий ЦКПД (Центральная комиссия по проверке дисциплины) и ее руководителя, усиление контроля партии над обществом, экономическая «реформа предложения», предложенная лично Си Цзиньпином, инициатива «Один

пояс и один путь». Теоретическим и практическим изменениям подверглась и внешнеполитическая стратегия страны, в том числе концепция «мягкой силы», выступающая ее ключевым фактором.

Китай эффективно реализует многообразный инструментарий «мягкой силы», и в последние двадцать лет с её помощью существенно укрепил и продолжает расширять своё гуманитарное и экономическое присутствие в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и Африке. К наиболее важным компонентам «мягкой силы» китайские и зарубежные специалисты относят дипломатию, международные институты, финансовые инвестиции, образование, китайский язык и китайскую культуру.

«Вакцинация мира» против навязывания и распространения принципов жёсткого однополярного мироустройства китайским штаммом «мягкой силы» стала возможной благодаря усилиям международного коллектива западных и китайских учёных по решению сложнейшей задачи научного определения и обоснования институциональных рамок ее использования в КНР, включая преодоление сложностей перевода понятия «мягкая сила». Так, среди различных вариантов его перевода можно выделить следующие: 软实力 – «жуань шили» – «мягкая сила в её практике», 软力量 – «жуаньлилян» – «мягкая сила в её количестве», 软权力 – «жуаньцюаньли» – «мягкая мощь», 软国力 – «жуань голи» – «мягкая власть». Перевод в значении 软权力 – «жуаньцюаньли» – «мягкая мощь», по мнению китайских исследователей, отражает западное «американское» понимание концепции «мягкая сила» в её стремлении к доминированию, тогда как 软实力 – «жуань шили» – «мягкая сила» выражает созидательное стремление к гармонии внутри Китая и за его пределами, где культура является ядром, её главным источником.

Одним из первых изучением природы роли и значения «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии развития КНР занялся «отец» «мягкой силы» Дж. Най [32]. Впоследствии к дискуссии присоединились другие известные исследователи – Курланцик Д. [29], Хантер А. [28], Шамбо Д. [33] и др. Ряд участников (Курланцик Д., Шамбо Д.), отмечая рост Китая в политическом, экономическом и культурном аспектах, предупреждает о грозящей угрозе экспансии Китая в странах Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии – традиционных союзниках США. Позиция Алана Хантера, учитывающая историю цивилизационного развития Китая в рамках «общества гармонии», акцентирует внимание на преемственности политических идеалов и концептов, подчеркивая тем самым «мирный рост» Поднебесной.

Среди китайских основоположников изучения данной темы следует назвать Вана Хунина, выделившего шесть составляющих фундамента национальной мощи КНР [38]. Проблема структурной детализации концепции власти раскрывается в работах профессора университета Цинхуа Яня Сюэтуна, анализирующего «мягкую силу» КНР сквозь призму наращивания культурной притягательности и усиление политической мощи страны [26]. Обоснованию дипломатии «гармоничного мира» и концепции «гармоничного общества» посвятили свои труды Юй Кэпин [25], Лю Цзяньфэй [13], Ван Цзыси, Ли Син [9]. Следует отметить, что китайские эксперты придерживаются официальной риторики партии и рассматривают «мягкую силу» как составляющую «совокупной мощи государства».

В отечественной науке весомый вклад в анализ и оценку китайской «мягкой силы» содержится в работах О.Н. Борох, А.В. Ломанова [2], А.В. Лукина [11], М.М. Лебедевой [8], А.Д. Воскресенского [4], С.Г. Лузянина [10].

Концепция «мягкой силы» КНР

Впервые китайский вариант концепции «мягкой силы» находит обоснование в работах известного в китайских академических кругах ученого и крупного партийного деятеля Вана Хунина, посвященных теории и практике национальной «мягкой силы» Поднебесной и впоследствии принятых партией в качестве фундамента зарождающейся «мягкой силы» КНР. Ван Хунин, уроженец провинции Шандун, в настоящее время занимает крупные посты в структурах КПК: член ПК Политбюро ЦК КПК, член Секретариата ЦК КПК, начальник центра по изучению политики при ЦК КПК, глава канцелярии Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформ, находящейся под личным руководством председателя Си Цзиньпина.

В последнее десятилетие правительство КНР рассматривает «мягкую силу» в своей внешнеполитической доктрине в качестве одного из эффективных инструментов реализации стратегического курса на превращение страны к середине XXI века в ведущую мировую державу [1, с. 34–36].

Началом этого нового стратегического курса можно считать решения XV съезда ЦК КПК, прошедшего в 1997 г. На этом съезде была выдвинута новая стратегия развития, основанная на экспортной ориентации национальной экономики Китая в лучших традициях «азиатских экономических тигров». В 2000 г. Генеральный секретарь КПК Цзян Цзэминь назвал реализацию данной стратегии «главным полем битвы» [5, с. 110], а лозунг «идти вовне» стал символом нового курса Китая [7, с. 91]. Был разработан целый комплекс задач для «превращения слабости в силу», «идти вовне», использовать «два вида сырья, два рынка» (сырье страны и других государств, внутренний и мировой рынки), «два импорта, один экспорт» (импорт сырья и капиталов, экспорт капитала), последовательно развивать «трансграничное хозяйствование» [15, с. 21].

В стратегии «идти вовне», разработанной в целях экономического развития Китая, особое внимание ЦК КПК также уделяет роли и силе китайской культуры. Архитекторы «мягкой силы» КНР считают, что именно она должна стать главным фактором данной стратегемы. Вопросам развития культуры и ее использования, как ядра китайской «мягкой силы», был посвящен IV пленум ЦК КПК 16-го созыва в сентябре 2004 г., на котором было принято решение «укреплять культурную силу Китая, пропагандировать и продвигать китайскую культуру за рубежом, усиливая ее международное влияние» [39].

Концепция «мягкой силы» как инструмент достижения внешнеполитических и внешнеэкономических целей была окончательно закреплена в официальных документах КПК и получила свою китайскую интерпретацию в политическом докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК, проходившем с 15 по 21 октября 2007 г. На данном съезде «мягкая сила» была включена в раздел, посвященный культуре, что должно означать «культуроцентричность» китайской «мягкой силы» [2]. В ходе съезда были выдвинуты конкретные задачи строительства «мягкой силы»

государства по четырем направлениям: 1) «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; 2) «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; 3) «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; 4) «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры» [17].

Исследователи феномена китайской «мягкой силы» настаивают на необходимости адаптации концепции к реалиям китайского социума, что ведет к дальнейшему поиску ресурсов ее наполнения. Американский исследователь китайского происхождения Ван Хун'ин считает источниками «мягкой силы» США поп-культуру, политические идеалы и ценности, в то время как основными ресурсами «мягкой силы» КНР, по его мнению, являются «традиционная культура», «экономическая модель развития», «национальное единство», «социальная справедливость», «политическая реформа», «моральные нормы», «антикоррупционная борьба» и т. д. [37].

«Мягкая сила» в решениях XIX съезда

На XIX съезде коммунистической партии, прошедшем в октябре 2017 г., особое внимание было уделено детальному обсуждению концепции «мягкой силы», как части внешнеполитической доктрины страны. В отчетном докладе председатель партии Си Цзиньпин особо выделил вопросы многоуровневого развития концепции «мягкой силы», ее практики, институтов и инструментов. Получил дальнейшее развитие лозунг, выдвинутый предыдущим лидером Поднебесной Ху Цзиньтао, о развитии «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами. Интерес к концепции «мягкой силы», её содержанию и практике реализации в КНР определяет её дальнейшее развитие в рамках китайского политического дискурса.

Традиционно «мягкая сила» в докладе Си Цзиньпина была включена в раздел, посвященный культуре и идеологии. Председатель партии подчеркнул важность китайской традиционной культуры в деле развития общества и призвал к неустанной борьбе за реализацию «китайской мечты» о «великом возрождении китайской нации»: «За прошедшие годы в Китае была проделана колоссальная работа в сфере предоставления массовых мероприятий, продолжали расцветать литература и искусство, непрерывно улучшалось развитие Интернета, управление им и его использование. Повсеместно разворачивались общенародные мероприятия по укреплению здоровья, всесторонне развивался профессиональный спорт. Все это способствовало значительному усилению воздействия «мягкой силы» Китая и влияния китайской культуры, прочнее стали идейная сплоченность и единство партии и общества» [42].

В своей речи глава государства наметил ближайшие задачи, стоящие перед партией и обществом, а именно – укрепление уверенности в собственной культуре. Культура, по мнению Си Цзиньпина, – душа страны и нации. «Расцвет культуры означает процветание страны, а сила культуры – силу нации. Без твердой уверенности в собственной культуре, без расцвета и процветания культуры не может быть и речи о «великом возрождении китайской нации» [42].

Далее отмечается необходимость стимулирования расцвета и процветания социалистической культуры, а также важность формирования «идеологии социализма с китайской спецификой, обладающей консолидирующей и направляющей силой, чтобы народ в своих идеалах и убеждениях, ценностных представлениях и нравственных устоях был сплочен воедино. Важно укреплять теоретическое вооружение, чтобы идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи глубоко вошли в души людей» [42].

Си Цзиньпином уделяется также внимание развитию социалистической идеологии в рамках традиционной китайской культуры. Он призывает: «...Культивировать и претворять в жизнь основные ценности социализма с китайской спецификой, выражающейся в концентрированном воплощении китайского духа современной эпохи и сосредотачивающей в себе общие ценностные устремления народа... Рассматривать возвращение новых людей эпохи, на которых возложены грандиозные задачи по национальному возрождению, как заслуживающий особого внимания аспект... На основе интенсификации просветительского наставничества, практической выработки и институционального обеспечения выявить роль основных ценностей социализма как ориентиров в воспитании граждан, формировании и распространении духовной культуры. Следует внедрять концепцию основных ценностей социализма во все аспекты социального развития, добиться ее признания на уровне эмоций и, тем самым, изменить поведенческие привычки людей» [42]. Председатель КНР призвал развивать социалистическую литературу, искусство, культуру, здравоохранение, спорт в качестве инструментов «мягкой силы» [42].

Среди китайских исследователей существует полемика, что является перво-степенным в строительстве и развитии аутентичной концепции «мягкой силы»: «мягкая сила культуры» (文化软实力) или «мягкая сила политики» (政治软实力). Здесь взгляды китайских исследователей разошлись и появились две школы китайской «мягкой силы»: «культурная» и «политическая».

В отчетном докладе XIX съезда ЦК КПК председатель Си Цзиньпин выдвинул новую концепцию, объединяющую обе школы («культурную» и «политическую»), положив конец идеологическим прениям. Концепцию Си Цзиньпина (国家文化软实力) – «гоцзя вэньхуа жуань шили» можно перевести как «государственная культурная мягкая сила» или «культурная мягкая сила под контролем государства» [42]. Политика и культура, образующие совокупную мощь китайской «мягкой силы», взаимодополняют друг друга, где культура является внутренним ядром, а политика – инструментом экстернализации культурного содержания. Во многом перемены, касающиеся концепции «мягкой силы» в понимании Си Цзиньпина, заключаются в укреплении государственного контроля над контентом «мягкой силы» в плане содержания, взаимодействия и взаимодополняемости политических и культурных компонентов при преобладании первых. «Культурная мягкая сила Китая», понимаемая как союз культурной политики и народа, по мнению председателя КНР, нуждается в государственном руководстве и контроле. Её ударная мощь зависит от степени усвоения населением Китая традиционных китайских ценностей и ценностей коммунизма с китайской спецификой.

Китайские политические лидеры рассматривают концепцию «мягкой силы» как инструмент создания общей культурно-политической идеологической основы, консолидирующей широкие слои населения – как ханьцев, так и нацменов, как жителей богатых прибрежных провинций, так и жителей западной части страны [30; 34]. Основная цель внедрения и разработки концепции «внутренней мягкой силы» – создание «китайской идеи», «китайской мечты», понятной для всех.

Заключение

В документах XIX съезда компартии Китая теория и практика реализации концепции «мягкой силы» претерпела некоторые изменения. В связи с концентрацией власти в руках председателя КНР Си Цзиньпина «мягкая сила» государства становится настраиваемым со стороны государства рупором идеи о всеобъемлющей «китайской мечте». Нынешнее пятое поколение китайских руководителей, понимая, что быстрый экономический рост является ключом к внутренней политической и социальной стабильности, сосредоточило особое внимание на экономическом развитии, объявив об изменениях экономической структуры, а также укреплении «гармоничного общества внутри и вне Китая» с акцентом на идейно-нравственное строительство. Подчеркивается, что «мягкая сила», направленная внутрь страны, имеет такое же значение, как и строительство «глобального гармоничного мира», способствующего мирному развитию Китая. Правительство КНР пришло к комбинированному сочетанию ресурсов «мягкой» и «жесткой» сил, где первая является продолжением второй так же, как и внешняя – продолжением внутренней. Концепция «мягкой силы, направленной как «вовне», так «вовнутрь», является стабилизирующим фактором, уравновешивающим трения внутри китайского общества и консолидирующим его, нейтрализующим сомнения по поводу «мирного роста Китая». Таким образом, вопрос эффективности «мягкой силы» напрямую связан с легитимностью Коммунистической партии Китая в глазах китайской и мировой общественности. В отличие от предыдущего лидера Ху Цзиньтао, пытавшегося ослабить контроль партии над обществом, в том числе и над способами трансляции «мягкой силы» за рубеж, председатель Си Цзиньпин выдвинул концепцию (国家文化软实力) – «гоцзя взньхуа жуань шили» – «государственная культурная мягкая сила», которая положила конец теоретическим прениям между «культурной» и «политической» школами «мягкой силы», тем самым подчеркнув, что источником мягкой силы является государство.

Проведенные по данной теме исследования показали, что концепция «мягкой силы» КНР является мощным фактором оптимизации развития национальной культуры и легитимной формой совершенствования сотрудничества в межкультурном аспекте. В то же время, очевидно, что эффективность применения инструментария «мягкой силы» на внешнеполитической арене (вовне) в значительной степени зависит от степени интернализации рекламируемых ценностей китайского мира в собственно китайском обществе. Тем более что в последнее десятилетие Китай столкнулся с рядом экономических и социальных проблем, вызванных, в том числе, мировым экономическим кризисом. Поэтому

на XIX съезде КПК высшим политическим руководством Китая была подчеркнута необходимость смещения центра тяжести в стратегии «мягкой силы» КНР в сторону усиления ее государственного регулирования.

1. Балашин В. «мягкая сила» как инструмент внешней политики ряда зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 3. С. 34–36. С. 35.
2. Борох О.Н., Ломанов А.В. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>.
3. Вавилов Н.Н. Некоронованные короли красного Китая / Н.Н. Вавилов. – СПб.: Карпе Дием, 2016. – 208 с.
4. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский. – М.: Восток-Запад.– 2004. – 603 с.
5. Галенович Ю.М. Шесть договоров / Ю.М. Галенович. М.: Муравей, 2003. 408 с. С. 110.
6. Доклад Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ г-на Ли Хуэя в Дипломатической академии МИД РФ. XVIII съезд КПК и направления развития внутренней и внешней политики Китая: официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации [18.12.2012.] URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t998823.htm>.
7. Киреев Г.В. Россия-Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006. С. 91.
8. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: Участники и их действия // Вестник МГИМО-Университет. 2014. № 2. С. 47–55.
9. Ли Син. Об оздоровлении мирового порядка и новом мышлении в китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 150–154.
10. Лузянин С.Г. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» / С.Г. Лузянин, М.В. Мамонов // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. XVI / отв. ред. – сост. Е.И. Сафонова. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2011. Т. 16. С. 5–31.
11. Лукин А.В. Китай: «мягкая сила» и псевдообщественная дипломатия [Электронный ресурс] (19.01.2013.) Режим доступа: http://rus.ruvf.ru/2013_01_19/101645798/.
12. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис (Политические исследования). 2009. № 4. С. 149–155.
13. Лю Цзяньфэй. Теория «гармоничного мира» и мирная дипломатия Китая // Форум исследований модернизации Китая. 2008. № 6. С. 136–141.
14. Михалев А.В. Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке. // Дискурс-Пи, 2017. № 1 (26). С. 129–135.
15. Мишина С.И. Пекинский вариант «мягкой силы», «говори мягко...» // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 21.
16. Печерица В.Ф. Мягкая поступь желтого дракона: Монография / В.Ф. Печерица, А.В. Бояркина. – Владивосток: Дальневосточный федераль-

ный университет, 2017. – 164 с.

17. Резолюция 17-го Всекитайского съезда КПК по докладу центрального комитета 16-го созыва // Китайский информационный Интернет-центр. russian.china.org.cn.21.10.2017. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/21/content_9101093.htm.

18. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–181.

19. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2016. № 2. С. 14–29.

20. Рябченко Н.П. XVIII съезд КПК о курсе дальнейшего развития Китая. С. 3–18 / У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень. № 28 (226). Китай в процессе модернизации государства и общества (К итогам XVIII съезда КПК) (по материалам круглого стола). Владивосток. – 2013. – 40 с.

21. Сунь Сяоин. Построить «мягкую силу» и использовать каждую возможность мирного объединения. // Вокруг Юго-Восточной Азии. 2004. № 12. С. 77–81.

22. Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 88 с. – (Избранные лекции Университета; Вып. 146). С. 15.

23. Цветкова А.Ю. Внешняя политика Российской Федерации и Китайской Народной Республики в начале XXI в.: эффективность публичной дипломатии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб.: 2010. 178 с.

24. Чэнь Вэй. Джозеф Най: «Мягкая сила Китая в китайской мечте» // Вэньхуэйбао. URL: <http://inosmi.ru/world/20131221/215796739.html>.

25. Юй Кэпин. Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 17. С. 31.

26. Янь Сюэтуан. Необходимость увеличения «мягкой силы» Китая с точки зрения концепции «гармоничного мира» // Хуанцю шибао. Жэньминьван. Пекин. 19.12.2005.

27. Hong Yilai, Yi Yilu. China's soft power and international relations /Ed/ by Hong Yilai, Yi Yilu. N.Y.: Routledge, 2012. 216 p.

28. Hunter A. China: soft power and cultural influence // the Washington Post. 2005. P. 15–25.

29. Kurlantzick, J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World / Kurlantzick J. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 306 p.

30. Li, Zhaoxing. 2005. Foreign Minister Li Zhaoxing gives year-end interview to People's Daily. People's Daily, December 20. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t227889.htm>.

31. Nye, J. Soft Power: The Means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.

32. Nye, J. The decline of America's soft power – why Washington should worry // Foreign Affairs. 2004. № 83, May-June. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/59888/joseph-s-nye-jr/the-decline-of-americas-soft-power>.

33. Shambaugh, D. The Rise of China and Asia's New Dynamics // Power Shift:

China and Asia's New Dynamics / Shambaugh D. (ed.). University of California Press, 2005.

34. Shen, Guo Fang. 2007. Speech at Center for American Studies, Fudan University, on March 22. URL: <http://www.iis.fudan.edu.cn/view.php?id=194>.

35. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – 376 с. Глава 4. Дискурс и стратегия «мягкой силы» в государствах Восточной Азии. С. 179–252.

36. Soft power: China's emerging strategy in international politics/ Mungjiang Li (Ed at all). Plymouth, 2009; Ding Sheng. Analyzing power from the perspective of soft power: a new look at China's rise to the status quo power // Journal of Contemporary China. 2010. № 19 (64), March. P. 255–272.

37. Wang, Hongying. The conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan / Wang, Hongying, Lu, Yechung // Journal of Contemporary China. 2008. Vol. 17, Issue 56. P. 425–447.

38. 王沪宁. 作为国家实力的文化: 软权力//复旦学报。(社会科学版)。出版地: 上海市。1993年03期。页码91 - 97 页。92 - 93 页。(Ван Хунин. Культура как национальная сила: «мягкая сила» // Фудань сюэбао (серия «социологические науки»). Шанхай, 1993. № 3. С. 91–97. С. 92–93.)

39. 中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报(2004年9月19日中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议通过) // 人民日报。2004年9月19日第一版)。(Бюллетень 4-го пленарного заседания ЦК КПК 16-го созыва от 19 сентября 2004 г. 4-е пленарное заседание // Жэньминь Жибао. Вып. 1.20.09.2004.) URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/66174/4527266.html>.

40. 中共中央关于深文化体制改革推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定//互联网转载。2011年10月18日。中国共产党第十七届中央委员会第六次全体会议通过。(«Постановление ЦК КПК о некоторых важных вопросах относительно углубления реформы культурной системы, продвижения развития и процветания социалистической культуры». 6-й пленум ЦК КПК 17-го созыва // Хуляньван. 18.10.2011.) URL: <http://www.0631rc.com/art/printpage.aspx?ArticleID=33449>.

41. 胡锦涛。坚定不移沿着中国特色社会主义道路前进为全面建成小康社会而奋斗-在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告(2012年1月8日)。十八大报告(全文) // 新华网。2012. 11. 19。(Доклад Ху Цзиньтао на XVIII всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (полный текст). «Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества». 8.11.2012. // Синьхуаван. 19.11.2012) URL: http://www.xj.xinhuanet.com/2012-11/19/c_113722546.htm.

42. 习近平。决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利-在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告(2017年10月18日)。十九大报告(全文) // 新华网。2017. 10. 18。(Доклад Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (полный текст). «Достичь решающей победы в полном построении среднезажиточного общества и отправления в новый поход к всестороннему построению модернизированного социалистического государства, продвижение великого дела социализма с китайской спецификой в новую эпоху». 18.10.2017. // Синьхуаван. 18.10.2017)

URL: http://news.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm.

References

1. Balashin V. «myagkaya sila» kak instrument vneshnej politiki ryada zarubezhnyx stran // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2013. № 3. S. 34–36. S. 35.
2. Borox O.N., Lomanov A.V. Ot «myagkoj sily» k «kul'turnomu mogushhestvu» // Rossiya v global'noj politike. 2012. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>.
3. Vavilov N.N. Nekoronovannye koroli krasnogo Kitaya / N.N. Vavilov. – SPb.: Karpe Diem, 2016. – 208 s.
4. Voskresenskij A.D. Kitaj i Rossiya v Evrazii: istoricheskaya dinamika politicheskix vzaimovliyanij / A.D. Voskresenskij. – M.: Vostok-Zapad. – 2004. – 603 s.
5. Galenovich Yu.M. Shest' dogovorov / Yu.M. Galenovich. M.: Muravej, 2003. 408 s. S. 110.
6. Doklad Chrezvychajnogo i Polnomochnogo Posla KNR v RF g-na Li Xue'ya v Diplomaticheskoy akademii MID RF. XVIII s"ezd KPK i napravleniya razvitiya vnutrennej i vneshnej politiki Kitaya: oficial'nyj sajт Posol'stva Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Rossijskoj Federacii [18.12.2012.] URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/dssghd/t998823.htm>.
7. Kireev G.V. Rossiya-Kitaj. Neizvestnye stranicy pogranichnyx peregovorov. M., 2006. S. 91.
8. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila» v otnoshenii Central'noj Azii: Uchastniki i ix dejstviya // Vestnik MGIMO-Universitet. 2014. № 2. S. 47–55.
9. Li Sin. Ob ozdorovlenii mirovogo poryadka i novom myshlenii v kitajskoj diplomatii // Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. № 3. S. 150–154.
10. Luzyanin S.G. Kitaj v global'nyx i regional'nyx izmereniyax. Resursy i marshruty «vozvysheniya» / S.G. Luzyanin, M.V. Mamonov // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike: Istorija i sovremennost'. Vyp. XVI / otv. red. – sost. E.I. Safonova. M.: In-t Dal'nego Vostoka RAN, 2011. T. 16. S. 5–31.
11. Lukin A.V. Kitaj: «myagkaya sila» i psevdooobshhestvennaya diplomatiya [E'lektronnyj resurs] (19.01.2013.) Rezhim dostupa: http://rus.ruvr.ru/2013_01_19/101645798/.
12. Lyu Czajci. «Myagkaya sila» v strategii razvitiya Kitaya // Polis (Politicheskie issledovaniya). 2009. № 4. S. 149–155.
13. Lyu Czyan'fe'j. Teoriya «garmonichnogo mira» i mirnaya diplomatiya Kitaya // Forum issledovanij modernizacii Kitaya. 2008. № 6. S. 136–141.
14. Mixalev A.V. koncepciya «myagkoj sily»: obzor podxodov v zarubezhnoj nauke. // Diskurs-Pi, 2017. № 1 (26). S. 129–135.
15. Mishina S.I. Pekinskij variant «myagkoj sily», «govori myagko...» // Aziya i Afrika segodnya. 2011. № 3. S. 21.
16. Pecherica V.F. Myagkaya postup' zheltogo drakona: Monografiya / V.F. Pecherica, A.V. Boyarkina. – Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2017. – 164 s.
17. Rezolyuciya 17-go Vsekitajskogo s"ezda KPK po dokladu central'nogo

komiteta 16-go sozyva // Kitajskij informacionnyj Internet-centr. russian.china.org. cn.21.10.2017. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/21/content_9101093.htm.

18. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj sily» (soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. № 10. S. 173–181.

19. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategicheskie modeli «myagkoj sily» stran vostochnoaziatskogo regiona // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS. – 2016. № 2. S. 14–29.

20. Ryabchenko N.P. XVIII s"ezd KPK o kurse dal'nejshego razvitiya Kitaya. S. 3–18 / U karty Tixogo okeana. Informacionno-analiticheskij byulleten'. № 28 (226). Kitaj v processe modernizacii gosudarstva i obshhestva (K itogam XVIII s"ezda KPK) (po materialam kruglogo stola). Vladivostok. – 2013. – 40 s.

21. Sun' Syaoin. Postroit' «myagkuyu silu» i ispol'zovat' kazhduyu vozmozhnost' mirnogo ob"edineniya. // Vokrug Yugo-Vostochnoj Azii. 2004. № 12. S. 77–81.

22. Titarenko M.L. Kitaj i Rossiya v sovremennom mire. – SPb.: SPbGUP, 2013. – 88 s. – (Izbrannye lekcii Universiteta; Vyp. 146). S. 15.

23. Cvetkova A.Yu. Vneshnyaya politika Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki v nachale XXI v.: e'ffektivnost' publichnoj diplomatii: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. SPb.: 2010. 178 s.

24. Che'n' Ve'j. Dzhozef Naj: «Myagkaya sila Kitaya v kitajskoj mechte» // Ve'n'xue'jbaos. URL: <http://inosmi.ru/world/20131221/215796739.html>.

25. Yuj Ke'pin. Ideal garmonichnogo mira i kitajskaya diplomatiya // Lyaovan sin've'n' chzhoukan'. 2007. № 17. S. 31.

26. Yan' Syue'tun. Neobxodimost' uvelicheniya «myagkoj sily» Kitaya s tochki zreniya koncepcii «garmonichnogo mira» // Xuancyu shibao. Zhe'n'min'van. Pekin. 19.12.2005.

27. Hong Yilai, Yi Yilu. China's soft power and international relations /Ed/ by Hong Yilai, Yi Yilu. N.Y.: Routledge, 2012. 216 p.

28. Hunter A. China: soft power and cultural influence // the Washington Post. 2005. P. 15–25.

29. Kurlantzick, J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World / Kurlantzick J. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 306 p.

30. Li, Zhaoxing. 2005. Foreign Minister Li Zhaoxing gives year-end interview to People's Daily. People's Daily, December 20. URL: <http://www.fmpre.gov.cn/eng/zxxx/t227889.htm>.

31. Nye. J. Soft Power: The Means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.

32. Nye, J. The decline of America's soft power – why Washington should worry // Foreign Affairs. 2004. № 83, May-June. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/59888/joseph-s-nye-jr/the-decline-of-americas-soft-power>.

33. Shambaugh, D. The Rise of China and Asia's New Dynamics // Power Shift: China and Asia's New Dynamics / Shambaugh D. (ed.). University of California Press, 2005.

34. Shen, Guo Fang. 2007. Speech at Center for American Studies, Fudan University, on March 22. URL: <http://www.iis.fudan.edu.cn/view.php?id=194>.

35. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. – 376 s. Glava 4. Diskurs i strategiya «myagkoj sily» v gosudarstvax Vostochnoj Azii. S. 179–252.

36. Soft power: China's emerging strategy in international politics/ Mungjiang Li (Ed at all). Plymouth, 2009; Ding Sheng. Analyzing power from the perspective of soft power: a new look at China's rise to the status quo power // Journal of Contemporary China. 2010. № 19 (64), March. P. 255–272.

37. Wang, Hongying. The conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan / Wang, Hongying, Lu, Yechung // Journal of Contemporary China. 2008. Vol. 17, Issue 56. P. 425–447.

38. 王沪宁。作为国家实力的文化：软权力//复旦学报。(社会科学版)。出版地：上海市。1993年03期。页码91 - 97 页。92 - 93 页。(Van Xunin. Kul'tura kak nacional'naya sila: «myagkaya sila» // Fudan' syue'bao (seriya «sociologicheskie nauki»). Shanxaj, 1993. № 3. S. 91–97. S. 92–93.)

39. 中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报（2004年9月19日中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议通过）//人民日报。2004年9月19日第一版。(Byulleten' 4-go plenarnogo zasedaniya CK KPK 16-go sozyva ot 19 sentyabrya 2004 g. 4-e plenarnoe zasedanie // Zhe'n'min' Zhibao. Vyp. 1.20.09.2004.) URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/66174/4527266.html>.

40. 中共中央关于深文化体制改革推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定//互联网转载。2011年10月18日。中国共产党第十七届中央委员会第六次全体会议通过。(«Postanovlenie CK KPK o nekotoryx vazhnyx voprosax odnositel'no uglubljeniya reformy kul'turnoj sistemy, prodvizheniya razvitiya i procvetaniya socialisticheskoy kul'tury». 6-j plenum CK KPK 17-go sozyva // Xulyan'van. 18.10.2011.) URL: <http://www.0631rc.com/art/printpage.aspx?ArticleID=33449>.

41. 胡锦涛。坚定不移沿着中国特色社会主义道路前进为全面建成小康社会而奋斗-在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告（2012年1月8日）。十八大报告（全文）//新华网。2012. 11. 19。(Doklad Xu Czin'tao na XVIII vsekitajskom s'ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya (polnyj tekst). «Tverdo prodvigat'sya vpered po puti socializma s kitajskoj specifikoj i borot'sya za polnoe postroenie srednezazhitochno go obshhestva».8.11.2012. // Sin'xuavan. 19.11.2012) URL: http://www.xj.xinhuanet.com/2012-11/19/c_113722546.htm.

42. 习近平。决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利-在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告（2017年10月18日）。十九大报告（全文）//新华网。2017. 10. 18。(Doklad Si Czin'pina na XIX Vsekitajskom s'ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya (polnyj tekst). «Dostich' reshayushhej pobedy v polnom postroenii srednezazhitochno go obshhestva i otpravleniya v novyj pohod k vsestoronnemu postroeniyu modernizirovannogo socialisticheskogo gosudarstva, prodvizhenie velikogo dela socializma s kitajskoj specifikoj v novuyu e'poxu». 18.10.2017. // Sin'xuavan. 18.10.2017) URL: http://news.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm.

UDC 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.7789

CHINESE «SOFT POWER» IN THE ERA OF XI JINPING

Khubrikov Badma Olegovich,

Buryat State University named after D. Banzarov,
Master-degree student,
Department of History and Regional studies of Asian countries,
Ulan-Ude, Russia,
E-mail: khubrikovbadma@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the analysis of the Chinese “soft power” in the era of Xi Jinping. The analysis based on official speeches made by political leaders of China and publications. The focus is on the progressive development of the “soft power” notion as an effective instrument of internal politics. In the article, an unorthodox interpretation of soft power given for the first time on the example of one particular state considered.

Keywords:

soft power, China, the era of Xi Jinping.

УДК 811.161.1'42
DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.9099

РОЛЬ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СУГГЕСТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Люликова Анна Викторовна,

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и украинской филологии
с методикой преподавания,
Ялта, Россия,
E-mail: lulav06@mail.ru

Селезнева Лариса Васильевна,

Российский государственный социальный университет,
доктор филологических наук,
кафедра русского языка и литературы,
Москва, Россия,
E-mail: loramuz@yandex.ru

Тортунова Ирина Анатольевна,

Российский государственный социальный университет,
кандидат филологических наук,
кафедра русского языка и литературы,
Москва, Россия,
E-mail: tortunova@eandex.ru

Аннотация

Статья посвящена медицинским ономастическим единицам вне профессиональной сферы их употребления. Отмечается, что в современном PR и рекламном дискурсах фармаконимы выполняют номинативную, когнитивную и воздействующую функции. Основная для PR и рекламного дискурсов функция воздействия фармацевтической лексики обусловлена маркетинговой целью PR и рекламного дискурсов, а также

связана с прецедентными отечественными образами, отразившими личностные и социальные качества врача и разные формы коммуникации врача и пациента.

Ключевые слова:

фармаконим, концепт, дискурс, лекарство, реклама, врач, болезнь, здоровье.

В настоящее время фармацевтическая лексика, представляющая собой неотъемлемую часть медицинского дискурса, нередко выходит за пределы профессиональной среды своего формирования и активно используется не только в медицинской, но и в иных социальных сферах.

Общепарафармацевтическая терминология является предметом специальных исследований фармацевтического профиля. Опыт осмысления особенностей функционирования фармацевтической лексики представлен в работах И. Б. Масловой и Э. А. Коржавых, отмечающих наиболее интенсивное развитие в последние десятилетия науки о лекарственных растениях – фармакогнозии. Непрерывающиеся попытки российских ученых стандартизировать и систематизировать фармацевтическую терминологию объясняются, в первую очередь, тем, что фармацевтика является одной из наиболее «терминогенных» дисциплин [7, с. 25]. Термин «фармаконим» был введен в научный оборот австрийским ученым П. Анрейтером [11], который обратил внимание на мотивационный потенциал, заложенный в названии лекарственного препарата. Поэтому изучение фармаконима представляется особенно актуальным с учетом прагматической направленности рекламного текста.

Представления пациента о враче и назначаемом им лечении восходят к архетипичным образам этой социально важной профессии. Сложившийся в сознании пациента сценарий общения и образ доктора основаны на культурно-социальных прецедентах, связанных с врачебной деятельностью. К ним можно отнести, например, клятву Гиппократова (один из древнейших ритуально-профессиональных текстов), белый халат (символ чистоты помыслов и действий врача), определенные личностные качества, в первую очередь доброту и умение сострадать, поскольку образ «добротного доктора» часто складывается в сознании пациента с детства. Ярким тому примером являются художественные образы в отечественном искусстве – герои произведений А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, фильмов «Попрыгунья» (1955), «Дорогой мой человек» (1958), «Айболит-66» (1966), «Собачье сердце» (1988) и др. Как художественное отражение действительности, искусство хранит образы доктора Айболита, доктора Дымова, Владимира Устименко, профессора Преображенского, ставшие прецедентными в отечественной культуре и отразившие личностные и социальные качества врача, разные виды и формы коммуникации врача и пациента, основной из которых является коммуникативное лидерство врача, назначающего лечение.

При конструктивном двухстороннем общении «врач-пациент» необходимые препараты назначаются врачом, и пациент, получив ответы на волнующие его вопросы, следует назначениям доктора. Степень доверия пациента к врачу определяется, в том числе, и эффективностью предписанных врачебных мани-

пуляций, процедур, верой в действие выписанных им лекарственных препаратов. Фармаконим в данном случае является коммуникативным инструментом, связующим звеном между пациентом и врачом, выстраивая цепочку Пациент-Врач-Лекарство.

Менее доверительная коммуникация приводит к нарушению сценария эффективного двустороннего общения. Уже в русском фольклоре нашло отражение неоднозначное отношение народа к докторам. *Был больным, стал лекарем; Врач других лечит, а сам больной ходит; Врач, уврачуи сначала свой недуг; Врач придет – болезнь уйдет; Не врач пьет лекарства, а больной; И лекарь может ошибиться в лекарстве* – в этих пословицах выражены эмоциональные противоречия, связанные с коммуникацией «врач-пациент». С одной стороны, это уважение и признание важности врачебной специальности, с другой – недоверие. Поэтому пациент может, не обращаясь к врачу, «назначить» препарат себе самостоятельно. В таком случае полноценная цепочка Пациент-Врач-Лекарство сокращается на коммуникативное звено «врач».

Самостоятельный выбор лекарственного средства связан с речемыслительным процессом, который в данном случае зависит от базовых социальных и культурно-исторических фоновых знаний и представлений пациента о медицине. В культуре и сознании образ врача и медицины формируется благодаря концептам. В. И. Карасик определяет концепт как ментальное образование, в «составе которого выделяются понятийное, образное и ценностное измерения» [3]. В основе коммуникации лежат те принципы языкового освоения мира – актуальный переживаемый опыт, его сенсорное представление и образное представление данного кванта опыта, – которые, в свою очередь, обуславливают «трехмерную модель концепта» [4, с. 6]. Речевое поведение участников коммуникации обнаруживает когнитивные признаки концепта – образные, интерпретационные, ценностные, понятийные, ассоциативные, общенациональные, региональные, индивидуальные и др.

Концепты «Болезнь» и «Здоровье» отражают противоположные в оценочном плане состояния человека: здоровье – это хорошо, болезнь – плохо. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «отношение между хорошим (здоровым) и плохим (слабым, больным) в рамках медицинского добра, как и во всех случаях привативных отношений, контрадикторны» [1, с. 68]. Концепты «Здоровье» и «Болезнь» находятся в отношениях приватной оппозиции, для пациента это два полярных состояния, и связующими звеньями между ними являются концепты «Лекарство» и «Врач». Пациент посещает врача в первую очередь при плохом самочувствии, в том числе при необходимости выписать лекарство. Однако, как уже было сказано выше, этого может и не происходить.

Содержание концептов «Здоровье» и «Болезнь» раскрывается не только в специальной медицинской среде, но и за рамками профессиональной сферы – например, в PR и рекламном дискурсах, где обращение к ним связано с необходимостью привлечения внимания пациента к рекламному продукту. Акцент в рекламных текстах делается на способности лекарства помочь пациенту в борьбе с недугом без участия квалифицированного специалиста.

Концепты «Здоровье» и «Болезнь» функционируют в рекламном дискурсе как определенные ментальные образования, которые хранят в себе индивиду-

альный опыт и вызванное им ассоциативное знание реципиента. Первичное интуитивное знание, связанное с опытом применения того или иного лекарственного средства, наряду с развертыванием в рекламном дискурсе маркетинговых характеристик предлагаемого продукта, составляет содержание фармаконима. К важным признакам концепта «Лекарство» в русской наивной картине мира можно отнести способность победить болезнь. В соответствии с этим представлением разворачиваются сценарии вокруг данного концепта в PR и рекламном дискурсах. Коррелирующие с фармаконимом концепты «Здоровье» и «Болезнь» формируют вокруг себя кванты знаний, которые выстраиваются по определенной модели или сценарию.

Одной из основных содержательных доминант фармаконима является категория времени, которая реализуется в рекламных слоганах, актуализирующих мысль о быстротечности времени (*Кальций-Дз. Никомед. Не упустить момент. Накопить прочность; Кардиомагнил. Дарит Вам время; Не откладывайте лечение. Релиф. Способствует мягкому устранению большинства симптомов болезни и возвращению к нормальной жизни*), о пользе быстро принятых решений (*Фастум гель. Быстро побеждает воспаление и боль! Кагоцел. Работает даже при запоздалом лечении*).

Наименования лекарственных средств, репрезентируемые в дискурсивных практиках рекламы, утрачивают свою имманентную принадлежность к фармацевтической сфере в результате элиминации их первоначального значения, которое в определенной степени призвано раскрыть состав лекарства и те или иные фармацевтические характеристики. Основная роль в презентации лекарственного средства принадлежит маркетинговой составляющей фармаконима, способного сформировать в сознании потребителя представление о лекарственном препарате как действенном средстве в борьбе с недугом.

Значение фармаконима, используемого для обозначения ономастических единиц фармацевтических препаратов в рекламном и PR дискурсе, определяется информацией, транслируемой как самим названием лекарственного препарата, так и слоганом, усиливающим его суггестивное воздействие на потребительскую аудиторию. Например:

Атероклефит. Холестерин может быть в норме с Атероклефитом! Натуральное лекарственное средство Атероклефит – пусть сосуды будут чистыми, а сердце здоровым!

Овесол. Способствует бережному очищению печени. Только в нем овес молочной спелости усилен травами и куркумой.

Ротокан. Растительное лекарство для лечения воспалительных заболеваний желудочно-кишечного тракта и слизистой полости рта [9].

Выполняя номинативную функцию, фармаконим является заметным и устойчивым элементом взаимосвязи между производителем лекарства и потребителем. В современном мире «бренды – как слова, являющиеся собственностью корпораций, стали – случайно или умышленно, – частью звукового сопровождения нашей жизни, ключевыми компонентами повседневного современного языка, если не прототипом нового языка» [10, с. 139].

Отдавая предпочтение тем или иным лекарственным препаратам, потребитель, с одной стороны, реагирует на известные (благодаря рекламе) названия,

а с другой – опирается на фоновые и социальные знания. Например, при наличии определенного заболевания пациент знает несколько названий лекарственных препаратов, способных излечить именно этот недуг, следит за появлением новых лекарств. Так, *Лазолван* – более известный препарат, чем *Амброксол* или сироп *От кашля*.

Производители лекарственных препаратов используют фармаконимы, построенные по разным принципам номинации, в том числе и прямой, которая позволяет «через конкретный признак именуемого предмета выразить его обобщенный образ, то есть от частного, субъективного перейти к общему, обобщившему» [2, с. 9].

Прямые отсылки к сфере применения содержат сложносоставные фармаконимы, в состав которых входят корни, обозначающие орган или проблему, которую и будет решать лекарственный препарат. Например, названия *Длянос*, *Носовичок*, *Ринонорм*, *Носонорм*, *Риностоп*, *Ринофлуимуцил*, *Санорин* дают прямую отсылку к лор-органам. В фармаконимах, в состав которых входят корни «сон» или «бакт» построены по тому же принципу: таблетки *Сонные*, *Сонмил*, *Лизобакт*. *Бифидумбактерин*.

Наименования лекарственных средств, используемые вне профессиональной сферы их употребления, являются актуальным предметом дискурсологического исследования, которое позволяет определить основные онтологические параметры современной коммуникации. Проникновение фармацевтической лексики в обиходно-бытовую коммуникативную сферу привело к возникновению новых ономастических единиц медицинского дискурса с целью обеспечить большую привлекательность лекарственных средств перед широкой аудиторией потребителей.

Назначение лекарственного средства актуализируется в дополняющем его слогане, являющем собой композит онима фармацевтического средства. Например: *Йодомарин*. *Йод для жизни необходим*; *Формула сна*. *Усиленная фито-мелатонином*; *Кардиомагнил*. *Дарит Вам время*; *Если кашляешь – прими Бромгексин Берлин-Хеми*; *Мезим*. *Для желудка незаменим*.

Слоган усиливает эмоционально-экспрессивную функцию фармаконима, в результате чего действенность рекламируемого лекарственного препарата определяется как основная смысловая доминанта фреймовой структуры фармаконима. Побудительные модальные конструкции рекламного текста, широко представленные в слоганах, актуализируют мысль о борьбе с недугом и последующем выздоровлении как пути, который с легкостью способен пройти пациент при условии соблюдения рекомендаций по применению лекарственного средства.

Тексты разных жанров составлены по одному сценарию, который автоматически экстраполирует готовые смысловые блоки на привычную для сознания пациента ситуацию: *болезнь – лекарство – выздоровление*. Манипулятивная стратегия заключается во введении новых слотов, позволяющих креатору убедить реципиента в возможности быть самому себе доктором. К таким слотам относится, например, место возможного проявления болезни в организме, в котором используются наименования органов человека. Реципиент экстраполирует данный слот на себя и формирует ложную логическую цепочку: «У меня есть

этот орган (печень, желудок, горло и т.п.), значит есть (возможна) болезнь, значит ее надо лечить (предотвратить)». Помимо этого, креатор актуализирует только одно свойство концепта «лекарство» – его натуральный состав: натуральное лекарственное средство, растительное лекарство, натуральный йод и лапчатка. На первый план выходит ценностная сторона концепта, которая формирует отношение к любому лекарству как необходимому компоненту для здоровья: Атероклефит – пусть сосуды будут чистыми, а сердце здоровым!

Другой сценарий разворачивается в медицинском дискурсе инструкции по применению лекарств. Его основа – устойчивая модель текста, включающая следующие смысловые блоки: торговое наименование, лекарственная форма, состав, описание, фармакотерапевтическая группа, фармакологические свойства (фармакодинамика, фармакокинетика), показания к применению, противопоказания, способ применения и дозы, побочные действия, передозировка, взаимодействие с другими препаратами, особые указания, форма выпуска, условия отпуска из аптек, владелец регистрационного удостоверения, производитель, условия хранения. На первый план в этом сценарии выходит понятийная сторона концепта «Лекарство». Например:

Атероклефит® представляет собой жидкий экстракт из травы клевера красного, полученный путем двойной экстракции сырья 40% этанолом <...> Механизм действия жидкого экстракта травы клевера красного связан с перераспределением холестерина из ЛПНП в ЛПВП, в составе которых холестерин быстрее метаболизируется и выводится из организма. Жидкий экстракт травы клевера красного также способствует снижению интенсивности перекисного окисления липидов; в результате чего уменьшается перекисная модификация липопротеидов и нормализуется проницаемость сосудистой стенки [5].

В тексте не дается оценка лекарству. Сценарий строится на подробном перечислении характеристик, действий и противодействий, последствий приема лекарства, побочных действий. Для неспециалиста стилистически текст не является простым, но его восприятие обусловлено «жанровыми ожиданиями реципиента» [14].

Для привлечения внимания к фармацевтическому препарату риторика рекламного текста апеллирует к мотивационной сфере зрительской аудитории за счет выделения эмоциональных аргументов в качестве доминантной формы речевого воздействия. Предпочтительной риторической формой для достижения перлокутивного эффекта в процессе речевой репрезентации фармаконима является императив, который регламентирует выбор реципиента. Примерами императивного речевого акта являются следующие рекламные слоганы: *Примите Лазолван. Проводите время с семьей, а не с кашлем; Лазолван Рино. Дышите свободно; Капсикам. Задай боли перца.*

Синтагматическая организация рекламного текста, включающая номинативную часть и императив, выполняет коммуникативно-прагматическую функцию. Императивные по форме рекламные слоганы ориентируют реципиента действовать в соответствии с рекламным сюжетом. Эффективность как семантическая доминанта фармаконима усиливается за счет визуального ряда – сцены занятия спортом, подвижных игр для всей семьи или активного семейного отдыха.

Привлекательность как один из признаков фармаконимов формируется за счет аттрактивно-эмотивной лексики: «свободно» (*Лазолван Рино. Дышите свободно*), «забота» (*Виброцил. Бережная забота о дыхании с маслом лаванды; Фосфоглив. Забота о печени с удвоенной силой*), «боль» (*Изжога, боль и отравление. Фосфалюгель – одно решение!*), «быстро» (*Фастум гель. Быстро побеждает воспаление и боль!*).

Манипулятивные возможности рекламного текста во многом зависят от ассоциативных значений, которые способны реконструировать сознание реципиента. Восприятие информации и принятие реципиентом рекламного образа будет происходить только в том случае, если медиа образ «соответствует уже сформированным предпочтениям» [12, с. 157]. Поэтому выбор способа речевого воздействия на адресата определяется коммуникативной установкой, заданной рекламным текстом и реализуемой рекламным дискурсом.

Альтернативной формой социально-бытового сценария является сюжет, имитирующий научное объяснение действию предлагаемого фармацевтического препарата. Принцип научного изложения использован в следующих примерах:

Натуральный состав Синуфорте при попадании на слизистую оболочку вызывает интенсивное рефлекторное очищение пазух носа, помогает восстановить носовое дыхание.

Кагоцел. Вызывает образование интерферонов с высокой противовирусной активностью.

Полиоксидоний. Выводит токсины, заряжает антиоксидантами и активирует иммунитет. Это и есть полиэффект от простуды и гриппа.

Противовирусные средства могут действовать так: сначала избыточная поддержка организма, а потом ее спад, и вирусы снова размножаются. Цитовир 3 работает без остановок, поэтому курс лечения короткий – 4 дня. При ОРВИ прими Цитовир 3!

Употребление специальной лексики – «рефлекторное очищение», «носое дыхание», «противовирусная активность», «токсины», «антиоксиданты», «вирусы» «курс лечения» и др. – обусловлено коммуникативно-прагматической заданностью рекламного текста. В рамках рекламного дискурса наблюдается усиление аксиологического значения терминов за счет их ассоциативного соотнесения с областью медицинского знания.

Императивная модальность эхофразы лекарственного средства призвана обеспечить рекламируемому товару узнаваемость по прошествии времени. С этой целью используется также прием демонстрации «привлекательных» образов героев, которые после принятия лекарственного средства выглядят здоровыми, веселыми, спокойными, уравновешенными, полными сил и энергии (*Афобазол, Ибуклин, Компливит, Септолете тотал*) [13, с. 10].

Визуальный ряд рекламного ролика, а также рекламный текст, содержащий аргументы в пользу того или иного лекарственного средства, актуализируют социально-культурные ценности – семья, время, спорт, здоровье, которые являются смысловыми доминантами фармаконима, образующими его фреймовую структуру.

Современные названия лекарственных препаратов выполняют несколько языковых функций (номинативную, воздействующую, когнитивную), способ-

ствуют запоминаемости и, как следствие, – узнаваемости конкретного лекарства. Разнообразие и многочисленность фармаконимов в современном PR и рекламном дискурсах позволяет говорить о необходимости систематизирования и структурирования названий, которые могут стать отдельным предметом дискурс-анализа.

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ, 1993. 111 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Карасик В.И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4 (033). С. 5–11.
5. Лекарства. Атероклефит [Электронный ресурс] // Яндекс Здоровье. URL: <https://health.yandex.ru/pills/ateroklefit-37899> (дата обращения: 09.12.2018).
6. Лыткина О.И., Селезнева Л.В. Исследование дискурса в рамках сдвига научной парадигмы: фрейм и концепт // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 3. С. 206–213.
7. Маслова И.Б., Коржавых Э.А. Терминологические исследования фармацевтического дискурса: лингводидактический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 1. С. 24–30.
8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
9. Эвалар [Электронный ресурс]. URL: <https://shop.evalar.ru/catalog/purpose/> (дата обращения: 09.12.2018).
10. Юдина Е.Н. Креативное мышление в PR (в системе формирования социокультурных связей и отношений). М.: «РИП-холдинг», 2005. 272 с.
11. Anreiter P. Pharmakonyme: Benennungsmotive und Strukturtypologie von Arzneimittelnamen. Wien: Ed. Praesens, 2002. 461 S.
12. Beasley R., Danesi M. Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. 204 p.
13. Goddard A. The Language of Advertising. London and New York: Routledge, 2002. 131 p.
14. Kasperova L.T., Klushina N.I., Selezneva L.V., Smirnova N.V., Tortunova I.A. The Impact of the Internet on Genre and Stylistic Features of Media Texts // Global Media Journal. 2016. № S3. С. 7.

References

1. Arutyunova N.D. Tipy yazykovyx znachenij: Ocenka. Sobytiya. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
2. Volodina M.N. Nacional'noe i internacional'noe v processe terminologicheskoy nominacii. M.: Izd-vo MGU, 1993. 111 s.
3. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis,

2004. 390 s.

4. Karasik V.I. Semioticheskie tipy konceptov // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2012. № 4 (033). S. 5–11.

5. Lekarstva. Ateroklefit [E'lektronnyj resurs] // Yandex Zdorov'e. URL: <https://health.yandex.ru/pills/ateroklefit-37899> (data obrashheniya: 09.12.2018).

6. Lytkina O.I., Selezneva L.V. Issledovanie diskursa v ramkax sdviga nauchnoj paradigmy: frejm i koncept // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2011. № 3. S. 206–213.

7. Maslova I.B., Korzhavyx E'.A. Terminologicheskie issledovaniya farmacevticheskogo diskursa: lingvodidakticheskij obzor // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2011. № 1. S. 24–30.

8. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. M.: Flinta: Nauka, 2006. 256 s.

9. E'valar [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://shop.evalar.ru/catalog/purpose/> (data obrashheniya: 09.12.2018).

10. Yudina E.N. Kreativnoe myshlenie v PR (v sisteme formirovaniya sociokul'turnyx svyazej i otnoshenij). M.: «RIP-xolding», 2005. 272 s.

11. Anreiter P. Pharmakonyme: Benennungsmotive und Strukturtypologie von Arzneimittelnamen. Wien: Ed. Praesens, 2002. 461 S.

12. Beasley R., Danesi M. Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. 204 p.

13. Goddard A. The Language of Advertising. London and New York: Routledge, 2002. 131 p.

14. Kasperova L.T., Klushina N.I., Selezneva L.V., Smirnova N.V., Tortunova I.A. The Impact of the Internet on Genre and Stylistic Features of Media Texts // Global Media Journal. 2016. № S3. S. 7.

UDC 811.161.1'42

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.9099

THE ROLE OF PHARMACEUTICAL VOCABULARY IN SUGGESTIVE COMMUNICATION

Liulikova Anna Viktorovna,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Academy of the Humanities and Pedagogics (branch),
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Russian and Ukrainian Philology
and Teaching Methods Department,
Yalta, Russia,
E-mail: lulav06@mail.ru

Selezneva Larisa Vasil'evna,

Russian State Social University,
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Russian Language and Literature,
Moscow, Russia,
E-mail: loramuz@yandex.ru

Tortunova Irina Anatol'evna,

Russian State Social University,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Russian Language and Literature,
Moscow, Russia,
E-mail: tortunova@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to medical onomastic units, which are used outside the professional sphere. It is noted that pharmaconyms perform nominative, cognitive and functions in modern PR and advertising discourses. The influential function of pharmaceutical vocabulary, which is main for PR and advertising discourses, is due to the marketing goal of PR and advertising discourses as well as associated with precedent native images that reflect the personal and social qualities of the doctor and various forms of communication between the doctor and the patient.

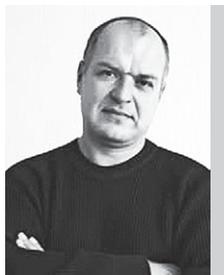
Keywords:

pharmaconym, concept, discourse, medicine, advertising, doctor, illness, health.

УДК 323+342.1

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.100110

КРЫМСКИЙ ПЕРЕДЕЛ В 1954 ГОДУ*

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, главный научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы политико-правового обоснования передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 году. Отмечается, что это событие наложило заметный отпечаток на политику национальной памяти на постсоветском пространстве, а непрекращающиеся дискуссии по этому вопросу сосредоточены вокруг двух основных тем: о мотивах решения советского руководства передать Крым Украине и о законности этого акта. На основании анализа основополагающих правовых документов того времени – текстов конституций, законов, указов и постановлений высших органов государственной власти СССР и союзных республик – автор делает вывод, что передача Крымской области была осуществлена в целом юридически корректно, в полном соответствии со сложившимися к тому времени в СССР политическими традициями и правоприменительными практиками территориально-административного обустройства страны.

Ключевые слова:

политика национальной памяти, Крымская область, Н. С. Хрущев, Конституция СССР, Конституция РСФСР.

История передачи в 1954 году Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР по-прежнему привлекает интерес как российских, так и зарубежных специалистов. В последние годы о «крымском вопросе» вышло

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–68 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

немало работ научного и публицистического характера, среди которых можно отметить публикации П. Вольвача [2], А. Хорошевой [19], Д. Караичева [9], В. Панова и А. Чичкина [15], С. Бабурина [1], С. Мошкина [13], Д. Беляева и Н. Старикова [17]. Однако, несмотря на обильный корпус доступных официальных документов, опубликованных мемуаров, книг и статей на эту тему, спорными остаются, как минимум, два вопроса: 1) чем было мотивировано решение советского руководства; 2) насколько исполненная процедура по передаче Крымской области из состава одной союзной республики в другую в рамках единого союзного государства соответствовала действующему на тот момент законодательству, была ли она вообще законной?

Ни один советский руководитель, включая Н.С. Хрущева, при котором собственно и была осуществлена передача Крыма, по этому поводу официально не высказались, что объяснимо: в советские годы не принято было комментировать ранее принятые государственные решения, тем более сомневаться в их целесообразности и законности. Публично не высказывался и первый президент постсоветской России Б.Н. Ельцин, хотя по воспоминаниям его коллеги, первого президента независимой Украины Л.М. Кравчука, во время обсуждения Беловежских соглашений в декабре 1991 года в частных разговорах этот вопрос поднимался. «Когда мы рассматривали соглашение об образовании СНГ, – рассказал Кравчук в интервью газете «Комсомольская правда – Урал», – встал вопрос о ядерном оружии и о Крыме. Ельцин начал рассуждать... Ну вот Крым, 1954 год. Хрущев подарил Украине. Может, говорит, надо восстановить как бы справедливость и порядок. Я ответил, что никакого подарка не было. Наоборот, Украина взяла на себя огромную обузу. Хрущев тогда сказал, что нужно передать Крым, чтобы Украина помогла восстановить хозяйство Крыма, сделав из него базу отдыха <...> Ельцину я сказал: давайте мы вопрос о передаче Крыма сейчас рассматривать не будем. Мы просто договорились, что вот создадим СНГ, начнем жить, и тогда будем рассматривать границы, все по закону, в соответствии с международными нормами. Ельцин согласился...» [12].

Позиция Ельцина в изложении Кравчука примечательна не только тем, что российский президент не проявил особой настойчивости в вопросе о принадлежности Крыма, но и тем, что своими словами воспроизвел, пожалуй, самую устойчивую мифологему, отложившуюся в коллективной памяти россиян, – Хрущев Украине Крым «подарил». Украинцы же, напротив, воспринимали тогда присоединение Крыма как некую «огромную обузу», а вовсе не подарок, о чем красноречиво свидетельствовал уже процитированный выше Кравчук. Впрочем, существует и другая версия того разговора в Беловежье, ее изложил Сергей Никитович Хрущев, сын Н.С. Хрущева. По его словам, Кравчук тогда спросил у Ельцина: «А как с Крымом будем поступать?», тот ответил: «Да забирай» [15]. Затем, как известно, начался процесс по юридическому оформлению (делимитации) российско-украинской границы на основе полного признания Крыма украинской территорией обеими сторонами.

Всё изменилось весной 2014 года. После шестидесятилетнего пребывания Крыма в составе Украины российское руководство впервые за все эти годы официально поставило под сомнение законность передачи полуострова в 1954 году. В «крымской речи» 18 марта 2014 года Президент России В.В. Путин так изложил свое видение событий тех лет: «В 1954 году последовало решение о пере-

даче в её (Украинской ССР – С.М.) состав Крымской области... Инициатором был лично глава Коммунистической партии Советского Союза Хрущёв. Что им двигало – стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину за организацию массовых репрессий на Украине в 30-е годы – пусть с этим разбираются историки. Для нас важно другое: это решение было принято с очевидными нарушениями действовавших даже тогда конституционных норм» [14].

Путин, как видим, тоже не чурается исторических мифов по поводу причин передачи Крыма, хотя и оставляет эту тему на откуп специалистам. К слову заметим, на сегодняшний день не известно ни одного официального документа, свидетельствующего о персональной ответственности Хрущева за передачу Крыма. Это было коллективное решение советского руководства, и без участия Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, Н.А. Булганина, А.И. Микояна и прочих представителей «сталинской гвардии» оно бы не состоялось. Правовая же оценка событий, по мнению Путина, совершенно однозначная – «решение было принято с очевидными нарушениями».

По традиции тех лет все важнейшие государственные решения первоначально рассматривались на заседаниях Президиума (позже – Политбюро) ЦК КПСС, и только затем, в случае одобрения, передавались для формального утверждения высшими органами Советов. Так было и с Крымом. 25 января 1954 года на заседании Президиума ЦК КПСС (протокол № 49) был утвержден проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР [8]. Далее события развивались стремительно.

Уже 5 февраля 1954 года Президиум Верховного Совета РСФСР на своем заседании (протокол № 41) постановляет: «передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР», «настоящее постановление внести это на утверждение Президиума ВС СССР» [8]. В тот же день аналогичное постановление (протокол № 156) принимает Совет Министров РСФСР, в котором признается целесообразность передачи полуострова [8].

Через неделю, 13 февраля, Президиум ВС Украинской ССР принимает встречное постановление «О представлении Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу передачи Крымской области в состав УССР», в котором отмечает, что «передача Крыма Украинской ССР <...> вполне целесообразна и является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу» и просит Президиум ВС Союза ССР передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР [8].

Еще через шесть дней, 19 февраля, собирается Президиум ВС СССР, рассматривает представления Президиумов ВС РСФСР и УССР и утверждает проект Указа Президиума ВС СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР», одобренный ранее, 25 января, Президиумом ЦК КПСС. Именно этот день – 19 февраля 1954 года – считается официальной датой передачи Крыма. В Указе за подписями Председателя Президиума ВС СССР К.Е. Ворошилова и Секретаря Президиума ВС СССР Н.М. Пегова, в частности, говорилось: «Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета Союза Советских

Социалистических Республик постановляет: утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики» [18]. В прессе, в том числе и крымской, документ был опубликован 27 февраля 1954 года. На следующий день, 28 февраля, газета «Крымская правда» вышла как орган Крымского обкома компартии Украины. С этого времени делопроизводство партийных и советских органов Крымской области велось уже не от лица РСФСР и КПСС, а от лица Украинской ССР и КПУ.

Затем, в соответствии с правовыми процедурами тех лет, данный Указ подлежал утверждению (ратификации) Верховным Советом СССР, что и было сделано спустя два месяца, 26 апреля 1954 года, Законом Союза ССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР». Своим вторым пунктом Закон предписывал внести соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР [6].

2 июня 1954 года на сессии Верховного Совета РСФСР были приняты поправки в Конституцию РСФСР, в соответствии с которыми Крымская область исключалась из состава РСФСР [3]. Конституционные поправки о включении Крымской области в состав УССР были оформлены республиканским Законом на сессии Верховного Совета УССР 17 июня 1954 года [7]. По сути, в июне 1954 года республиканские конституции РСФСР и УССР лишь приводились в соответствие с Конституцией Союза ССР, по которой Крым стал частью Украины еще в апреле.

Такова вкратце хронология принятия основных правовых актов по передаче Крыма из состава Российской Федерации в Украину. Вся процедура и формальности – от обсуждения вопроса на Президиуме ЦК КПСС 25 января до Указа Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 года – заняли менее месяца, а если считать время до дня изменения Конституции УССР 17 июня 1954 года – менее пяти месяцев. Но были ли принятые решения, при их очевидной скорости, неконституционными, как считает Путин?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего разобраться: соответствовали ли Постановление Президиума ВС РСФСР от 5 февраля 1954 года и Указ Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 года «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» действовавшей тогда Конституции СССР 1936-го года, а также Конституциям РСФСР и УССР?

Как отмечалось выше, передаче Крыма предшествовали соответствующие Постановления Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР, а также их совместное представление о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, утвержденное Президиумом ВС СССР 19 февраля 1954 года. Здесь главный вопрос: были ли Президиумы Верховных Советов союзных республик, и в частности – Президиум ВС РСФСР, наделены такими полномочиями?

Действующая тогда Конституция РСФСР 1937-го года в редакциях, актуальных на начало 1954 года, не называет в числе полномочий Президиума ВС РСФСР право решать вопросы территориальной целостности РСФСР. Более того, статья 16 Конституции РСФСР прямо указывала, что «территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР» [10]. Но если Президиум ВС

РСФСР был в этом вопросе неправомочен, кто же тогда, следуя конституционному законодательству, имел право давать согласие от имени РСФСР на изменение ее территории?

В соответствии со статьями 22 и 24 Конституции РСФСР Верховный Совет республики являлся высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом РСФСР. Согласно статье 23 Конституции, он осуществлял все права, присвоенные РСФСР. Статья 19 специально оговаривает перечень вопросов, подлежащих ведению РСФСР в лице ее высших органов государственной власти и органов государственного управления. Этот список исчерпывающий, состоящий из 26 пунктов, от установления Конституции РСФСР и контроля за ее соблюдением до амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами РСФСР. Но и здесь исчерпывающий перечень вопросов, относящихся к ведению РСФСР в лице ее высших органов власти, не включал в себя вопроса о территориальной целостности и изменения границ РСФСР [10]. Выходит, что правовая норма, содержащаяся в статье 16 Конституции РСФСР – «территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР» – находилась вне сферы прав не только Президиума, но и самого Верховного Совета РСФСР. Иными словами, как это ни парадоксально звучит, никакие органы государственной власти и органы государственного управления РСФСР не были наделены правом изменять территорию РСФСР или давать согласие на ее изменение. Это был явный конституционный пробел Основного Закона РСФСР.

Единственным безупречным с правовой точки зрения способом получения согласия РСФСР на передачу Крыма Украинской ССР было бы проведение всероссийского референдума на эту тему, да и то в случае его положительного результата. Конституция РСФСР (статья 33 пункт «г») наделяла Президиум Верховного Совета РСФСР правом «производить всенародный опрос (референдум)» [10]. В 1954 году российские власти такой возможностью не воспользовались. Однако надо понимать, что ни Конституция, ни законодательство РСФСР тех лет не описывали правовой статус и юридические рамки всенародного опроса (референдума), упомянутого в Основном Законе. Это была «мертвая» правовая норма, на деле никогда не применявшаяся. Первый всенародный референдум в истории РСФСР – о введении поста президента – был проведен много лет спустя, по сути, в другой России – 17 марта 1991 года, одновременно с единственным за всю историю СССР всесоюзным референдумом – о сохранении СССР.

Но если высшие органы власти РСФСР не имели права на отчуждение российских земель, кто мог это правомерно сделать? Официально передача Крыма, как отмечалось выше, состоялась на основании Указа Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 года. И здесь очередной вопрос: а Президиум Верховного Совета СССР обладал такими правами?

Конституция СССР того времени (статья 14 пункт «д») гласила, что «утверждение изменений границ между союзными республиками» относится к ведению Союза ССР в лице его высших органов власти и органов государственного управления [11]. Высшим органом государственной власти в СССР, согласно статье 30, являлся Верховный Совет СССР [11]. Не Президиум, а именно сам Верховный Совет.

Передача Крымской области из одной союзной республики в другую неизбежно требовала внесения поправок в статьи 22 и 23 Конституции СССР, в которых перечислялись территории, входящие, соответственно, в состав РСФСР и УССР. Но изменять Конституцию, согласно статье 146, было исключительным правом Верховного Совета СССР [11]. То есть право изменять состав союзных республик и границы между ними было только у Верховного Совета СССР, но никак не у его Президиума. Кроме того, согласно статье 49 Конституции СССР, в которой детально изложены полномочия Президиума, ему не предоставлялось право изменять границы союзных республик [11]. Поэтому издание Президиумом ВС СССР Указа «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» от 19 февраля 1954 года – строго говоря, очевидное превышение полномочий со стороны Президиума Верховного Совета СССР. Ситуация вернулась в правовое поле буквально через два месяца после выхода Указа Президиума, когда Верховный Совет СССР реализовал свое право на изменение границ между РСФСР и УССР, издав Закон СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 26 апреля 1954 года. Постановляющая часть Закона начиналась словами: «Утвердить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года о передаче Крымской области...» [6].

В этой истории остается, пожалуй, последний вопрос: превышение полномочий Президиумом ВС СССР в отношении изменения границ между союзными республиками произошло из-за поспешности решения о Крыме, или такое случилось и раньше и было, по сути, устоявшейся практикой в СССР? Для ответа снова вернемся к конституционным полномочиям Президиума ВС СССР.

Конституция СССР (статья 49 пункт «б») наделяла Президиум правом в период сессиями Верховного Совета СССР издавать указы, имеющие, по сути, силу закона [11]. Как правило, большинству этих указов не требовалось утверждение со стороны редко собиравшегося (два раза в год) Верховного Совета СССР, так как они не касались изменения текста Конституции СССР. Но даже тогда, когда Указы Президиума ВС СССР затрагивали конституционные вопросы, Президиум ВС легко шел на превышение своих полномочий и принимал решения, которые позднее узаконивались на сессиях Верховного Совета СССР. Подчас это было связано с обстоятельствами ситуативного реформирования и переименования различных государственных ведомств, упомянутых в тексте Основного закона, но нередко и в связи с изменениями территориально-административного устройства союзных республик, зафиксированном в тексте Конституции СССР. Так, к примеру, по Указу Президиума Верховного Совета СССР в конце 1953 года в составе РСФСР была образована Магаданская область [16, с. 48], в 1954 году в РСФСР практически в один день появились Арзамасская [16, с. 50], Балашовская [16, с. 49], Белгородская [16, с. 49], Каменская [16, с. 49–50] и Липецкая [16, с. 50] области. На территории Украинской ССР в 1954 году, опять-таки по Указам Президиума ВС СССР, была упразднена Измаильская область [16, с. 55], появилась новая Черкасская область [16, с. 54], а Каменец-Подольская область была переименована в Хмельницкую [16, с. 55]. Все эти новации, кстати, осуществлялись без всяких предварительных референдумов, и были утверждены общим списком, в один день одним Законом СССР от 26 апреля 1954 года «Об утверждении Указов

Президиума Верховного Совета СССР», в котором передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР была всего лишь одним из пунктов обширного перечня территориально-административных перемен [5]. Так что, по мнению руководства СССР, в законодательном оформлении передачи Крыма не было ничего необычного, это была общепринятая в СССР юридическая практика. И началась она отнюдь не во времена правления Хрущева, а гораздо раньше. К примеру, практически по такой же схеме весной 1940 года Карельская АССР была выведена из состава РСФСР и преобразована в Союзную Карело-Финскую ССР [4]. По такой же схеме летом 1965 года последняя была обратно преобразована в Карельскую АССР и вновь включена в состав РСФСР [16, с. 24].

Перекройка границ между республиками, краями и областями, учреждение новых и упразднение прежних территориально-административных единиц в послевоенном СССР вообще было делом заурядным. После войны коренным образом изменился экономический и демографический «ландшафт» страны, и это требовало от руководства адекватных ситуации территориально-административных изменений. Поэтому, после того как 2 июня 1954 года на сессии ВС РСФСР все делегаты единогласно проголосовали за приведение Основного Закона РСФСР в соответствие с общесоюзной Конституцией и приняли Закон РСФСР «О внесении изменений и дополнений в статью 14 Конституции (Основного Закона) РСФСР» [3], все вопросы, касающиеся юридического оформления передачи Крымской области, с точки зрения советского законодательства, были закрыты.

Таким образом, вспоминая слова Путина об «очевидных нарушениях действовавших тогда конституционных норм» при передаче Крыма из состава РСФСР [14], мы можем с этим согласиться, правда, с серьезными оговорками, связанными с двумя обстоятельствами: это – неиспользованная возможность проведения референдума в РСФСР и превышение полномочий Президиумом Верховного Совета СССР.

1. Бабурин С. Крым навеки с Россией: историко-правовое обоснование воссоединения республики Крым и города Севастополь с Российской Федерацией [Текст]. – М.: Книжный мир, 2014. – 176 с.

2. Вольвач П. Каким был «подарок Хрущева». Как Украина отстроила Крым [Электронный ресурс] / Сайт интернет-газеты «Аргумент». – Режим доступа: <http://argumentua.com/stati/kakim-byi-podarok-khrushcheva-kak-ukraina-otstroila-krum-chast-pervaya> (дата обращения: 22.04.2019).

3. Закон РСФСР от 02.06.1954 «О внесении изменений и дополнений в статью 14 Конституции (Основного Закона) РСФСР» [Текст] // Заседания Верховного Совета РСФСР 3-го созыва. Пятая Сессия (31 мая – 2 июня 1954 г.). – М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1954. С. 220.

4. Закон СССР от 31.03.1940 «О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_31.03.1940_О_преобразовании_Карельской_Автономной_Советской_Социалистической_Республики_... (дата обращения: 23.04.2019).

5. Закон СССР от 26.04.1954 «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР» [Текст] // Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Первая сессия (20–2 апреля 1954 г.) – М.: Издание Верховного Совета СССР, 1954. С. 545–550.

6. Закон СССР от 26.04.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 10 (804). 12 мая. С. 343.

7. Закон Украинской ССР от 17.06.1954 «О внесении изменений и дополнений в статью 18 Конституции (Основного Закона) Украинской ССР» [Текст] // Заседания Верховного Совета Украинской ССР (шестая сессия). 16–17 июня 1954 г. – Киев: Государственное издательство политической литературы УССР, 1954. – С. 137.

8. Как это делалось [Электронный ресурс] / Сайт «Российская газета». – Режим доступа: <https://rg.ru/2004/02/19/sss.html> (дата обращения: 09.04.2019).

9. Караичев Д. Передача Крыма Украине в 1954 году: мифы и правда [Электронный ресурс] / Сайт интернет-газеты «Аргумент». – Режим доступа: <http://argumentua.com/stati/peredacha-kruma-ukraine-v-1954-godu-mify-i-pravda> (дата обращения: 22.04.2019).

10. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) / Редакция 13.03.1948 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР/1937/Редакция_13.03.1948 (дата обращения: 11.04.2019).

11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) / первоначальная редакция [Электронный ресурс] / Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_\(1936\)/Исходная_редакция](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_(1936)/Исходная_редакция) (дата обращения: 15.04.2019).

12. Кравчук, экс-президент Украины: Ельцин просил вернуть России Крым... [Электронный ресурс] / Сайт «Комсомольская правда – Урал». – Режим доступа: <https://www.ural.kp.ru/daily/26207/3093145/> (дата обращения: 03.04.2019).

13. Мошкин С. Почему Хрущев передал Крым Украине. Судьбу полуострова предопределило простое хозяйственное решение [Электронный ресурс] / Сайт «Российская газета». – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/04/15/hrushev-site.html> (дата обращения: 23.04.2019).

14. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества, 18 марта 2014 года, Москва, Кремль [Электронный ресурс] / Сайт «Президент России». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20603> (дата обращения: 05.04.2019).

15. Панов В., Чичкин А. Как Крым Украине отдали. О «белых» пятнах в истории передачи полуострова из РСФСР в УССР [Электронный ре-

курс] / Сайт интернет-газеты «Столетие». – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_krym_ukraine_otdali_982.htm (дата обращения: 05.04.2019).

16. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Манделъштам Ю. И. [Текст] – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 500 с.

17. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История [Текст]. – СПб.: Питер, 2018. – 320 с.

18. Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 4 (798). 9 марта. С. 64.

19. Хорошева А. Крым 1954: как Никита Хрущев продал решение о передаче полуострова от РСФСР Украинской ССР [Электронный ресурс] / Сайт журнала «Живая история». – Режим доступа: <http://lhistory.ru/statyi/krym-1954> (дата обращения: 23.04.2019).

References

1. Baburin S. Krym naveki s Rossiej: istoriko-pravovoe obosnovanie vossoedineniya respubliki Krym i goroda Sevastopol' s Rossijskoj Federaciej [Текст]. – М.: Knizhnyj mir, 2014. – 176 с.

2. Vol'vach P. Kakim byl «podarok Xrushheva». Kak Ukraina otstroila Krym [E'lektronnyj resurs] / Sajt internet-gazety «Argument». – Rezhim dostupa: <http://argumentua.com/stati/kakim-by-l-podarok-khrushcheva-kak-ukraina-otstroila-krym-chast-pervaya> (data obrashheniya: 22.04.2019).

3. Zakon RSFSR ot 02.06.1954 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v stat'yu 14 Konstitucii (Osnovnogo Zakona) RSFSR» [Текст] // Zasedaniya Verhovnogo Soveta RSFSR 3-go sozyva. Pyataya Sessiya (31 maya – 2 iyunya 1954 g.). – М.: Izdanie Verhovnogo Soveta RSFSR, 1954. S. 220.

4. Zakon SSSR ot 31.03.1940 «O preobrazovanii Karel'skoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki v Soyuznuyu Karelo-Finskuyu Sovetskuyu Socialisticheskuyu Respubliku» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_31.03.1940_О_преобразовании_Карельской_Автономной_Советской_Социалистической_Республики... (data obrashheniya: 23.04.2019).

5. Zakon SSSR ot 26.04.1954 «Ob utverzhdenii Ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR» [Текст] // Zasedaniya Verhovnogo Soveta SSSR chetvertogo sozyva. Pervaya sessiya (20–2 aprelya 1954 g.) – М.: Izdanie Verhovnogo Soveta SSSR, 1954. S. 545–550.

6. Zakon SSSR ot 26.04.1954 «O peredache Krymskoj oblasti iz sostava RSFSR v sostav Ukrainskoj SSR» [Текст] // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1954. № 10 (804). 12 maya. S. 343.

7. Zakon Ukrainskoj SSR ot 17.06.1954 «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v stat'yu 18 Konstitucii (Osnovnogo Zakona) Ukrainskoj SSR» [Текст] // Zasedaniya Verhovnogo Soveta Ukrainskoj SSR (shestaya sessiya). 16–17 iyunya 1954 g. – Kiev: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury USSR, 1954. – S. 137.

8. Kak e'to delalos' [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Rossijskaya gazeta». – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2004/02/19/sssr.html> (data obrashheniya: 09.04.2019).
9. Karaichev D. Peredacha Kryma Ukraine v 1954 godu: mify i pravda [E'lektronnyj resurs] / Sajt internet-gazety «Argument». – Rezhim dostupa: <http://argumentua.com/stati/peredacha-kryma-ukraine-v-1954-godu-mify-i-pravda> (data obrashheniya: 22.04.2019).
10. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki (utverzhdena postanovleniem Chrezvychajnogo XVII Vserossijskogo S"ezda Sovetov ot 21 yanvarya 1937 g.) / Redakciya 13.03.1948 g. [E'lektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_РСФСР/1937/Редакция_13.03.1948 (data obrashheniya: 11.04.2019).
11. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (utverzhdena postanovleniem Chrezvychajnogo VIII S"ezda Sovetov Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik ot 5 dekabrya 1936 g.) / pervonachal'naya redakciya [E'lektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: [https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_\(1936\)/Исходная_редакция](https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_СССР_(1936)/Исходная_редакция) (data obrashheniya: 15.04.2019).
12. Kravchuk, e'ks-prezident Ukrainy: El'cin prosil vernut' Rossii Krym... [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Komsomol'skaya pravda – Ural». – Rezhim dostupa: <https://www.ural.kp.ru/daily/26207/3093145/> (data obrashheniya: 03.04.2019).
13. Moshkin S. Pochemu Xrushhev peredal Krym Ukraine. Sud'bu poluostrova predopredelilo prostoe xozyajstvennoe reshenie [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Rossijskaya gazeta». – Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2014/04/15/hrushev-site.html> (data obrashheniya: 23.04.2019).
14. Obrashhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina k deputatam Gosudarstvennoj Dumy, chlenam Soveta Federacii, rukovodityel'nyam regionov Rossii i predstavityel'nyam grazhdanskogo obshhestva, 18 marta 2014 goda, Moskva, Krem'l' [E'lektronnyj resurs] / Sajt «Prezident Rossii». – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20603> (data obrashheniya: 05.04.2019).
15. Panov V., Chichkin A. Kak Krym Ukraine otdali. O «belyx» pyatnax v istorii peredachi poluostrova iz RSFSR v USSR [E'lektronnyj resurs] / Sajt internet-gazety «Stoletie». – Rezhim dostupa: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_krym_ukraine_otdali_982.htm (data obrashheniya: 05.04.2019).
16. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g. / pod red. k. yu. n. Mandel'shtam Yu. I. [Tekst] – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1956. – 500 s.
17. Starikov N., Belyaev D. Rossiya. Krym. Istoriya [Tekst]. – SPb.: Piter, 2018. – 320 s.
18. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 19.02.1954 «O peredache Krymskoj oblasti iz sostava RSFSR v sostav USSR» [Tekst] // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1954. № 4 (798). 9 marta. S. 64.
19. Xorosheva A. Krym 1954: kak Nikita Xrushhev prodavil reshenie o peredache poluostrova ot RSFSR Ukrainskoj SSR [E'lektronnyj resurs] / Sajt zhurnala «Zhivaya istoriya». – Rezhim dostupa: <http://lhistory.ru/statyi/krym-1954> (data obrashheniya: 23.04.2019).

UDC 323+342.1

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.100110

CRIMEA REDISTRIBUTION IN 1954

Moshkin Sergey Vyacheslavovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Science, Chief Research Scientist,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation

The article looks into the political and legal justification of the transfer of the Crimean region from the RSFSR to the Ukrainian SSR in 1954. It is noted that this event left a noticeable imprint on the policy of national memory in the post-Soviet space, and the ongoing discussion on this issue is centered around two main topics: the motives of the decision of the Soviet leadership to transfer Crimea to Ukraine and the legal justification of this act. Based on the analysis of the fundamental legal documents of that time: the texts of the Constitution, the laws, decrees and resolutions of the supreme bodies of the state power of the USSR and the union republics, the author concludes that the transfer of the Crimean region was generally legally correct, in full compliance with the USSR political traditions and law enforcement practices of territorial and administrative arrangement of the country.

Keywords:

national memory policy, Crimea region, N.S. Khrushchev, Constitution of the USSR, Constitution of the RSFSR.

УДК 303.4+304.44

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.111119

ВРАТА

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье для проекта «Энциклопедия дискурсологии» проводится дискурс-анализ концепта «Врата», обладающего богатейшим архетипическим содержанием, что проявляется в самом широком спектре его значений и применения в материальной и духовной культуре всего человечества на протяжении всей его истории. Анализируются главные аспекты данного концепта – семиотический, аксиологический, праксеологический, институциональный, кратологический.

Ключевые слова:

врата, портал, «черная дыра», пещера, путь, мост, ключ, привратник.

Врата [7] – это особый промежуток границы между различными мирами, пригодный для проникновения из одного в другой.

А) ворота, проход, калитка, врата, дверь, портал, нора, гора, дыра, пещера, сторона света, гора, яма, зеркало, небо, вода, вульва, рот, глаза, ущелье, начертанный круг, пропускной пункт (чекпойнт) на границе, люк, морской (речной, воздушный) порт, «черная дыра», «кротовые норы» («червоточины»), точки входа (доступа) в Интернет (терминал) [6].

Мифологический пласт концепта сразу вводит нас в весьма широкий спектр значений и универсальность. Прежде всего, необходимо отметить богатый чувственно-образный «слой» концепта. В Библии [1; 1 Цар. 4:18] – Ворота, врата это ворота города, обнесенные стенами; обыкновенно входили чрез ворота деревянные, или обитые железом, или медью [1; Деян. 12:10]. В дома также входили чрез ворота, и есть основание полагать, что в воротах иногда устраивалась калитка, чтоб не отворять всех ворот, когда кому-либо приходилось входить в дом [1; Деян. 12:13]. По свидетельству Геродота, в Вавилоне

находилось сто ворот, и все они были [3] сделаны из меди. Во многих азиатских городах находятся широкие, мощные частями или сплошь улицы, приспособленные для купцов и торговцев разными житейскими потребностями; на этих улицах находились также площади с лавками и палатками продавцов. Особенно много находилось их при городских воротах, у которых обыкновенно собиралось много народа [1; 2 Цар. 15:2, 4 Цар. 6:1]. У городских ворот происходили также судебные разбирательства и наказания [1; Втор. 17:5, Руф. 4:1, 12, Ам. 5:10, 12, 15.]; при них также собирались люди, свободные для отдохновения или развлечения. Так как право владения городскими воротами принадлежало самому городу, то слово ворота употребляется иногда для обозначения силы, власти и могущества. «И врата адовы не одолеют ее» (Церковь), сказал Господь» [1; Мф. 16:18]. Как памятник древневосточного обычая, осталось название Турецкого Двора Высокою Портою. Городские ворота тщательно охранялись днем и запирались ночью. Ворота царских дворцов и даже домов частных лиц украшались надписями из закона Моисеева [1; Втор. 6:9], и при оных находились привратники [1; Втор. 6:9]. Из ворот внешнего двора Иродова храма девять были обложены золотом и серебром, а десятые – красные были вылиты из Коринфской меди и считались по ценности и красоте выше остальных девяти.

Врата как архитектурный элемент, насыщенный глубоким символизмом, вообще самым широким образом употребляются в мировой культуре с древнейших времен. Врата – ритуальные двери в храме. Врата солнца – каменная арка, принадлежащая культуре Тиуанако (доиспанская индейская культура с центром в городе Тиуанако, в 15 км южнее озера Титикака. Находится на территории современной Боливии). Врата Иштар – восьмые ворота внутреннего города в Вавилоне, построенные в 575 году до н. э. по приказу царя Навуходоносора II в северной части города. Врата Небесного Спокойствия – главный вход в императорский дворец, также известный как «Запретный город», в Пекине, столице Китайской Народной Республики. «Врата на Запад» (англ. Gateway Arch) – часть Джефферсоновского Национального Мемориала Экспансии, а также визитная карточка г. Сент-Луис, штат Миссури, США.

Подстать чувственно-образному богатству концепта – его смысловое, раскрываемое связанными с ним другими концептами: врата (ворота) понимаются как естественный «проход» в границе миров (главным образом нашего и потустороннего или мира мертвых). Вратами в потусторонний мир часто являются пещеры и норы: подобные представления и верования широко распространены в различных племенных культурах.

Особенная роль принадлежит *Границе* – между мирами: своим и чужим, загробным и посюсторонним. Ею всегда являлось нечто, что существовало на самом деле (река, горный хребет, пролив и т. п.): например, славяне считали, что гранью служит *река Смородинка*. Смородинка – название огненной реки, через которую переброшен Калинов мост, где заставой стоят былинный богатыри и обычно там славянский сказочный герой сражается со всякой нечистью (Змеем Горынычем или Чудом-Юдом). Река называется так не потому, что там растет ягода-смородина, а потому, что она источает сильный зловонный запах – смрад: горящая смола в реке едко дымила, а слово «смород» как раз

означает «сильный, неприятный, удушливый запах». «Калинов» мост через нее тоже не простой – он не из калины, а «калёный», раскалённый.

У древних греков гранью между мирами была река Ахерон (Ахеронт). Это река скорби, отделяющая мир живых от мира мертвых в древнегреческой мифологии. Именно через Ахерон [3] Харон перевозит умерших. Для уплаты за перевозку через Ахерон по погребальному обряду усопшему клали в рот обол – мелкую медную монету. Болотистый, медленно текущий Ахерон – одна из пяти рек в царстве мертвых. Его воды сливаются с потоками *реки Стикс*. Там их встречает Харон и перевозит через реку Ахеронт, притоком которой является Стикс. Слово *стикс* значит «ненавистная». В греческой мифологии река Стикс находилась в царстве мертвых и являлась границей между миром жизни и смерти. Стикс охраняет одноименное божество, дочь Океана и Тефиды, олицетворение первобытного ужаса и мрака. Течет Стикс из мировой реки Океана, которая окружает обитаемую землю. Переплыть ее можно только на лодке Харона. Существовала самая страшная клятва, связанная с этой рекой. Даже боги не могли нарушить клятву водой Стикса, боясь стать на целый год бездыханными и на девять лет изгнанными с Олимпа. В древности считали, что воды Стикса – яд. Хель (Хельхейм) – это царство мертвых в скандинавской мифологии, обычно его противопоставляют Валгалле, царству мертвых для избранных. Хель находится на Севере, *под корнем ясеня Иггдрасиль* [3].

Кельты считали входом в загробный мир необъятное *море*, которое душа должна была преодолеть с помощью проводника. Скандинавы считали, что между мирами живых и умерших находится глубочайшая речка с мрачной зловещей водой. Ее берега лишь в одном месте якобы были соединены мостом из чистейшего золота. Кельты верили, что после смерти их ожидает многообещающая «Земля женщин», в которой каждый может заниматься любимым делом. Умерших, которые сумеют туда попасть, ожидала беззаботная, приятная жизнь. Аваллон – в кельтских мифах это чудесный остров блаженных, потусторонний мир на далеких западных островах. На этом острове было остановлено время. Аваллон называли по-разному: «чудесными островами», «великой землей», «землей жизни и женщин».

Архетипичность концепта «Врата», кроме того, проявляется в его амбивалентности. *Врата, как таковые, безразличны к тем мирам, границей между которыми они являются: это и врата рая, и врата ада.* Джаханнам – мусульманское название ада. Коран говорит, что в Джаханнам попадут и люди, и джинны, кто-то будет в аду вечно, кто-то временно. Тяжкие мучения будут терпеть там грешники – их ждет огонь, кипяток и гнойная вода. К семи воротам Джаханнама, которые охраняют 19 ангелов, ведет мост шириной в лезвие меча. Муспельхейм – мир огня в германо-скандинавской мифологии, страна, где живут огненные великаны. Вход в Муспельхейм охраняет великан Сурт. Еще один смысл концепта, получивший разработку в современной неозотерической мифологии – «Врата богов» или «порталы» в иные миры (*измерения*). Современное научное знание интенсивно разрабатывает идею многомерности Вселенной (или множественности «вселенных»), пронизанной своеобразными В. (порталами), роль которых, возможно, выполняют загадочные «черные дыры» («кротовые норы»).

Юду – в переводе с древнекитайского – «столица мрака». Юду – столица подземного мира в древнекитайской мифологии. Она расположена на крайнем севере, а вход туда находится на северо-западе, в горе Бучжлушань [12].

Сварга – в позднейшей индуистской мифологии так называется рай Индры, небесное царство (слово значит «идущий на небо»). Находится в антарикше (пространстве между небом и землей), на вершине горы Меру; по другим источникам – в Рипейских горах над Белой Алатырской горой. «Врата богов», Пуэрто де Хайу Марка, Перу, были обнаружены в 1996 году. «Ворота Солнца» в Тиауанако, Боливия.

В средневековом католичестве Лимб – это *преддверие* христианского ада (и рая). Здесь находятся души праведников, живших в дохристианскую эпоху и души некрещеных младенцев. Души в Лимбе не мучаются, но испытывают тоску, ведь они не могут попасть в рай. После Страшного суда обитатели Лимба окажутся в раю. Библейский Шеол имеет также следующие значения: «страна безмолвия», «земля забвения», «долина смертной тени», «погибель», «низший мир», «источник истребления», «врата смерти» [1; Пс. 138, 8; Амос 9, 2; Иов 11, 8]. Шеол представляется одушевлённым существом, страшным чудовищем, во многом аналогичным Тиамат в аккадской мифологии [3]. Шеол проглатывает мёртвых, смыкая над ними свои гигантские челюсти, утроба Шеол вечно ненасытима, а душа его расширяется и волнуется в предчувствии добычи [1; Ис. 5, 14; 14, 9; Авв. 2, 5; Пс. 140, 7; Притч. 27, 20; Иов 24, 19].

Чувственно-образное и смысловое многообразие содержания концепта В. глубоко раскрывается в ряду смежных с ним (*Путь, Путник, Приключение, Окно, Страж, Проводник, Ключ, Мост*).

Врата тесно связаны с концептами *Путь* [3], *Приключение: Путник* в процессе своих странствий неоднократно сталкивается с различными вратами-проходами в иные, неизведанные области и пределы, поскольку врата – это граница миров (даже если речь идет только о пороге дома, юрты, сакли, хижины, дворца, кабинета и т. п.; начало всякого Пути – выход за ворота (из знакомого мира в иной)). В литературе путешествий приключения, как правило, начинаются с того, что Герой (Путник) куда-то неожиданно «попадает» (жанровая ниша – «Попаданцы») через некое «окно» (портал, «Старгейт»).

Богат чувственно-образный и смысловой ряд, раскрываемый смежным концептом – *Окно* [4]. Весьма важную роль в дискурсе «Врат» играет *Страж*. Концепт *Привратника (Стража)*: охрана В., проходов м. б. тайной или явной, постоянной или временной, вещественной или виртуальной, электронной (защитой) – например, системы кодов и шифров (в т. ч. антивирусные программы) для предотвращения несанкционированного и нежелательного проникновения. Современный мир широко практикует охранные системы и сигнализации. Во многих мифах и легендах у дверей загробных царств стоят стражи, которыми чаще всего являются собаки. Некоторые подобные стражи не только охраняют врата загробного мира, но и защищают в дальнейшем его обитателей. В Древнем Египте считалось, что загробным миром руководит Анубис – божество с шакальей головой, которого очень уважали и побаивались. Анубис встречал души, доставленные проводником, после чего сопровождал их на суд к Осирису и присутствовал рядом с ними до приговора. У древних греков стражем Аида считался трехглавый пес Цербер [3]. Страж ворот Аида – чудо-

вищный трехголовый пес Кербер (Цербер) с туловищем, усеянным головами змей, и змеиным хвостом пропускает всех в Аид, но никого оттуда не выпускает. По легенде, однажды Аид пожаловался своему брату Зевсу на то, что его мир плохо охраняется: души постоянно выбираются из него, нарушая вселенское равновесие. Выслушав брата, Зевс подарил ему этого свирепого охранника. На протяжении долгих столетий Цербер верно служил Аиду, но однажды ненадолго покинул свой пост, после чего был убит Гераклом ради головы, которую герой потом подарил царю Еврисфею (один из подвигов Геракла) [3]. Семь Ворот Джаханнама охраняют 19 ангелов. В славянской языческой мифологии стражем загробного мира является крылатый пес Семаргл [3]. Царство мертвых (в скандинавской мифологии) – Хьель охраняет дева Модгуд [3]. Вход в Муспельхейм охраняет великан Сурт, повелитель огненных великанов. Он сидит на самом краю Муспельхейма [3].

Концепт «*Ключ*» весьма тесно связан с концептом «*Врата*». Обыкновенно врата заперты на ключ (раскрытые настежь врата – знак беды, несчастья, разгрома и погрома) или же охраняются стражем (привратником). Важнейшие врата весьма серьезно заперты и охраняются серьезной стражей. Владение ключами (от городских ворот) – важная привилегия повелителя (*Potestate clavis*) или победителя (ему вручали ключи от города). Ключи весьма разнообразны – в зависимости от характера врат: двери, люки, калитки и пр. закрыты хитрымными замками с секретными ключами. Ключом могут быть слова («Сезам, откройся!») или сегодня голосовые команды персональному компьютеру). Ключ электронный (чип, карта), программа открывания операционной системы. Ключ может быть законным, или поддельным – хакинг. Хакеры подделывают ключ и осуществляют вход в запретную зону.

О вратах бездны и ключе говорится в Библии: «И Пятый ангел протрубил, и я увидел звезду с неба, упавшую на землю, и дан был ему *ключ* от колодца бездны. И он открыл колодец бездны, и поднялся дым из колодца, как дым большой печи; и померкло солнце и воздух от дыма колодца» [1; Откр., 9 гл.]. В мифологии осетин Зыдон (зиндон) представляет собой ад, он заперт, а *ключ* от него находится у Барастыра («наделенного сильной властью»), владыки загробного мира.

Проводник – еще один важный концепт, тесно связанный с В. Он, как правило, находится у врат, разделяющих миры (проводник, паромщик, гид, толмач (переводчик)), преодолеть границу можно лишь с помощью проводника. К паромщику, который переправлял души в загробный мир, относились с уважением. Египтяне, к примеру, проводили отдельные ритуалы, чтобы задобрить его. Суровым перевозчиком в загробный мир считался герой мифологии Древней Греции – Харон, который переправлял души через реку Стикс в мир Аида. Он отличался крайней законопослушностью и никогда не спорил с богами Олимпа. За переправу Харон требовал всего лишь один обол – мелкую монету того времени, которую родные покойного клали ему в рот в ходе похорон. Если во время похорон не соблюдались традиции и обычаи, Харон отказывался пускать душу на свою лодку: например, если родня покойного поскупилась на щедрое жертвоприношение Аиду [3]. Скандинавы верили, что погибших в бою встречал Один собственной персоной, после чего сопровождал их в Валгаллу – мифологический загробный мир для воинов, в котором

их ждет вечный праздник с прекрасными валькириями. У кельтов, чтобы добраться до «Земли женщин», необходимо было проплыть на лодке с проводником из таинственного селения на западе Бретани. В славянской религии души к загробному миру провожал волк (который потом превратился в персонажа сказки об Иване Царевиче).

Столь же важен концепт «Мост» (в чем-то аналогичен Вратам – это место возможного пересечения границы миров). В скандинавской мифологии Хель (Хельхейм), царство мертвых, обычно противопоставляется Вальгалле – царству мертвых для избранных. У ворот царства мертвых течет река Гьёлль. Через нее перекинут мост, который строго охраняет дева Модгуд. Пройти по данному мосту, считали скандинавы, самостоятельно практически невозможно, так как его охраняли злые великаны и свирепые псы. У души был единственный выход: как-то договориться с матерью этих великанов, которой являлась та самая ведьма (дева) по имени Модгуд. К семи воротам Джуханнама ведет мост шириной в лезвие меча.

Аспекты Дискурса В.

– **Лингвистический:** слово В. «общеслав. индоевроп. характера (ср. тохар. В wärto «сад», др. – прус. wardo «дверь» и т. д.). Образовано с помощью суф. – t- от той же основы, что и др. – рус. ворь «ограда, забор», производное с переласовкой о/е от *verti «запирать» [10]. Ворота: 1. Проезд внутрь строения или за ограду, закрываемый широкими створами, а также сами эти створы. Въехать в в. Закрыть в. Тесовые в. В. шлюза (регулирующие уровень воды в шлюзе) [7]. Проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах). В ворота въехала телега. «Он (волк) рад бы в первые тут шмыгнуть ворота, да то лишь горе, что все ворота на запоре» [8]. 2. Подвижная ограждающая конструкция, предназначенная для обеспечения функциональной связи между двумя смежными пространствами (помещениями, территориями) [2]. 3. Широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, зданиях), а также створы для закрытия этого входа или проезда; точно обозначенная защищаемая часть поля каждой из двух команд при игре в футбол, хоккей и т. п.; место вхождения и выхода из какого-л. органа кровеносных и лимфатических сосудов (о печени). В русском языке XI–XVII вв. изв. ворота, поливорота. Из праслав. *ворта, восходящего к и. – е. глаг. основе *wert-: *wort-: *wrt- «вер-теть». Соответствия: др. – прус. wardo, лит. vartai «ворота». Название дано потому, что древние ворота имели створки, вращающиеся на осях, углубленных в специальные каменные подпятники [10].

Содержательны энциклопедические данные по этимологии этого концепта в словаре Фасмера [9]. Существенно расширяют картину происхождения и развития концепта (связанного с латинским «Порт») иноязычная этимология [11]: интересно, что в английском: figuratively «place of refuge, asylum» (образно – «место убежища, убежище») и французском языке есть и такой смысл концепта «Lieu de repos, de refuge, d'une situation tranquille» («Место отдыха, убежища, спокойной обстановки»). Или еще более выпукло: «Lieu où l'on se retire loin des embarras du monde, où l'on cherche à se mettre à couvert de quelque danger» («Место, где человек удаляется от смущения мира, где он пытается укрыться от какой-нибудь опасности»). Помимо морских и речных, в 60-е гг. появился термин «Сухой порт» (Port à sec) [13].

Богат синонимический ряд: баб, брама, брана, вайга, воротища, воротца, врата, въезд, гульффик, калитка, пайлоу, портал, потерна, пролив, пропилеи, проход, рамка, рольворота, рот, торама, торана, шинка (а также: вагина [14]).

– **Семиотический:** знаково-символическое выражение столь же многообразно, как и семантическое.

– **Праксеологический:** врата требуется открывать/закрывать, в этом их главная функция; далее – важно *правильно это делать* (отпирать/запирать, пользоваться *ключами*, использовать стражу/привратников; важно время отпирания/запирания ворот (день открытых дверей; переговоры за закрытыми дверями); правильное состояние врат – закрытое. Граница должна быть на замке: не должно происходить беспорядочное (где попало и когда угодно) пересечение границы и смешивание миров. Существуют многообразные «инструкции» по запираению/отпиранию ворот (магические обряды, речевые формулы и действия, письменные распоряжения, шифры и коды). Поэтому вратами нужно пользоваться умело. Путник должен быть определенным образом подготовлен (экипирован) к открытию ворот (отправляясь в Путь, запасаясь верительными грамотами, подорожными, удостоверениями, ключами, шифрами и пинкодами, и т. п.).

– **Кратологический:** врата обладают *властно-распорядительным* воздействием – они суть только то место, где возможно пересечение границы между мирами (иные места и способы – либо просто невозможны, либо незаконны); в культурах существует множество правил и предписаний, техник прохождения ворот (от *молитвы* или снятия головного убора при входе до обязательных словесных формул («стой, кто идет?», «откройте, полиция!»)) окликания и приветствия, секретных *паролей* («введите пин-код»); создание особенных артефактов для открывания врат: *паспорт* (passé-port: проход ворот), хитроумные ключи (или отмычки!), подорожная грамота, знаки и символы власти, позволяющие беспрепятственно пересекать границу через врата («синие мигалки»).

– **Аксиологический:** врата обладают *ценностью* (безразлично какой – положительной или отрицательной), т. к. обнаружение их – нахождение того заветного участка на границе миров, где переход возможен и обладание им дает величайшую власть.

1. Библия.
2. ГОСТ 31174-2017: Ворота металлические. Общие технические условия оригинал. ... Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200156975>.
3. Мифы народов мира. В 2-х т. М., Энциклопедия, 2008. URL: <http://www.mifinarodov.com>.
4. Окно. URL: <http://www.mifinarodov.com/o/okno.html>.
5. Путь. URL: <http://www.mifinarodov.com/p/put.html>.
6. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999: «портал, калитка, потерна, воротища, воротца, шинка, пролив, торана, пропилеи, гульффик, врата, рот, проход, пайлоу (т. е. Ворота в южнокитайской деревне Сиди)».
7. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
8. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ru-dict.ru/slovar-ushakova>.

html.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2144.htm>.
10. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004.
11. Этимологический словарь. URL: <https://www.etymonline.com>.
12. Юду. URL: <http://www.mifinarodov.com/yu/yudu.html>.
13. Port à sec. URL: [http://www.flambart.com/port_\(marine\).php](http://www.flambart.com/port_(marine).php).
14. Вагина зубастая URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vagina_dentata.

References

1. Bibliya.
2. GOST 31174-2017: Vorota metallicheskie. Obshhie texnicheskie usloviya original... Slovar'-spravochnik terminov normativno-texnicheskoy dokumentacii. <http://docs.cntd.ru/document/1200156975>.
3. Mify narodov mira. V 2-x t. M., E'nciklopediya, 2008. URL: <http://www.mifinarodov.com>.
4. Okno. URL: <http://www.mifinarodov.com/o/okno.html>.
5. Put'. URL: <http://www.mifinarodov.com/p/put.html>.
6. Slovar' russkix sinonimov i sxodnyx po smyslu vyrazhenij. – pod. red. N. Abramova, M.: Russkie slovari, 1999: «portal, kalitka, poterna, vorotishha, vorotca, shirinka, proliv, torana, propilei, gul'fik, vrata, rot, proxod, pajlou (t. e. Vorota v yuzhnokitajskoj derevne Sidi)».
7. Tolkovyj slovar' Ozhegova. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
8. Tolkovyj slovar' Ushakova. URL: <http://ru-dict.ru/slovar-ushakova.html>.
9. Fasmer M. E'timologicheskij slovar' russkogo yazyka URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2144.htm>.
10. Shkol'nyj e'timologicheskij slovar' russkogo yazyka. Proisxozhdenie slov / N.M. Shanskij, T.A. Bobrova. – M.: Drofa, 2004.
11. E'timologicheskij slovar'. URL: <https://www.etymonline.com>.
12. Yudu. URL: <http://www.mifinarodov.com/yu/yudu.html>.
13. Port à sec. URL: [http://www.flambart.com/port_\(marine\).php](http://www.flambart.com/port_(marine).php).
14. Vagina zubastaya URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vagina_dentata.

UDC 303.4+304.44

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.111119

GATE

Rusakov Vasily Matveyevich,

Ural Federal University,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

A discourse analysis of the “Gates” concept, which has the richest archetypal content, is manifested, which is manifested in the widest range of its application in the material and spiritual culture of all mankind.

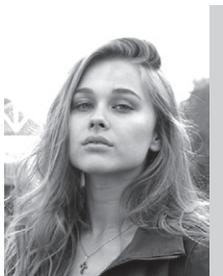
Keywords:

gate, portal, “black hole”, cave, path, bridge, key, gatekeeper.

УДК 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.120128

АВТОРИТАРИЗМ VS ПОПУЛИЗМ: КРИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Шевченко Мария Александровна,

Уральский федеральный университет,
магистрант,
департамент политических наук и социологии,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: maria241120@mail.ru

Аннотация

В обзоре анализируется статья британского профессора Вестминстерского университета Кристиана Фукса «Авторитарный капитализм, авторитарные движения и авторитарная коммуникация»¹, в которой предлагается в качестве научного подхода для изучения феномена Дональда Трампа использовать критическую теорию авторитаризма. Выбор данного подхода объясняется недостаточной теоретической проработанностью и многозначностью понятия популизм, что, по мнению автора, затрудняет изучение «трампизма» как нового политического явления.

Ключевые слова:

популизм, трампизм, авторитаризм, неолиберализм, Дональд Трамп.

Во второй половине XX века в предисловии к одному научному изданию была использована фраза «Призрак бродит по Европе, призрак популизма» [11, с. 1]. Данный материал был приурочен к конференции Лондонской школы экономики, проходившей в 1967 г., целью которой было привлечение внимания ученых к изучению многообразных проявлений популизма. Является ли актуальным сегодня изучение феномена популизма?

Не так давно в научной среде стали появляться исследования, констатирующие кризис установившегося после упадка биполярной системы неолиберального мирового устройства. Знаковыми проявлениями данной тенденции стали такие события, как брекзит и победа в 2016 г. на американских выборах

¹ Fuchs С. «Authoritarian capitalism, authoritarian movements and authoritarian communication». – Media, Culture & Society. 2018, Vol. 40 (5). 779–791.

Дональда Трампа, чье имя приобрело статус концепта под названием «трампизм». К примеру, О. Ф. Русакова отмечает: «Избирательная кампания Трампа и дискурс трампизма оказались более эффективными инструментами воздействия на американский электорат, поскольку отвечали его внутренним протестным чувствам, связанным с неудовлетворенностью своим социальным положением и идеологическим влиянием «ядерного» слоя американской нации в лице «белой протестантской Америки», разделяющей традиционные ценности» [5, с. 19].

На фоне кризиса неолиберальных ценностей мы можем наблюдать еще не до конца оформленные, но все же отличные от доминирующих политические идеи, которые в научном дискурсе стали обозначаться как «новая правая альтернатива» или «alt-right». «В широком смысле слова, alt-right – это название для открывающейся возможности формирования нового альтернативного мирового порядка, а в лице Трампа – нового порядка в США» [5, с. 15].

В связи с подрывом либерального консенсуса ряд исследователей начали признавать появление нового популизма «как новой нормальности в развитии партийно-политических систем» [3]. Причем, отмечается, что определение идеологической направленности современного популизма не поддается идентификации, так как одни и те же политики разных идеологий могут именоваться популистами. По этому поводу И. Крастев пишет, что «популизм утратил свое первоначальное идеологическое значение как выражение аграрного радикализма. Популизм слишком эклектичен, чтобы быть идеологией, такой как либерализм, социализм или консерватизм» [9]. Обращение к проблематике популизма в настоящее время в значительной степени может являться реакцией на современные переломные процессы, одним из выражений которых – разочарование в неолиберальной идеологии и отсутствие идеологически внятной и последовательной альтернативы.

Если ряд современных исследователей ставят вопрос о важности изучения феномена популизма в контексте текущих политических трансформаций, то автор анализируемой нами статьи Кристиан Фукс считает теоретически непригодным использование термина «популизм» для осмысления современной политической реальности (в частности, феномена Трампа или так называемого «трампизма»). Более того, сама статья начинается с размышлений автора о трудностях в научном употреблении данного понятия, поскольку оно отличается чрезмерной многозначностью. Так, согласно автору, популизм может означать движение сделать что-то привлекательным для людей, он может являться обозначением для конкретного стиля политика (к примеру, стиль В. В. Жириновского). Также термин имеет устойчивые негативные коннотации, связанные с идеологией нацизма, выражением чего стала эксплуатация правыми и фашистскими движениями народных предрассудков [10, p. 780–781].

Для доказательства наличия в термине фундаментально разного содержания автор приводит позиции двух авторов: А. Грамши и А. Гитлера. Если в первом случае популизм был связан с народной культурой, органической интеллигенцией, культурным измерением классовой борьбы, формированием коллективной социалистической воли, то во втором варианте популизм понимается как популяризация антисемитского нацистского движения [10, p. 781]. Таким образом, для автора понятие «популизм» является политически запутанным и «плавающим» термином. Такое обстоятельство, по его мнению,

дает основание при изучении феномена Трампа использовать вместо термина «популизм» термин «авторитаризм». Ниже мы подробно рассмотрим данную категорию и способы ее применения. Сейчас же хочется отметить несколько моментов относительно полноты рассмотрения автором понятия «популизм», так как от уровня проработки данного термина будет зависеть, насколько правомерно использовать вместо термина «популизм» термин «авторитаризм».

Отметим, что здесь исследователь ограничивается несколькими общими определениями понятия, указывает на проблемные места политического определения термина, а также приводит разные подходы, где определения популизма имеют противоположные значения. Подобное рассмотрение в контексте несостоятельности термина популизма является интересным и вполне оправданным, но, как нам представляется, не совсем достаточным. На наш взгляд, в статье не хватает ретроспективного подхода, где бы читатель мог увидеть динамику развития и изменения концепта популизма. В своей статье Фукс не обращается к классическим примерам определения популизма и не пытается вычленить его устойчивые характеристики.

Удачным примером подобного анализа может быть работа 2016 года Я. Мюллера «Что такое популизм?». В ней автор дает следующее определение популизма: «... Это особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность» [2, с. 37]. Он относит к элементам популизма такие явления, как критика элит, неприятие плюрализма и представление о собственной способности выражать подлинные интересы народа [2, с. 16].

Критический взгляд Фукса в отношении популизма является своего рода прологом к основной части статьи – к рассмотрению теории авторитаризма и его современному применению. В качестве методологии автор использует критическую теорию авторитаризма, разработанную учеными Франкфуртской школы: Франц Леопольд Нейманн, Эрих Фромм, Теодор В. Адорно, Г. Маркузе [10, р. 782–784].

Основное внимание Фукс уделяет, может быть, не самому известному из всех представителей данной школы Францу Леопольду Нейманну (Franz L. Neumann) и его работе «Тревога и политика» 1957 г. («Anxiety and Politics»), переизданной в 2017 г. Такое предпочтение автор объясняет тем, что в работах Неймана при анализе авторитаризма присутствует одновременно политико-экономический, идеологически-критический и критически-психологический подходы. Особенно ценным в работе Нейманна Фукс считает его рассуждение о том, что широко-масштабная поддержка ультраправых сил порождена деструктивной коллективной тревогой. Данная тревога возникает при совпадении шести условий: а) отчуждение труда, б) деструктивная конкуренция, в) социальное отчуждение, г) политическое отчуждение в отношении политической системы, д) институционализация тревоги, е) деструктивное психологическое отчуждение и тревога преследования. «Эти категории – по мнению Фукса – могут быть применены к анализу связей между современными формами неолиберального капитализма и подъемом правого авторитаризма. Неолиберальный капитализм привел к усилению отчуждения труда, разрушительности конкуренции, большому страху перед социальным упадком, политической апатии и недоверию к политическим институтам демократии и политикам. Неолиберализм – это политика

социальной тревоги (неустойчивый труд и неустойчивая жизнь), которая может иметь обратный эффект и превратиться в фашистскую политику политической тревоги. В этой политической пустоте националистические и ксенофобские ультраправые движения и их авторитарные лидеры не только разжигают страхи, создавая козлов отпущения, но и обещают альтернативы в виде национализма, сильных лидеров и авторитарного правления» [10, p. 782].

Опираясь на исследования представителей Франкфуртской школы, Фукус выделяет следующие признаки авторитаризма: а) авторитарное руководство, б) национализм, в) схема «друг-враг» и г) патриархат и милитаризм [10, p. 783]. Под национализмом автор подразумевает дискурсивный конструкт фиктивной этничности, посредством которого пытаются идеологически объединить людей с использованием таких элементов как вера, общность крови, традиций, языка, происхождения, культуры. Схема «друг-враг» представляет собой форму, при которой конструируется исключительность врага для его дальнейшего уничтожения. Под милитаризмом и патриархатом ученый понимает гендерное неравенство, где главная роль отводится мужчине-солдату как общественному идеалу. В таком типе общества единственными решениями социальных конфликтов будет выступать конкуренция, насилие, война.

Примечательно, что автор не дает обобщающего определения понятию «авторитаризм», включающего все его многообразные формы, а без каких-либо логических мостиков сразу переходит к раскрытию термина «правый авторитаризм» (right-wing authoritarianism). Под правым авторитаризмом автор подразумевает «тип политического фетишизма, который боготворит нацию как мифический коллектив, направленный против воспринимаемых аутсайдеров, которые должны быть сдержаны, очищены или устранены, чтобы достичь величия. Ее идеологическая роль заключается в том, что она отвлекает внимание от сложных структурных причин социальных проблем капитализма, связанных с классовыми структурами и социальным господством, и не позволяет им выявить их» [10, p. 783].

Также Фукус использует в своей статье такой термин, как «авторитарный капитализм», который означает форму капиталистической политической экономики, где государством используются принципы правого авторитаризма в целях организации капитализма и отстаивания капиталистических отношений [10, p. 783].

В разделе статьи под названием «Трамп, социальные медиа и правый авторитаризм» (Trump, social media and right-wing authoritarianism) Фукус рассматривает некоторые позиции участников академической дискуссии, посвященной раскрытию причин общественной поддержки ультраправых движений. Он обращается к анализу социально-экономической и культурологической гипотез, представленных в статье Рональда Ингларта и Пиппа Норриса «Трамп, брекзит и подъем популизма: экономические неимущие и культурные последствия» [8]. Согласно первой гипотезе, причины массовой поддержки популизма содержатся в экономическом неравенстве, трансформации рабочей силы в постиндустриальной экономике, технологической автоматизации, глобальном потоке рабочей силы, сокращении социальной защиты. Данные факторы порождают у электората чувство фрустрации, тревоги, страха, что создает удачную «почву» для привлечения к эмоционально-окрашенной правой политической повестке.

Культурологическая гипотеза или «культурная обратная реакция» предполагает, что рост голосов за популистские партии может быть реакцией не только на изменения экономического положения, но также в значительной степени – реакцией, направленной против так называемых прогрессивных культурных изменений [8, р. 2]. Под прогрессивными культурными изменениями Р. Инглехарт и П. Норрис понимают сдвиг в сторону постматериалистических ценностей, таких как космополитизм, мультикультурализм, концепция прав человека, теория гендерного равенства, идеология «зеленых». Обе гипотезы Фукс считает правомерными для объяснения происхождения и распространения правого авторитаризма.

Кроме того, Фукс видит причины привлекательности правых взглядов в современных формах неолиберального капитализма. Под неолиберализмом он понимает «политику социальной тревоги, выраженной неустойчивостью труда и жизни, которая может превратиться в фашистскую политику политической тревоги» [10, с. 782]. Такую позицию можно назвать довольно смелой ввиду того, что неолиберальная доктрина до сих пор является доминирующей парадигмой в зарубежных гуманитарных исследованиях.

Приведенные выше материалы говорят о том, что автора статьи интересует не только изучение феномена авторитаризма и его составляющих, но и причины общественного запроса на данную идеологическую модель. В связи со стиранием идеологических границ, созданием гибридных идеологий, зарождением тренда на критику глобализации и неолиберализма, подобный анализ может иметь большую прикладную и теоретическую ценность как для прогнозирования электорального поведения, так и для изучения более глобальных геополитических процессов.

Стоит сказать, что изучение правого авторитаризма интересует К. Фукса прежде всего в качестве теоретического инструмента аналитического объяснения коммуникативной стратегии и политической риторики Дональда Трампа. Интерес к политической коммуникации американского политика является понятным и закономерным явлением, если вспомнить хотя бы тот факт, что на завершающих этапах предвыборной гонки осенью 2016 года опросы общественного мнения показывали незначительное, но стабильное преимущество его соперницы. Хилари Клинтон опережала республиканца Трампа на 3–5 п. п., что в масштабах страны делало ее президентство почти неизбежным [6].

Объясняя причины успеха Трампа, автор статьи неоднократно повторяет мысль, что популярность и массовая поддержка популистов или авторитарных политиков происходит за счёт обращения к эмоциям, а не к рациональной сфере человека. В эпоху медиатизации политики влияние на эмоциональную составляющую может эффективно осуществляться через публичную Интернет- и телекоммуникацию. Как подчеркивает Быков И. А., «Медиатизация политического процесса дошла до такой степени, что навыки шоумена, статус знаменитости и гламурный облик приводят к победе на выборах, а профессиональные политики с огромным опытом реальной работы в органах государственной власти проигрывают» [1, с. 122]. В таком случае основной властный ресурс политика будет состоять в искусстве эффективного использования инструментов политического брендинга и приемов шоу-политики [4].

Фукс развивает концепцию политического бренда как символического капитала политика на примере феномена Трампа: капитал американского президента определяет не недвижимость и казино, а бренд с надписью «Трамп». Такая категория, как «трампизм» рассматривается автором как политическая модель, сочетающая в себе самобрендинг Трампа с логикой «The Apprentice»² и Твиттера. Исследователь отмечает, что выбор Трампа в пользу реалити-шоу и Твиттера не является случайным. Твиттер представляет собой коммуникативную культуру, включающую высокую скорость передачи информации, поверхностность и краткость. Поэтому такая платформа позволяет сторонникам американского президента «восхищаться своим лидером и выражать свою ненависть к козлам отпущения» [10, с. 786].

В качестве доказательства политической значимости Твиттера для избирательной кампании Трампа К. Фукс описывает проведенное им эмпирическое исследование Твиттера американского президента, в котором использовалась критическая теория авторитаризма Франкфуртской школы. Полученные данные анализировались методом критического дискурс-анализа. При описании и оценке данного метода исследователь опирается на работу М. Рейзигл и Р. Водак «Дискурс и дискриминация: риторика расизма и антисемитизма»³. Ссылаясь на авторов, Фукс в рамках метода критического дискурс-анализа объединяет текст-имманентную, социально-диагностическую и перспективную критику. Особенность данного подхода состоит в том, что анализ текста осуществляется с учетом социального, культурного, исторического контекста и, как пишет Фукс, «направлен на продвижение перспектив прогрессивных изменений общества» [10, р. 786].

Выбор именно такого метода исследования можно объяснить тем, что автора интересует коммуникативная составляющая современного авторитарного дискурса, который стремится к доминированию и утверждению своих идеологических позиций. С учетом того, что целями критического дискурс-анализа является вскрытие неявно выраженных идеологизированных структур власти и способов доминирования, использование данного метода можно считать уместным и оправданным [7, с. 136].

В своем эмпирическом исследовании автор приводит в качестве результата сравнительно небольшое количество данных, в то время как сама выборка оказывается довольно внушительной и составляет 1815 твитов. Период сбора данных охватывает временной промежуток между началом республиканского Национального собрания (18 июля 2016 года) и инаугурацией Трампа (21 января 2017 года). В качестве примера в самой статье приводятся два твита, которые, судя по дате их публикации, не вошли в выборку исследования: «It is time for DC to protect the American worker, not grant amnesty to illegals. Let is Make America Great Again!» и «We should be concerned about the American worker & invest here. Not grant amnesty to illegals or waste \$7B in Africa» [10, p. 787].

² Реалити-шоу, в котором разыгрываются соревнования с участием американских бизнесменов. Лицом и хозяином передачи с 2004–2015 был Дональд Трамп.

³ Reisigl M. and Wodak R. *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London: Routledge. 2001.

В твитах Трампа заложены устойчивые образы, с одной стороны, позитивных героев в лице американских рабочих, которые олицетворяют собой глубинную Америку, с другой стороны – негативных персонажей в лице иммигрантов, африканцев, угрожающих американскому образу жизни. Согласно Фуксу, трамповские сообщения представляют собой две семиотические цепи с противоположными, но сочетающимися друг с другом ассоциациями: первая содержит негативную коннотацию (амнистия, нелегалы, отходы, Африка), а вторая – коннотацию положительную (американские трудящиеся, великая Америка, защита). Автор делает вывод, что такая семиотическая конструкция работает на достижение определенного эффекта: призвать к политическому действию, выражаемому в поддержке Трампа как единственного лидера, способного «сделать Америку снова Великой».

В заключении к статье Фукс не ограничивается констатацией политического выигрыша право-авторитарных политиков. Он также обращается к их антагонистам по идеологическому лагерю – левым. Автор поднимает проблему упадка левых сил на фоне успеха правых, в частности, его интересует проигрыш «левых» в ведении политической коммуникации. Причинами такого положения, по мнению автора, является монополия правых на средства массовой информации, отсутствие левыми обращения к психологии масс, их чувствам и желаниям. В связи с этим ученый дает конкретные рекомендации политикам левого толка, которые заключаются в активизации своего присутствия в медийном пространстве. Если правые активно заявляют о себе в социальных медиа, реалити-шоу, то отвечать им нужно на таком же языке, но с позиции собственной идеологии. Ученый предлагает активно использовать такие эффективные формы политической борьбы, как юмор, сатира и пародия. Он предлагает «левым» брать пример с творчества Чарли Чаплина и Бертольта Брехта [10, p. 788].

В целом, статья Кристиана Фукса представляет собой интересное и неординарное исследование, посвященное современным явлениям в медийной политической коммуникации. Новизна работы состоит в содержательном пересмотре автором часто используемого понятия «популизм», применяемого в отношении политики Трампа и в предложении замены его на термин «правый авторитаризм». Примечательным является то, что автор актуализирует целый ряд исследований представителей Франкфуртской школы применительно к анализу современного авторитаризма. Особого внимания заслуживает также проведенное Фуksom эмпирическое исследование твитов Трампа на основе применения метода критического дискурс-анализа. Интерес к статье также достигается посредством нескрываемой личной заинтересованности исследователя к изучаемой проблеме, выражаемой в открытом проявлении собственных идеологических предпочтений. Складывается впечатление, что своим исследованием автор намеревается не только зафиксировать какие-то политико-социальные тенденции, а обратиться с определенным призывом к политическим актерам правого и левого толка. Вместе с тем, по нашему мнению, автор не достаточно убедительно обосновывает необходимость замены понятия «популизм» на термин «авторитаризм». Несмотря на то, что представленный в статье анализ авторитаризма дается довольно глубоко и подробно, вопрос о преимуществах использования именно данного термина в отношении такого феномена, как «трампизм» остался для нас открытым.

1. Быков И. А. TWITTER как основной инструмент избирательной кампании Дональда Трампа. – Российская школа связей с общественностью. 2017. № 9. 115–123 с.
2. Мюллер. Я.-В. Что такое популизм? / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 144 с.
3. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/novyy-populizm-i-stanovlenie-postbipolyarnogo-mirovogo-poryadka/> (дата обращения: 14.02.2018).
4. Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть Социум и власть, 2009, № 4 (24). – С. 36–39.
5. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Правый поворот в политическом дискурсе элит и кризис неолиберализма». – Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 (24–25). 13–22 с.
6. Триумф Трампа: почему американцы выбрали неожиданного президента URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2016/58248aed9a7947829a862787> (дата обращения: 14.02.2018).
7. Хилханова Э.В. Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ). – Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № S1. 136–140 с.
8. Inglehart R and Norris P (2016) Trump, Brexit, and the rise of populism: economic have-nots and cultural backlash. MA: Harvard University, 2016. 53 с.
9. Ionescu G., Gellner E. Introduction // Populism: Its Meaning and National Character / G. Ionescu, E. Gellner (eds). L.: Weidenfeld & Nicolson, 1969. 263 p.
10. Fuchs C. «Authoritarian capitalism, authoritarian movements and authoritarian communication». – Media, Culture & Society. 2018. № 40 (5). 779–791 с.
11. The populist moment URL: <https://www.eurozine.com/the-populist-moment/> (дата обращения: 14.02.2018).

References

1. Bykov I.A. TWITTER kak osnovnoj instrument izbiratel'noj kampanii Donal'da Trampa. – Rossijskaya shkola svyazej s obshhestvennost'yu. 2017. № 9. 115–123 s.
2. Myuller. Ya.-V. Chto takoe populizm? / per. s angl. A. Arxipovoj; pod nauch. red. A. Smirnova. M.: Izd. dom Vysšej shkoly e'konomiki, 2018. 144 s.
3. «Novyj populizm» i stanovlenie postbipolyarnogo mirovogo poryadka. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/novyy-populizm-i-stanovlenie-postbipolyarnogo-mirovogo-poryadka/> (data obrashheniya: 14.02.2018).
4. Rusakova O.F. Shou-politika: osobennosti diskursa // Socium i vlast' Socium i vlast', 2009, № 4 (24). – S. 36–39.
5. Rusakova O.F., Rusakov V.M. «Pravyj povorot v politicheskom diskurse e'lit i krizis neoliberalizma». – Diskurs-Pi. 2016. № 3–4 (24–25). 13–22 s.

6. Triumpf Trampa: pochemu amerikancy vybrali neozhidannogo prezidenta URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2016/58248aed9a7947829a862787> (data obrashheniya: 14.02.2018).

7. Xilxanova E'.V. Kriticheskij analiz diskursa: principy, metody i praktika (na primere diskursa SMI). – Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № S1. 136–140 s.

8. Inglehart R and Norris P (2016) Trump, Brexit, and the rise of populism: economic have-nots and cultural backlash. MA: Harvard University, 2016. 53 s.

9. Ionescu G., Gellner E. Introduction // Populism: Its Meaning and National Character / G. Ionescu, E. Gellner (eds). L.: Weidenfeld & Nicolson, 1969. 263 p.

10. Fuchs C. «Authoritarian capitalism, authoritarian movements and authoritarian communication». – Media, Culture & Society. 2018. № 40 (5). 779–791 s.

11. The populist moment URL: <https://www.eurozine.com/the-populist-moment/> (data obrashheniya: 14.02.2018).

UDC 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.120128

AUTHORITARIAN VS POPULISM: CRITICAL APPROACHES

Shevchenko Maria Aleksandrovna,

Ural Federal University,
Master,
Department of Political Sciences and Sociology,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: maria241120@mail.ru

Annotation

The review analyzes the article of the British professor of Westminster University Christian Fuchs “Authoritarian capitalism, authoritarian movements and authoritarian communication”, which proposes to use the critical theory of authoritarianism as a scientific approach to study the phenomenon of Donald Trump. The choice of this approach is due to insufficient theoretical elaboration and ambiguity of the concept of populism, which, in the opinion of the author, makes it difficult to study trumpism as a new political phenomenon.

Keywords:

populism, trumpism, authoritarianism, neoliberalism, Donald Trump.

УДК 321.6

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.129135

ПРОТИВОСТОЯНИЕ Д. ТРАМПА И CNN

Бисимбаев Темирлан Рустемович,

Уральский федеральный университет,
магистрант,
кафедра политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: timlaplandia@gmail.com

Аннотация

Настоящая работа представляет собой аналитический обзор статьи двух исследователей – Зейнаба Гасеми Тари (университет Тегерана, Иран) и Захры Эмамзаде (университет Кентербери, Новая Зеландия), – опубликованной под названием «Анализ сообщений СМИ в ходе президентских выборов 2016 года в США: Тематическое сравнение новостей CNN и твитов Дональда Трампа» в «Журнале политики и права» в 2018 г.¹ Предметом изучения авторов является медийная конфронтация между Дональдом Трампом и телеканалом CNN во время президентских выборов в США. Главным достоинством рассматриваемой зарубежной статьи является проведение подробного тематического анализа медиапосланий (твиты Трампа и видеоролики CNN), которыми обменивались информационные противники в разгар избирательной кампании 2016 года.

Ключевые слова:

Трамп, Твиттер, CNN, медиа-послание, тематический анализ, установление повестки дня.

Во введении к статье авторы говорят об истории телеканала CNN и об его рейтингах во время избирательной кампании 2016 года в США, дают список тем, которым были посвящены репортажи данного канала. При этом подчеркивается большое информационно-политическое влияние CNN как на американскую,

¹ Zeinab Ghasemi Tari & Zahra Emamzadeh. An Analysis of the Media Messages during the 2016 U.S. Presidential Election: A Thematic Comparison between CNN News and Donald Trump's Tweets – Journal of Politics and Law; Vol. 11, No. 2; 2018 ISSN 1913–9047E-ISSN 1913–9055. Published by Canadian Center of Science and Education.

так и на зарубежную аудиторию, что получило отражение в появлении и распространении термина «Си-Эн-Эн эффект» (CNN effect). Данный феномен стал предметом широкого изучения научной общественностью с точки зрения развития технологий коммуникации и перспектив медиа-влияния на международные отношения. Это подтверждается рядом публикаций, на которые ссылаются авторы [7; 10; 13].

После краткого рассказа о медийных достижениях CNN З.Г. Тари и З. Эмамзаде переходят к анализу влияния новых медиа на избирательную кампанию в США в 2016 году, подчеркивают особое значение Твиттера в информационной стратегии Д. Трампа: «Помимо традиционных СМИ, президентские выборы в США 2016 года стали свидетелями беспрецедентной роли новых социальных сетей и их значительного влияния. В настоящее время многие политики считают новые социальные медиа незаменимыми в своем политическом успехе и имеют собственных медиа-советников и стратегов во время своих кампаний. В частности, Twitter имел 317 миллионов пользователей в месяц в третьем квартале 2016 года. Постоянное использование Дональдом Трампом Twitter-a и его способность достигать своей аудитории с помощью 140-символьных сообщений привели к его окончательному успеху. В большей степени, Трамп использовал Twitter случайным образом, чтобы атаковать оппонентов и своих критиков. Считается, что характер Twitter-сообщений, их короткий и упрощенный контент были привлекательными для аудитории» [12, p. 80].

Авторы отмечают, что социальные сети дают возможность выбирать не только СМИ, которые потребители хотели бы читать, но также и темы, которые вызывают у них интерес. В статье подчеркивается предпочтительный характер выбора Твиттера, благодаря такой его особенности, как краткость информационного сообщения. Ссылаясь на работу Мессинга и Вествуда [9], З.Г. Тари и З. Эмамзаде отмечают, что существуют важные различия между традиционными и современными СМИ: «...Веб-сайты и мобильные приложения отображают контент от разных поставщиков новостей в одном месте, пользователям больше не нужно выбирать источник новостей; вместо этого они выбирают саму историю. Это представляет собой фундаментальный разрыв от прошлых режимов потребления новостей, в котором люди приучили себя к надежному источнику – вместо этого пользователи социальных сетей могут выбирать новости из широкого спектра источников, которые друзья или другие пользователи Интернета считают интересными или важными» [12, p. 80].

В разделе «Теоретические основы» описываются теории, в призме которых рассматривается медийно-политическое противостояние между Трампом и CNN. Одна из теорий, на которые опираются авторы, – теория «установления повестки дня» (*agenda setting*). Данная теория утверждает, что СМИ, хотя и не до конца могут указать людям вектор, в котором им нужно думать, они при этом могут очертить темы, в рамках (фреймах) которых люди начинают думать. Фрейм, распускают авторы, является центральной организующей идеей для осмысления событий и предложения того, о чем идет речь, фрейминг часто рассматривается как необходимый инструмент для уменьшения сложности вопроса, учитывая ограничения их соответствующих средств массовой информации, связанные с новостями и эфирным временем. Здесь важную роль играют привратники. Под привратниками понимается процесс отбора и обработки бесчисленных

бит информации в ограниченном количестве сообщений, которые достигают людей каждый день. Это относится и к способам репрезентации информации, которые используются редакторами, журналистами и другими коммуникаторами для того, чтобы они резонировали с ментальными базовыми схемами аудитории [11, p. 12]. Редакторы – это те, кто принимает решение о распространении определенной информации. В значительной степени они могут контролировать знания общественности о реальных событиях, позволяя некоторым сюжетным историям проходить, блокируя другие [12, p. 81].

Вместе с тем, отмечают З.Г. Тари и З. Эмамзаде, многие ученые считают, что *agenda setting* в настоящее время уже не может рассматриваться в качестве доминирующей технологии влияния средств массовой информации [1, p. 1916]. Ее конкурентом выступает теория «выборочного воздействия» (*selective exposure*). Согласно данной теории, люди не являются пассивными получателями медиаконтента. Ее сторонники утверждают, что во многих случаях люди сначала принимают решения, и только затем ищут доказательства для подтверждения собственных решений [2; 6; 8].

Если аудитория, согласно теории *selective exposure*, сама выбирает медиаконтент, исходя из своих предпочтений, то тогда, считают авторы, кандидат в президенты вовсе не обязан постоянно реагировать на какие-либо негативные новости или обвинения со стороны оппонента. Так, например, когда Дональда Трампа обвиняют в жестоком обращении с женщинами, он совсем не должен немедленно на это отвечать, чтобы убедиться, что его сторонники не будут в нем разочарованы. Если он или его советники считают, что многие из его сторонников не подвержены негативным новостям, то правильным решением будет хранить молчание [12, p. 82].

Исследователи в своей статье заявляют, что перед ними стояла задача ответить на вопрос, какая медийная стратегия была ближе всего Трампу во время президентских выборов 2016 года. Пытался ли он непрерывно реагировать на то, в чем его обвиняли? Если да, то существует ли четкая последовательная связь между обвинениями и реакцией? Ответить на данные вопросы важно еще и потому, что Трамп, как известно, победил на выборах. Это значит, что его решения оказались успешными. Именно по этой причине рассмотрение медийной стратегии Трампа во время избирательной кампании имеет важное значение как с политической, так и с коммуникационной точек зрения.

Следующий раздел статьи посвящен вопросам методологии. Авторы концентрируются на методе тематического анализа. Тематический анализ заключается в извлечении ключевых тем из кейса, который исследователи хотят изучить [5]. Это очень распространенный метод, используемый в качественных исследованиях для определения и анализа значений текстов [3; 4]. Тематический анализ позволяет исследователю искать шаблонные темы и классифицировать их. Метод помогает в выявлении, анализе и составлении отчетов по темам в совокупности данных. Он также включает способы интерпретации различных аспектов исследуемой тематики. Тематический анализ помогает исследователю извлекать значения из определенной базы данных и включает изучение и запись шаблонов или тем. Несмотря на то, что данный метод широко используется в современных медиа-исследованиях, все еще нет четкого соглашения о том, что такое тематический анализ и как его проводить. Авторы пишут, что после первоначального

выбора тем следует применять такие методы, как пропуск, объединение и переименование концептов (omitting, combining, and retitling of the concepts).

Чтобы выяснить, была ли политика кампании Трампа в основном реакцией или игнорированием выдвинутых против него обвинений, исследователи анализируют сообщения, опубликованные Трампом в Твиттере, с одной стороны, и тематику новостных сюжетов его оппонентов в лице CNN, с другой стороны. Для проведения тематического анализа были просмотрены и проанализированы все видеоролики, связанные с президентскими выборами 2016 года в США с 7 по 31 октября.

В следующей части «Обсуждения и выводы» авторы пишут о том, что ими был проанализирован 431 твит за октябрь 2016 года. 116 из данных твитов были перепостами, которые не учитывались в исследовании. Остальные 315 твитов были поделены на 11 тем:

1. Трамп – следующий президент Америки.
2. СМИ нечестны.
3. CNN – нечестные новости.
4. Трамп победит терроризм.
5. Трамп – единственное решение для Америки.
6. Америка в беде.
7. Отношения с женщинами.
8. Клинтон и скандал с электронной почтой.
9. Клинтон врет.
10. Клинтон коррумпирована.
11. Клинтон – не решение для Америки.

Авторы также изучили 26 телепередач канала CNN, транслируемых в октябре 2016 года. После чего ими были выделены темы, которых чаще всего касался телеканал:

1. Трамп не так богат, как говорит.
2. Трамп и плохое обращение с женщинами.
3. Бренд Трампа теряет доверие.
4. Слова и поведение Трампа не изменились за 27 лет.
5. Трамп некомпетентен и неопытен.
6. Трамп – расист.
7. Трамп непредсказуем.
8. Трамп избежал уплаты налогов.
9. Трамп имеет нестабильный характер.

Кроме того, в данном разделе приводится таблица, в которой указывается период, в котором каждая тема была затронута CNN и Трампом. Исходя из таблицы и тем, выдвинутых двумя конфронтационными сторонами, делается вывод о том, что Трамп предпочел не отвечать конкретно на все выдвинутые против него обвинения. В основном его стратегия заключалась в переходе в контратаку на своих оппонентов по тем же темам, в которых содержались обвинения в его адрес. Также он апеллировал к непрофессионализму CNN, используя термин «fake news».

В заключении статьи подводятся итоги проведенного тематического анализа, с позиции которого авторы предлагают оценить медийную стратегию Трампа во время избирательной кампании. Результаты показывают, что прези-

дент Трамп не отреагировал на большинство обвинений и нападений со стороны CNN. Вместо этого он сам атаковал с помощью данных тем на своих оппонентов. Он подчеркивал общественное недоверие к СМИ и некомпетентность Хилари Клинтон. Единственным вопросом, который заставил Трампа отреагировать, был скандал с его высказываниями о женщинах. Он часто обращался к этой проблеме и пытался оправдать себя и извиниться. В соответствии с теорией *selective exposure* его реакция имеет разумное объяснение: среди многих обвинений и нападок на Трампа самой главной темой, безусловно, являлись его отношения с женщинами. Даже те СМИ, которые поддерживали Трампа, не смогли пройти мимо данной темы. Исследователи приходят к выводу, что именно данная тема цепляла большинство избирателей, что отразилось на стратегии Трампа. В итоге З. Г. Тари и З. Эмамзаде признают, что анализируемый ими контент, представленный материалами CNN и твиттер-аккаунтами Трампа, не является достаточно репрезентативным для всего информационного массива, вовлеченного в избирательную кампанию в США в 2016 году, а это значит, что рассматриваемая ими проблема остается открытой для дальнейшего расследования.

1. Boynton, G., & Richardson, G.W. Agenda setting in the twenty-first century – *New Media & Society*, 2015, 1916–1934.

2. Braun, V., & Clarke, V. Using thematic analysis in psychology – *Qualitative Research in Psychology*, 2008, 77–101.

3. Clarke, V., & Braun, V. Thematic analysis – *The Journal of Positive Psychology*, 2017, 297–298. <https://doi.org/10.1080/17439760.2016.1262613>.

4. Crowe, M., Inder, M., & Porter, R. Conducting qualitative research in mental health: Thematic and content analyses – *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2015, 616–623. <https://doi.org/10.1177/0004867415582053>.

5. Daly, J., Kellehear, A., & Gliksman, M. *The public health researcher: A methodological approach*. 1997. Melbourne, Australia: Oxford University Press.

6. Fereday, J., & Muir-Cochrane, E. Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development, 2006, 80–92. <https://doi.org/10.4135/9781483384436>.

7. Gilboa, E. The CNN Effect: The Search for a Communication Theory of International Relations – *Political Communication*, 2007, 27–44.

8. Guest, G., MacQueen, K.M., & Namey, E.E. *Applied Thematic Analysis*. 2007. London: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781483384436>.

9. Messing, S., & Westwood, S.J. Selective Exposure in the Age of Social Media: Endorsements Trump Partisan Source Affiliation When Selecting News Online – *Communication Research*, 2012, 1042–1063.

10. Rudd, C. (2016). Effects of the Media on Citizens and Politicians. In G. Kemp, B. Bahador, K. McMillan, & C. Rudd (Eds.) – *Politics and the Media 2016*, 154–170.

11. Shoemaker, P.J. & Reese, S.D. *Mediating the message: theories of influences on mass media content*. 1996, New York: Longman.

12. Tari Z.G. & Emamzadeh Z. (2018) An Analysis of the Media Messages during the 2016 U.S. Presidential Election: A Thematic Comparison between CNN News and Donald Trump's Tweets – *Journal of Politics and Law*, 2018, Vol. 11, No. 2.Pp. 78–87.

13. Volkmer, I. News in the Global Sphere: A Study of CNN and Its Impact on Global Communication. 1999, Luton: University of Luton Press.

References

1. Boynton, G., & Richardson, G.W. Agenda setting in the twenty-first century – *New Media & Society*, 2015, 1916–1934.
2. Braun, V., & Clarke, V. Using thematic analysis in psychology – *Qualitative Research in Psychology*, 2008, 77–101.
3. Clarke, V., & Braun, V. Thematic analysis – *The Journal of Positive Psychology*, 2017, 297–298. <https://doi.org/10.1080/17439760.2016.1262613>.
4. Crowe, M., Inder, M., & Porter, R. Conducting qualitative research in mental health: Thematic and content analyses – *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2015, 616–623. <https://doi.org/10.1177/0004867415582053>.
5. Daly, J., Kellehear, A., & Gliksmann, M. *The public health researcher: A methodological approach*. 1997. Melbourne, Australia: Oxford University Press.
6. Fereday, J., & Muir-Cochrane, E. Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development, 2006, 80–92. <https://doi.org/10.4135/9781483384436>.
7. Gilboa, E. The CNN Effect: The Search for a Communication Theory of International Relations – *Political Communication*, 2007, 27–44.
8. Guest, G., MacQueen, K.M., & Namey, E.E. *Applied Thematic Analysis*. 2007. London: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781483384436>.
9. Messing, S., & Westwood, S.J. Selective Exposure in the Age of Social Media: Endorsements Trump Partisan Source Affiliation When Selecting News Online – *Communication Research*, 2012, 1042–1063.
10. Rudd, C. (2016). Effects of the Media on Citizens and Politicians. In G. Kemp, B. Bahador, K. McMillan, & C. Rudd (Eds.) – *Politics and the Media 2016*, 154–170.
11. Shoemaker, P.J. & Reese, S.D. *Mediating the message: theories of influences on mass media content*. 1996, New York: Longman.
12. Tari Z.G. & Emamzadeh Z. (2018) An Analysis of the Media Messages during the 2016 U.S. Presidential Election: A Thematic Comparison between CNN News and Donald Trump's Tweets – *Journal of Politics and Law*, 2018, Vol. 11, No. 2.Pp. 78–87.
13. Volkmer, I. News in the Global Sphere: A Study of CNN and Its Impact on Global Communication. 1999, Luton: University of Luton Press.

UDC 321.6

DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.129135

D. TRUMP'S CONFRONTATION WITH CNN

Bisimbayev Temirlan Rustemovich,

Ural federal University,
undergraduate,
Department of political science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: timlaplandia@gmail.com

Annotation

This paper is an analytical review of an article by two researchers – Zeinab Ghasemi Tari (University of Tehran, Iran) and Zahra Emamzadeh (University of Canterbury, New Zealand), published under the title “An analysis of media reports during the 2016 U.S. presidential election: a Thematic comparison of CNN news and Donald Trump’s tweets” in the journal of politics and law in 2018. The subject of study of the authors is the media confrontation between Donald Trump and CNN during the presidential elections in the United States. The main advantage of the considered foreign article is a detailed thematic analysis of media messages (Trump’s tweets and CCN videos), which were exchanged by information opponents in the midst of the election campaign in 2016.

Keywords:

Trump, Twitter, CNN, media messages, thematic analysis, agenda setting.

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляются строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисуночные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417–2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуночными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
*место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.*
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
*место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.*
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22 (3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). Название документа [Формат документа]. Взято с URL.

Формат даты на русском языке (год, день месяц). Формат даты на английском языке (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n. d.).

Пример:

Author, A.A. (n. d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL.

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22 (3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL.

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	Название книги (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. Merriam Webster's collegiate dictionary (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Русакова, О.Ф. (ред.) (2015) <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. Название журнала, том (номер), страницы. doi: xx.xxxxxxxx. Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук</i> , 18 (1), 43–58. doi: 10.17506/ryip.2016.18.1.4358. Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6 (1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4.
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15 (2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 .

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. Название газеты, том (выпуск). Взято с URL. Author, A. (2012, January 12). Title of article. The Sunday Times. Retrieved from http://www.sundaytimes.com .
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк и т. п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа</i> [Формат документа]. Взято с URL. Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document</i> [Format description]. Retrieved from URL.
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> (дата). Взято с URL. <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> (n. d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell .

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004) <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук</i> , 18 (1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358.	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk</i> , 18 (1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358.
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15 (2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 .	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Russia in Global Affairs</i> , 15 (2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 .
	Пучков, П. (2017, 10 апреля) <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1 .	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1 .
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ .	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovej v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region] (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/ .

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «–» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.
Russian part of the article:
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.
The main text of the article (in English):
12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). Title of the book. Publisher.

Posted by A.A. (2018). Article title. Journal Title, 22 (3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Author, A.A. (2018, January 12). Name of the document [Document format]. Retrieved from URL.

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). Title of document [Format description]. Retrieved from URL.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (2018). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S. L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization indicated in as an author)	Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., Editor, C.C. (Ed.). (2012). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (ed.) (2015) <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Article	Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name</i> , volume (number), page. doi: xx.xxxxxxxx. Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branches of the Russian Academy of Sciences</i> , 18 (1), 43-58. doi: 10.17506 / rypl.2016.18.1.4358. Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6 (1), 106–138. doi: 10.1007 / s11516-011-0124-4.
Electronic resource (article)	Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i> , 15 (2), 8-19. Taken from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864 .
Electronic resource (newspaper, magazine)	Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name</i> , volume (issue). Taken from URL. Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com .
Electronic resource (web page, author presents)	If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, etc.), indicate it in square brackets. Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL.
Electronic resource (web page, no author)	<i>Webpage name (date)</i> . Taken from URL. <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell .